

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

No. 32

St. Petersburg
2025

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 32

Санкт-Петербург
2025

ББК 63.4

Редакционная коллегия:

В. А. Лапшин (главный редактор), В. А. Алёшкин, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий,
В. А. Горончаровский, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной,
Н. А. Павличенко, И. Л. Тихонов.

Editorial board:

V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, M. Yu. Vachtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky,
V. A. Goroncharovsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi,
N. A. Pavlichenko, I. L. Tikhonov.

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Publishing group: L. B. Kircho, E. V. Novgorodskikh, V. Ya. Stegantseva

Записки Института истории материальной культуры РАН. — СПб. : ИИМК РАН, 2025. —
№ 32. — 128 с.

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. — St. Petersburg : IHMC RAS,
2025. — No. 32. — 128 p.

ISSN 2310-6557

В № 32 «Записок ИИМК РАН» публикуются работы, представленные на международной научной конференции «Наследие Никодима Павловича Кондакова (1844–1925)», посвященной 180-летию со дня рождения знаменитого археолога и историка древнерусского и византийского искусства. В разделе «Новые исследования ИИМК РАН» приведена новейшая информация Е. В. Беляевой и П. Г. Куста об изучении раннепалеолитического местонахождения Куртан II-2 на территории Армении. Издание адресовано археологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The 32nd issue of the *Transactions of IHMC RAS* presents the materials of the International conference “The Legacy of Nikodim Pavlovich Kondakov (1844–1925)” dedicated to the 180th anniversary from the birth of this famous archaeologist and historian of Old Russian and Byzantine art. The section “New Studies of IHMC RAS” contains a paper by E. V. Belyaeva and P. G. Kust devoted to the Early Acheulean site Kurtan II-2 in Armenia. The volume is intended for archaeologists, historians, museum workers and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

НАСЛЕДИЕ НИКОДИМА ПАВЛОВИЧА КОНДАКОВА

<i>В. А. Горончаровский.</i> О научной конференции «Наследие Никодима Павловича Кондакова (1844–1925)», посвященной 180-летию со дня его рождения (Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2024 г.)	7
<i>М. Ю. Вахтина.</i> О поездке Н. П. Кондакова в Феодосию по поручению Императорской археологической комиссии в 1886 г. (по материалам научного архива ИИМК РАН)	9
<i>Н. Г. Новиченкова, К. В. Новиченкова-Лукичева.</i> Н. П. Кондаков и Южный берег Крыма	17
<i>Н. И. Храпунов.</i> К истории легенды о гробнице царя Митридата в окрестностях Керчи	22
<i>Н. М. Милихина.</i> Новый эпитафический памятник из Мирмекия	35
<i>А. П. Бехтер.</i> Надпись КБН 27 и проблема появления курсива в боспорской лапидарной эпитафике	45
<i>А. Е. Петракова.</i> Аттические пелики из Эльтигена (коллекция Н. П. Кондакова)	55
<i>Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.</i> Двухпетельчатые стержневидные псалии из меотских могильников Прикубанья	69
<i>М. М. Казанский.</i> Гривны — «вождеские» инсигнии на римско-германском Западе и в центральноевропейском Барбарикуме в раннемеровингское время	78
<i>С. В. Ушаков.</i> Позднеантичный Херсонес и население Юго-Западного Крыма: система взаимоотношений. История и вопросы изучения проблемы	87
<i>А. А. Роменский.</i> Пути рецепции византийской культуры на Руси: попытки осмысления (от работ Н. П. Кондакова до наших дней)	99
<i>В. В. Майко.</i> Христианская археология Крыма на современном этапе (на примере исследований Института археологии Крыма РАН 2015–2024 годов)	107

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИИМК РАН

<i>Е. В. Беляева, П. Г. Куст.</i> Новый раннеашельский памятник Куртан II-2 (Армения)	115
Список сокращений	126

CONTENTS

THE LEGACY OF NIKODIM PAVLOVICH KONDAKOV

<i>V. A. Goroncharovsky</i> . About the conference “The legacy of Nikodim Pavlovich Kondakov (1844–1925)” dedicated to the 180 th anniversary of his birth (St. Petersburg, 12–14 November, 2024)	7
<i>M. Yu. Vakhtina</i> . N. P. Kondakov’s trip to Feodosia under the authority of the Imperial Archaeological Commission in 1886 (based on the materials from the Scholarly Archive of IHMC RAS)	9
<i>N. G. Novichenkova, K. V. Novichenkova-Lukycheva</i> . N. P. Kondakov and the South Coast of Crimea	17
<i>N. I. Khrapunov</i> . Towards the history of the legend about the tomb of Mithridates in the vicinity of Kerch	22
<i>N. M. Milikhina</i> . New epigraphic monument from Myrmekion	35
<i>A. P. Bechter</i> . Inscription CIRB 27 and the emergence of cursive in the Bosporan lapidary epigraphy	45
<i>A. E. Petrakova</i> . Attic pelikai from Eltigen (collection of Nikodim P. Kondakov)	55
<i>N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko</i> . Two-loop rodlike cheek-pieces from the Maeotian sites of the Kuban region	69
<i>M. M. Kazansky</i> . Torcs — “chiefly” insignia in the Roman-German West and in Central European Barbaricum in the Early Meroving time	78
<i>S. V. Ushakov</i> . Late Antique Chersonesus and the population of Southwestern Crimea: a system of relationships. Historiography and perspectives	87
<i>A. A. Romensky</i> . Ways of the reception of the Byzantine culture in Rus: attempts of conceptualizing (from the works by N. P. Kondakov to our days)	99
<i>V. V. Maiko</i> . Christian archaeology of Crimea at the present stage (as exemplified by the works of the Institute of Archaeology of Crimea RAS in 2015–2024)	107

NEW STUDIES OF IHMC RAS

<i>E. V. Belyaeva, P. G. Kust</i> . New Early Acheulean site Kurtan II-2 (Armenia)	115
List of abbreviations	126

НАСЛЕДИЕ НИКОДИМА ПАВЛОВИЧА КОНДАКОВА

О НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НАСЛЕДИЕ НИКОДИМА ПАВЛОВИЧА КОНДАКОВА (1844–1925)», ПОСВЯЩЕННОЙ 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 12–14 НОЯБРЯ 2024 Г.)¹

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ²

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-7-8

Одним из важных научных событий 2024 г., в котором Институт истории материальной культуры РАН отмечал 165-летний юбилей Императорской археологической комиссии, стала конференция, посвященная памяти выдающегося деятеля отечественной науки и культуры Никодима Павловича Кондакова (рис. 1) — ученого мирового масштаба, одного из основателей Русского археологического института в Константинополе, создателя иконографического метода изучения памятников искусства. В качестве члена Археологической комиссии (с 1876 по 1891 г.) он участвовал в раскопках в Керчи и некрополя Нимфея к югу от нее, на Таманском п-ве и в Херсонесе. Именно Н. П. Кондаков был основным автором шести выпусков «Русских древностей в памятниках искусства», изданных им совместно с графом И. И. Толстым в Санкт-Петербурге в 1889–1899 гг. Эти книги с прекрасно исполненными иллюстрациями в доступной форме ознакомили широкую публику с выдающимися памятниками прошлого на территории Российской империи. Там впервые был дан обстоятельный обзор развития древнерусского искусства.

Лекции ученого в Санкт-Петербургском университете оказали большое влияние на Бориса Тураева, Николая Лихачёва, Сергея Жебелёва, Михаила Ростовцева, Бориса Фармаковского, Якова Смирнова, Дмитрия Айналова и многих других известных в будущем историков, археологов и искусствоведов. Будучи достаточно замкнутым человеком, Н. П. Кондаков тем не менее сумел сплотить вокруг себя талантливых молодых людей, которых стали называть «фактопоклонниками» за их любовь к материальным памятникам древности. Неслучайно М. И. Ростовцев на титульном листе своего монументального труда «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб., 1914) поместил посвящение «Никодиму Павловичу Кондакову». Безусловным признанием научных заслуг академика (Петербургской академии наук с 1898 г.) Кондакова стало его заочное избрание в августе 1919 г. действительным членом Российской академии истории материальной культуры. Правда, на тот момент Никодим Павлович находился в Одессе и в январе 1920 г. был вынужден покинуть Россию. В период эмиграции он работал сначала в Софийском, затем в Карловом университете и воспитал много молодых ученых, продолживших дело его жизни, оборвавшейся в Праге в 1925 г. Ему по праву принадлежит одно из наиболее почетных мест в истории мировой науки.

¹ Заметка подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.
© Горончаровский В. А., 2025

Рис. 1. Д. К. Крайнев³. Портрет Н. П. Кондакова, 1896 г.
Fig. 1. D. K. Krainev. Portrait of N. P. Kondakov, 1896

На конференции, отдавшей дань памяти 180-летней годовщине со дня рождения ученого, были представлены 28 докладов, касающихся как его научной деятельности, так и той проблематики в области археологии, античного, византийского и древнерусского искусства, которой он занимался. Среди выступавших были сотрудники ИИМК РАН, Санкт-Петербургского Института истории РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Института археологии РАН, Института археологии Крыма РАН, Института всеобщей истории РАН, Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Российского государственного гуманитарного университета, Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Кубанского государственного университета, Севастопольского государственного университета, Государственного Эрмитажа, Русского музея, Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический», Ялтинского историко-литературного музея и Национального центра научных исследований (Centre national de la recherche scientifique) в Париже.

В ходе завершающего обсуждения работы конференции всеми участниками было признано, что она прошла на очень высоком уровне, и большая часть сделанных на ней докладов заслуживает публикации в одном из периодических изданий. В итоге 11 из них публикуются в этом номере «Записок ИИМК РАН».

**ABOUT THE CONFERENCE
“THE LEGACY OF NIKODIM PAVLOVICH KONDAKOV (1844–1925)”
DEDICATED TO THE 180TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH
(ST. PETERSBURG, 12–14 NOVEMBER, 2024)**

V. A. Goroncharovsky

³ Крайнев Даниил Карпович (1872, с. Босарево Калужской губернии — 1949, Одесса) — учился в Высшем художественном училище живописи, скульптуры и архитектуры при Императорской академии художеств (1890–1894). Работал как пейзажист и жанрист. В 1897 г. получил звание художника за картину «Рассказ». В 1898 г. был отправлен за границу как пенсионер Академии художеств. В 1900 г. принимал участие в научной экспедиции под руководством академика Н. П. Кондакова в Македонию. С 1901 г. занимался преподавательской деятельностью в Одесской рисовальной школе.

О ПОЕЗДКЕ Н. П. КОНДАКОВА В ФЕОДОСИЮ ПО ПОРУЧЕНИЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1886 Г. (по материалам научного архива ИИМК РАН)¹

М. Ю. ВАХТИНА²

Ключевые слова: *генуэзская крепость, Каффа, Феодосия, башня Св. Константина, донесение и рисунки Н. П. Кондакова.*

Статья посвящена малоизвестному факту биографии Н. П. Кондакова — его поездке в Феодосию летом 1886 г., где по поручению Императорской археологической комиссии он осмотрел руины генуэзской крепости и представил в Комиссию подробное донесение, сопровождавшееся рисунками.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-9-16

Общеизвестно, что одним из направлений деятельности Императорской археологической комиссии (ИАК) была охрана памятников древности и защита их от всякого рода разрушений. В 1885 г. в ИАК стали поступать сведения о неблагоприятном состоянии генуэзской крепости в Феодосии (Каффе) — замечательного памятника средневековой фортификационной архитектуры, первые каменные укрепления которой датируют 1340-ми гг. (Бочаров 1998: 86). Ценность и уникальность крепости была очевидна как для путешественников, оставивших ее описания, так и для жителей города. Руины крепости и башню Св. Константина неоднократно изображали на своих полотнах известные художники — Г. Г. и Н. Г. Чернецовы, К. Боссоли, И. К. Айвазовский и другие. Башня Св. Константина была изображена на старом гербе Феодосии; исторический герб города с ее изображением был восстановлен решением Феодосийского городского совета в 2016 г.³

Во второй половине XIV в., в период, связанный с увеличением численности населения Каффы и застройкой территорий за пределами цитадели, крепость имела 34 башни (Там же: 91). Со временем их стало гораздо меньше: эти грандиозные сооружения разрушались и, как и сама крепость в целом, приходили в негодность. Это вызывало озабоченность как местных властей, так и неравнодушных жителей города. Так, И. К. Айвазовский в письме от 14 октября 1883 г. писал Н. Н. Мурзакевичу, одному из основателей и секретарю Одесского общества истории и древностей, о бедственном состоянии башни Св. Константина: «Насчет башни Константиновской я давно хлопочу, но ничего теперь сделать интеллигентного, при теперешнем самоуправлении, <невозможно>; гласные и управа состоят из торгашей, в башне этой не только склад лесу, как Вам известно, но кругом тысячи подвод,

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

³ URL: <https://geraldika.ru/s/38993> (дата обращения: 20.04.2025).

© Вахтина М. Ю., 2025

и эти древности сделались нужным местом, так что пройти просто невозможно; я второй год как хлопочу об удалении от этих мест базара и складов, но ничего не могу сделать — напротив, все хуже да хуже» (цит. по: Тункина 2011: 187). Художник предлагал Обществу обратиться официально к губернатору или же непосредственно в Министерство внутренних дел. Одесское общество предприняло шаги в предложенных направлениях, подав соответствующие обращения. Вскоре в борьбу за сохранение руин цитадели древней Каффы была вовлечена и ИАК⁴.

В научном архиве ИИМК РАН хранится дело 32 за 1885 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1885. Д. 32⁵). В нем содержатся документы, рассказывающие об одном из эпизодов деятельности Комиссии, связанной с попыткой найти средства для сохранения и реставрации руин генуэзской крепости в Феодосии. Эти материалы малоизвестны исследователям и краеведам, между тем они достаточно интересны.

27 ноября 1885 г. в ИАК поступило письмо Одесского общества истории и древностей, сообщавшее, что Обществом было получено письмо таврического губернатора. Суть письма сводилась к следующему: год назад строительное отделение Феодосийской городской управы обратило внимание на то, что

«...существующие в городе Феодосии, вблизи карантина, две старинные генуэзские башни приходят от времени в окончательное разрушение и одна из них угрожает падением. По поводу могущей последовать от этой причины опасности обывателям, Управа просила распоряжения о производстве необходимых починок, вследствие чего было поручено архитектору Агеенко осмотреть совместно с полицейским чиновником и членом Городской управы находящиеся в городе Феодосии башни и об оказавшемся составить акт, который и был представлен совместно с чертежами. Так как из означенного акта выяснилась необходимость принять меры по устранению грозящей опасности, то Губернатор относительно башни Св. Феодора и частью отклонившейся древней стены, находящейся в карантинной территории, принадлежащей казне, просил г. Министра внутренних дел об ассигновании денег на ее исправление. <...>

Общество, заботясь о сохранении столь интересных памятников старины, но не имея достаточных средств к их поддержанию, сочло долгом своим обратиться к Императорской Археологической Комиссии с покорнейшею просьбою принять зависящие меры. При чем Общество честь имеет препроводить акт, составленный по этому поводу архитектором Агеенко и присланные чертежи» (Д. 32. Л. 52–52об.).

В деле хранится рукописный акт, составленный гражданским инженером архитектором А. Н. Агеенко⁶, входившим в состав небольшой комиссии⁷, осмотревшей руины

⁴ Стоит упомянуть, что еще в 1873 г. в ИАК поступило ходатайство Новороссийского генерал-губернатора о разборе башни в форте Св. Константина. Комиссия воспротивилась сносу башни, в результате чего ее удалось сохранить (Мусин, Медведева 2019: 1387).

⁵ Далее — Д. 32.

⁶ А. Н. Агеенко был человеком достаточно известным. Он получил образование в Строительном училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий в Петербурге (ныне С.-Петербургский Государственный архитектурно-строительный университет). В 1888 г. (то есть во время, к которому относятся описанные события) он был младшим архитектором Таврического губернского правления. В 1888–1889 гг. работал городским архитектором Мелитополя. Принимал участие в проектировании и строительстве церквей, усадебных особняков, зданий образовательных учреждений. В частности, являлся автором 14 церквей в Таврической губернии. Был членом Таврической ученой архивной комиссии. В 1890 г. вышел в отставку и переехал в Москву, где скончался после 1912 г. (Крашенинников 2007: 34–41).

⁷ Кроме А. Н. Агеенко в комиссию входили член Городской управы Медведев и полицейский пристав Корнилов.

27 августа 1885 г. (Д. 32. Л. 53–54об.). В акте зафиксированы разрушения и содержатся конкретные предложения о производстве необходимых работ. К нему приложены два акварельных рисунка, выполненных А. Н. Агеенко (рис. 1; 2) (Д. 32. Л. 55, 56). На одном из них изображены башня Св. Константина и фрагмент арки ворот у въезда в Карантинную слободку, на другом — башни Св. Климента и Феодора и руины порохового погреба (?).

Основываясь на заключении комиссии, таврический губернатор обратился в Министерство внутренних дел с просьбой выделить 4784 руб. 80 коп. на реставрационные работы, но получил отказ на основании того, что «ввиду прожектированного преобразования наших Черноморских карантинных учреждений, которое повлечет изменение существующих в настоящее время карантинных построек или передачу оных в другие ведомства <...> производство по данному ходатайству Таврического Губернатора приостановлено <...> до получения от Одесского Генерал-Губернатора соображений и разработок нового положения о Черноморских карантинах». Отметим, что главная надежда на получение средств была связана с необходимостью перестройки здания карантина, расположенного в непосредственной близости от древних оборонительных стен: все связанные с этим работы возлагались на официальные органы власти — Военное министерство и Министерство внутренних дел.

Узнав об отказе последнего, ИАК с целью содействия в получении средств на реставрацию крепости решила поручить осмотр ее руин одному из своих членов. Таким экспертом был выбран Н. П. Кондаков, в те годы занимавшийся археологическими раскопками в Крыму. 31 марта 1886 г. ему было направлено официальное письмо, подписанное А. А. Бобринским. «Пользуясь предстоящей Вашею командировкой в Крым, — говорится в нем, — покорнейше прошу Вас также заняться осмотром в Феодосии означенных стен и башен бывшей генуэзской крепости и сообщить мне как подробные сведения о том, в каком положении они находятся, так и ближайшие соображения Ваши о том, в какой мере они заслуживают дальнейшего сохранения» (Д. 32. Л. 60–60об.).

Выполняя это поручение, Н. П. Кондаков осмотрел крепость и 28 августа направил донесение в ИАК. В архивном деле хранится его копия (Д. 32. Л. 65–67), подлинник был отправлен в Министерство внутренних дел, где и остался, хотя ИАК и обращалась с просьбой о его возвращении. В донесении ученого содержится не только подробный отчет о состоянии осмотренных им объектов, но и изложены его взгляды на способы сохранения памятников древности. Приведем отрывки из этого документа.

«Во исполнение данного мне 31 мая сего 1886 года за № 304 поручения Комиссии по осмотру древних стен и башен Феодосии имею честь донести Комиссии, что произведя требуемый осмотр, я пришел к следующим умозаключениям по вопросу о том, в какой мере они требуют и заслуживают поддержки и сохранения.

Пояс стен, окружавших некогда Генуэзскую Кафу, представляет ныне лишь местами различимую линию преимущественно рвов, идущих от Карантинного мыса до башни Константина. Более сохранились укрепления бывшей цитадели в участке Карантина, как видно из следующей схемы.

Все показанные остатки башен, стен и каменной обкладки рвов, хотя от времени потеряли в нижних частях связывавшие тесаные камни и щебень, представляют по самой постройке монументальную прочность, и повреждены или от соседства жилищ или от крайних непогод. Но все сохранившееся доселе после разрушения города и сломки, произведенной в новейшее время, может сохраниться еще на многие столетия и нуждается лишь в незначительной поддержке. Сравнение этих монументальных остатков с развалинами стен и башен в других местах, например, в Италии, убеждает, что развалины нуждаются вообще более в охранении, нежели поддержке и исправлении.

Рис. 1. А. Н. Агеенко. Башня Св. Константина и «часть арки ворот при въезде в Карантинную Слободку». Карандаш, акварель. Публикуется впервые (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1885 г. Д. 32. Л. 55)

Fig. 1. A. N. Ageenko. St. Constantin tower and "a part of gate arch at the entrance to Karantinnaya Slobodka". Pencil, water color. Published for the first time (SA IHMC RAS. MD. F. 1. Inv. 1. 1885. File 32. L. 55)

Рис. 2. А. Н. Агеенко. Башни Св. Климента и Феодора, ниже — руины «порохового погреба». Карандаш, акварель. Публикуется впервые (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1885 г. Д. 32. Л. 56)

Fig. 2. A. N. Ageenko. St. Climent and Theodor towers with ruins of the “powder magazine”. Pencil, water color. Published for the first time (SA IHMC RAS. MD. F. 1. Inv. 1. 1885. File 32. L. 56)

Первая башня цитадели во имя Св. Феодора замечательно цела, и для ее сохранности в данное время требовалось бы только устранить сарай, устроенный в ее нижнем этаже, как видно из рисунка.

По дальнейшей линии стен к башне Св. Климента и около самой башни жилые помещения настолько вплотную примкнули к стенам, что без вреда для них это положение не может пройти, хотя бы оно и давно уже существовало. А именно полицейские распоряжения ставить хаты, сараи и хлевы отдельно от стен, видимо, не исполняются. Самый доступ к башне затруднен... <...>

[О башне Св. Константина] В последнее время некоторые углы ограждающей стены, а также и самой башни починены, по распоряжению Одесского Общества истории и древностей (было бы желательно, чтобы такого рода починки не представляли вида заплат и исполнялись бы более искусно); и с западной стороны башни устроена низкая каменная ограда. Но так как с восточной стороны и ров, и внутренняя часть башни совершенно открыты, а поблизости расположен многолюдный базар, то и ров, и все укрепление обращены в отхожее место. Считаю нужным поэтому доложить Комиссии, ввиду заявленного городским управлением желания охранить древние памятники, первым и наиболее простым делом было бы обнести оградой все место укрепления. И тем прекратить доступ к развалинам[,] наиболее изящным и монументальным во всей Феодосии, как видно из рисунка г. Феодосийского инженера (имеется в виду А. Н. Агеенко. — *Примеч. М. В.*). <...>

Ввиду сего вышеизложенного, имею честь доложить Комиссии, что из сохранившихся донныне Феодосийских древних стен и укреплений нуждаются непосредственно в поддержке (однако же, не в исправлении): 1) часть стены над карантинным пассажирским зданием, которая могла бы быть поддержана несколькими контрфорсами и 2) одна сторона башни (Е), стоящей на городской земле, с помощью железных перетяжек. Таким образом, на мой взгляд, было бы выполнено все существенное в деле непосредственного охранения памятников.

Но вместе с тем и не менее существенным и важным представляется в результате осмотра стен и башен Феодосии необходимость обратить внимание городского управления Феодосии на то, что сохранение этих памятников наиболее, если не всецело, зависит от удаления из их непосредственной близости жилых помещений и строгого соблюдения полицейских правил, воспрещающих разбирать развалины на постройки и пользоваться стенами для устройства около них жилья и сараев. Настоящее положение развалин, облепленных, где можно[,] хатами, сарайчиками и хлевами, наиболее условливает разрушение и легко может повести со временем к падению или большим расходам на укрепление развалин. Наконец, распоряжение городской управы об очистке башни Константина и ее ограждении имело бы результатом сохранение наиболее видного памятника древней Феодосии.

Член Комиссии Профессор Кондаков.

28 августа 1886 г. »

К своему донесению Н. П. Кондаков приложил восемь рисунков — схему, на которой указал расположение осмотренных им объектов (Д. 32. Л. 69), и изображения самих объектов (Д. 32. Л. 70–73), в числе которых, помимо древних, показано и здание карантина (Д. 32. Л. 72) (рис. 3).

Донесение Н. П. Кондакова и другие документы были вскоре переданы ИАК в Министерство внутренних дел, что отражено в переписке, отложившейся в архивном деле. Сохранился и официальный ответ Департамента общих дел, датированный 3 марта 1891 г. (Д. 32. Л. 77–78).

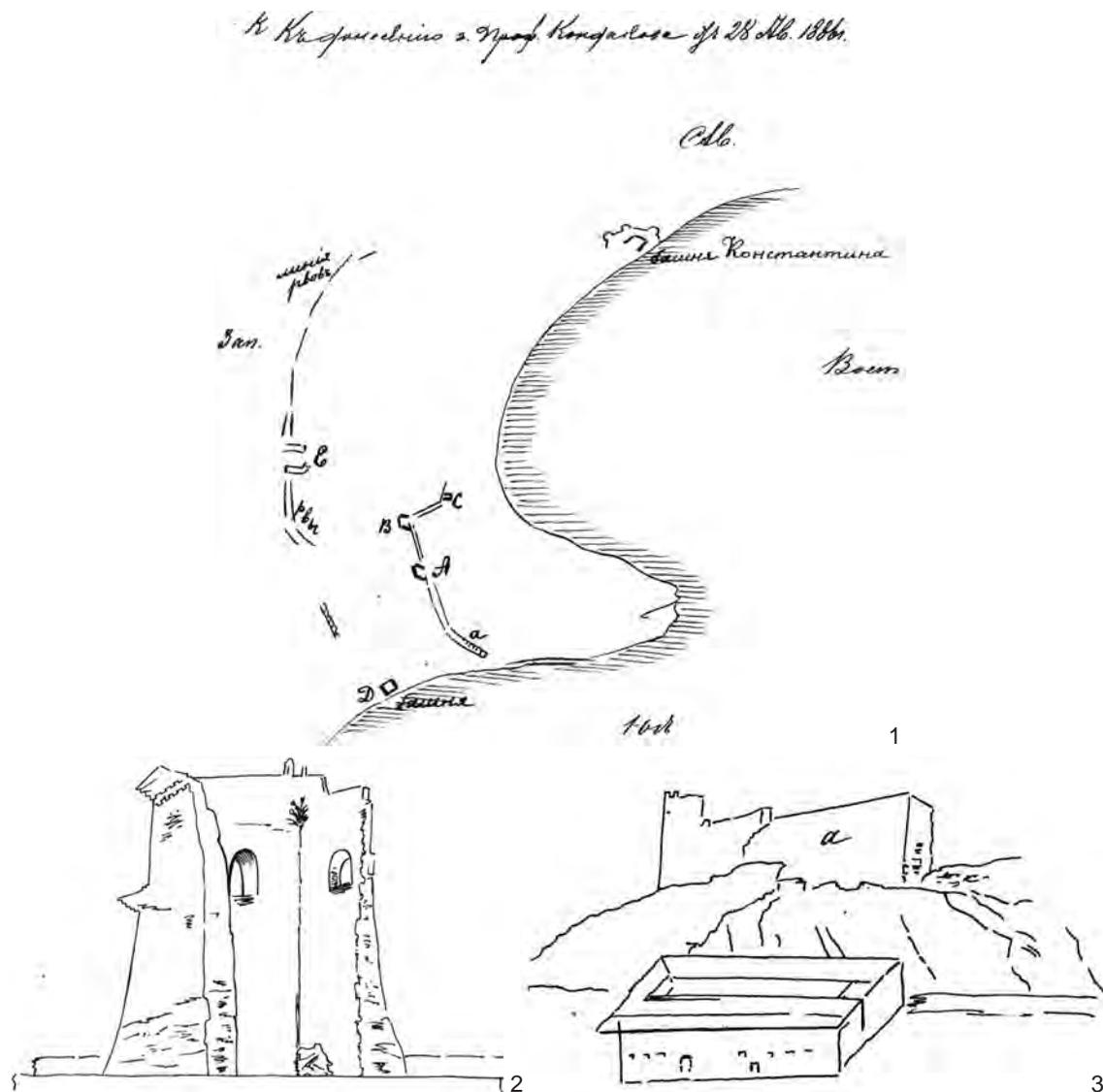

Рис. 3. Н. П. Кондаков. 1 — схема осмотренных объектов крепости (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1885 г. Д. 32. Л. 69); 2 — башня Св. Константина (Там же. Л. 68); 3 — участок крепостной стены и здание карантина (Там же. Л. 72). Тушь, перо. Публикуются впервые

Fig. 3. N. P. Kondakov's drawings: 1 — scheme of the examined objects (SA IHMC RAS. MD. F. 1. Inv. 1. 1885. File 32. L. 69); 2 — St. Constantin tower (Ibid. L. 68); 3 — part of the fortress wall and the quarantine building (Ibid. L. 72). Ink, pen. Published for the first time

«Господину Председателю Императорской Археологической Комиссии.

Министерство финансов, на заключение которого было препровождено ходатайство Таврического Губернатора об отпуске из казны 4784 р. 80 к. на исправление находящихся при г. Феодосии древних генуэзских крепостных стен и башен, не нашло возможным принять этот расход на счет казны, так как согласно ст. 183 Уст. Строит. от 1876 г. издержки на поддержание и исправление древних зданий обращаются на счет городов, в коих те здания находятся, а на государственное казначейство единственно при недостаточности городских сумм. Хотя Феодосийская городская Дума при настоящем состоянии городских средств оказывается не в силах принять означенный расход на свои средства, но с проведением к Феодосии начатой ныне постройки на счет Правительства железной дороги, которая несомненно послужит, по мнению Министерства финансов,

к развитию города в торгово-промышленном отношении, средства его, конечно, должны будут увеличиться и удовлетворение подобного рода потребностей на городские доходы не будет затруднительным для города.

За Министра Внутренних дел Товарищ Министра Сенатор В. К. фон Плеве».

Таким образом, забота о крепости, ее реставрация и поддержание в надлежащем виде целиком переключивались на городской бюджет, который если и не располагал сейчас достаточными средствами, то непременно должен был их получить в будущем...

Несмотря на официальный отказ, борьба за сохранение руин крепости продолжалась, причем Императорская археологическая комиссия играла в ней значительную роль. В 1898 г., после обращения таврического генерал-губернатора, ИАК содействовала получению средств на реставрацию, в результате чего в 1902–1903 гг. были проведены работы по ремонту крепости на сумму 3392 руб., и в дальнейшем она не оставляла этот памятник без внимания (Мусин, Медведева 2019: 1387). Поездка Н. П. Кондакова в Феодосию для осмотра руин крепости средневековой Каффы, несомненно, была важным эпизодом в борьбе за сохранение этого замечательного объекта средневековой фортификации.

Источники и литература

- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1885. Д. 32: О серебряных монетах и железном огнестрельном оружии с каменными ядрами, найденных в Таврической губернии. 78 л.
- Бочаров 1998 — Бочаров С. Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII — первая половина XV в.) // Карпов С. П. (ред.). Причерноморье в средние века. Вып. 3. М.; СПб.: Алетейя, 1998. С. 82–125 (Тр. Исторического факультета МГУ).
- Крашенинников 2007 — Крашенинников А. Ф. Архитекторы Российской империи с начала XVIII века до 1917 года. Биографический словарь. Т. 1. М.: Гос. научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева, 2007. 288 с.
- Мусин, Медведева 2019 — Мусин А. Е., Медведева М. В. Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры // Мусин А. Е., Медведева М. В. (науч. ред.-сост.). Императорская археологическая комиссия (1859–1919). 2-е изд. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 1237–1400.
- Тункина 2011 — Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев: Болеро, 2011. 237 с.

N. P. KONDAKOV'S TRIP TO FEODOSIA UNDER THE AUTHORITY OF THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION IN 1886 (BASED ON THE MATERIALS FROM THE SCHOLARLY ARCHIVE OF IHMC RAS)

M. Yu. Vakhtina

Keywords: *Genoese fortress, Caffa, Feodosia, St. Constantin tower, N. P. Kondakov's report and drawings*

The paper elucidates a poorly known episode from the biography of N. P. Kondakov — his trip to Feodosia in the summer of 1886. Acting on the instructions of the Imperial Archaeological Commission, he examined the ruins of the Genoese fortress and submitted to the Commission a detailed report accompanied with drawings.

Н. П. КОНДАКОВ И ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА

Н. Г. НОВИЧЕНКОВА, К. В. НОВИЧЕНКОВА-ЛУКИЧЕВА¹

Ключевые слова: *Н. П. Кондаков, Ялта, Южный берег Крыма, «Русская икона».*

Прославленный ученый с мировым именем, исследователь византийской миниатюры, русской иконы Н. П. Кондаков немалую часть своей жизни посвятил Крыму и его памятникам. В летние месяцы ученый жил в Ялте или на даче под Алуштой, в Профессорском уголке. На Южном берегу Крыма у него состоялись встречи с А. П. Чеховым, А. Л. Бертье-Делагардом, М. И. Ростовцевым, Н. П. Красновым. В Ялте с осени 1917 до осени 1918 г. Н. П. Кондаков создал основную часть своего выдающегося труда «Русская икона».

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-17-21

Выдающийся ученый, исследователь византийской миниатюры и русской иконы академик Н. П. Кондаков значительную часть своей жизни посвятил Крыму и его памятникам. Здесь же в период революционных потрясений он писал свой выдающийся труд о русской иконе.

Профессор Никодим Павлович Кондаков с 1867 по 1914 г. регулярно выезжал в Крым для обследования памятников в Пантикапее, Нимфее, Херсонесе и руководства раскопками. В летние месяцы ученый жил в Ялте или на даче под Алуштой, в Профессорском уголке. Н. П. Кондаков принимал участие в жизни Ялты, избирался гласным Городской думы (рис. 1, 1). Здесь он встречался с А. П. Чеховым, А. Л. Бертье-Делагардом, М. И. Ростовцевым (Сухоруков 2007: 175, 176).

Ученый сыграл важную роль в судьбе молодого городского архитектора Ялты Н. П. Краснова, порекомендовав его великому князю Петру Николаевичу, поклоннику архитектуры арабского Востока. В статье «Дворец в имении „Дюльбер“ на Южном берегу Крыма» Н. П. Кондаков дал высокую оценку архитектурным достоинствам дворца (рис. 2), возведенного в Мисхоре по проекту Н. П. Краснова (Архитектор Н. Краснов... 2010: 14). В этой статье, опубликованной в 1899 г. в журнале «Искусство и художественная промышленность», Н. П. Кондаков писал: «Здание столь же удачное, сколь и необычное... Трудно было бы определить, в каком собственно стиле это сооружение построено, так как в его комнатах, жилых помещениях полно европейского комфорта. Но главные декоративные части: входы, террасы, плоские крыши, покрытия куполов, боковая башня, форма дверей и окон и вообще вся орнаментальная часть дворца напоминают сарацинские здания Египта, и отчасти Сирии <...> Можно было бы без особой погрешности назвать дворец — „арабским“ или, вернее, „сарацинским“. Этот стиль издавна составляет предмет изучения для самого высокого владельца Дюльбера <...> Он имел счастье найти даровитого исполнителя в лице архитектора Н. П. Краснова» (Кондаков 1899б: 731).

Эта высокая оценка архитектурного творения Краснова, данная академиком Кондаковым, обеспечила архитектору других именитых заказчиков (Карагодин 2022: 326).

¹ Новиченкова Н. Г., Новиченкова-Лукичева К. В. — Ялтинский историко-литературный музей, Ялта.
© Новиченкова Н. Г., Новиченкова-Лукичева К. В., 2025

Рис. 1. 1 — Никодим Павлович Кондаков. Ялта, фотография «Югъ», 1900 г., Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный заповедник (Госкаталог. № 38666185); 2 — А. П. Чехов в гостях у академика Н. П. Кондакова в Ялте (фото Л. В. Средина, 1899 г.), Ялтинский историко-литературный музей (Крымский свет... 2012: 16)

Fig. 1. 1 — Nikodim Pavlovich Kondakov, Yalta, photographic studio “Yug”, 1900. Taganrog State Literary, Historical and Architectural Museum-Reserve (State catalogue, No. 38666185); 2 — A. P. Chekhov visiting academician N. P. Kondakov in Yalta (photo by L. V. Sredin, 1899), Yalta Historical and Literary Museum (after: Крымский свет... 2012: 16)

После возведения имения «Дюльбер» Н. П. Краснову последовали заказы от великого князя Георгия Михайловича на строительство дворца имения «Харакс», церкви Нины Равноапостольной, настоящего архитектурного шедевра, и, наконец, Белого дворца, летней резиденции императора в Ливадии. Н. П. Краснов стал архитектором Высочайшего двора, а в 1913 г. — почетным академиком Академии художеств (Архитектор Н. Краснов... 2010: 6, 7)².

Н. П. Кондаков планировал масштабную реставрацию Бахчисарайского дворца. Данной тематике посвящена его статья «О Бахчисарайском дворце и его реставрации», тоже опубликованная в журнале «Искусство и художественная промышленность» за 1899 г., но в другом номере (Кондаков 1899а). Реставрация Бахчисарайского дворца так и не состоялась, несмотря на то что император утвердил состав высочайше назначенной комиссии, которую должны были возглавить великий князь Петр Николаевич и академик Н. П. Кондаков и в которую был включен Н. П. Краснов, отвечающий за архитектурную часть (Казагодин 2022: 325).

² Впоследствии, в феврале — марте 1918 г., дворец «Дюльбер» с мощными стенами стал надежным прибежищем, подобно хорошо укрепленной крепости, всем оказавшимся в Крыму Романовым (Архитектор Н. Краснов... 2010: 14, 15; Кашук 2022: 216).

Рис. 2. Акварели Н. П. Краснова. Имение «Дюльбер» великого князя Петра Николаевича: 1 — фрагмент западного фасада дворца; 2 — парк и фрагмент фасада дворца (по: Архитектор Н. Краснов... 2010: 23, 24)

Fig. 2. Water colors by N. P. Krasnov. Dulber Estate of Grand Duke Petr Nikolaevich: 1 — fragment of the western front of the palace; 2 — park and a part of the palace facade (after: Архитектор Н. Краснов... 2010: 23, 24)

Рис. 3. Дом 2 по ул. Л. Толстого (бывш. Церковной) в Ялте, в котором жил Н. П. Кондаков (фото Г. В. Новиченкова, 2024 г.)

Fig. 3. Building 2 on ul. L. Tolstoy (former Tserkovnaya) in Yalta, where N. P. Kondakov lived (photo by G. V. Novichenkov, 2024)

надписью на обороте: «Антону Павловичу Чехову в знак глубокого уважения и искренней преданности от Н. Кондакова. Ялта 1900 г. Окт. 17» (рис. 1, 1). В Ялтинском историко-литературном музее хранятся две фотографии с изображением Н. П. Кондакова (Архитектор Н. Краснов... 2010: 14). На одной, выполненной Л. В. Срединым крупным планом, мы видим беседующих Н. П. Кондакова и А. П. Чехова (рис. 1, 2), сидящих на ступенях дома ученого вместе с его сыном (Крымский свет... 2012: 16). Этот дом сохранился (рис. 3), он расположен на Поликуровском холме, ул. Льва Толстого (бывш. Церковная), 2 (Сухоруков 2007: 176), над Ялтинским заливом и портом.

После Февральской и Октябрьской революций, с 14 октября 1917 г. по 9 сентября 1918 г., Никодим Павлович почти год жил в Ялте, приехав сюда с секретарем и помощницей Екатериной Николаевной Яценко, до отъезда в Одессу (Шаманаев 2016: 345). Здесь он работал над подготовкой своего легендарного труда «Русская икона», в Ялте была написана основная часть этой книги. Мы знаем, что зимой 1917–1918 гг. здесь происходили трагические события, свидетелем которых был ученый.

Мирный курортный город, его жилые кварталы, гостиницы на набережной, дачи подвергались обстрелу из орудий военных кораблей «Гаджибей», «Керчь», «Фидониси», было выпущено около 700 снарядов. На каменном моле Ялтинского порта, расположенном недалеко от дома Кондакова, в январе 1918 г. матросами-большевиками без суда проводились расстрелы офицеров и гражданского населения (Там же: 346).

В письме Н. П. Кондакова из Ялты профессору Б. В. Фармаковскому, написанном 28 января 1918 г. (хранится в Российском государственном историческом архиве

Следует полагать, что Н. П. Кондаков сыграл важную роль в судьбе молодого ученого М. И. Ростовцева. Именно из сообщений В. В. Латышева и Н. П. Кондакова М. И. Ростовцев узнал о раскопках римской крепости на мысе Ай-Тодор, проводившихся великим князем Александром Михайловичем, что в дальнейшем привело к знакомству и сотрудничеству молодого ученого с владельцем имения «Ай-Тодор». В результате были опубликованы известные труды М. И. Ростовцева по периодизации истории крепости Харакс, римскому военному присутствию в Причерноморье, анализу найденных на Ай-Тодоре лапидарных надписей (Новиченкова 2022: 337, 338). М. И. Ростовцев также изучил и подготовил к публикации коллекцию из нескольких сотен монет, переданную великим князем Александром Михайловичем в Эрмитаж. На раскопках на мысе Ай-Тодор бывал и А. Л. Бертье-Делагард³.

В конце XIX в. Никодим Павлович подружился с А. П. Чеховым (Сухоруков 2007: 176). В Таганрогском государственном литературном и историко-архитектурном музее-заповеднике хранится фотопортрет Н. П. Кондакова, сделанный в Ялте в 1900 г., с дарственной

³ Так, сохранилась фотография из альбома великой княгини Ксении Александровны, на которой Александр Львович на раскопе рассматривает мелкую находку, возможно, монету (ГАРФ. Ф. 662. Оп. 2. Ед. хр. 17).

(С.-Петербург)), ученый пишет: «С 8 по 17 нельзя было выйти из дому... Был обыск, кончился благополучно, забрали два бинокля... Хотя наш дом очутился в зоне военных действий... все же мы остались целы... Сам я все время, и мирное, и военное, сидел пока за работою по Русской иконописи. Уже мною написано два больших тома, около 60 печатных листов, но еще не кончена Московская иконопись XVII столетия, и для ее окончания надо ехать на 3–4 месяца по городам» (Там же: 347).

Рукопись труда «Русская икона» была вывезена ученым из Одессы в эмиграцию 24 января / 6 февраля 1920 г. и закончена за границей в 1924 г. Фундаментальный четырехтомный труд Н. П. Кондакова «Русская икона» был опубликован после смерти ученого в 1928–1933 гг. (Сухоруков 2007: 176). Для нас особенно важно, что значительная часть этого труда, ставшего в дальнейшем достоянием отечественной и мировой культуры, была написана ученым в Ялте.

Литература

- Архитектор Н. Краснов... 2010 — Архитектор Н. Краснов: известный и неизвестный. Акварели и фотографии / Ткачук О. П., Иванова Л. М., Ливицкая З. Г., Петренко Л. В., Коноплянко Т. М. (сост.). Ялтинский историко-литературный музей. Симферополь: Н. Орианда, 2010. 79 с., 1 л. портр. ил.
- Карагодин 2022 — Карагодин А. В. Великокняжеские имения Кичкинэ, Дюльбер, Чаир: владельцы и судьбы // Барковец О. И. (автор-сост.). Романовы. Воспоминания о Крыме: издание к выставке. ГМЗ «Царицыно», 2022. СПб.: Медный всадник, 2022. С. 300–329.
- Кашук 2022 — Кашук Л. А. Великий князь Александр Михайлович — шеф морского и воздушного флотов России и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2022. 304 с.
- Кондаков 1899а — Кондаков Н. П. О Бахчисарайском дворце и его реставрации // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 6. С. 435–452.
- Кондаков 1899б — Кондаков Н. П. Дворец в имении «Дюльбер» на Южном берегу Крыма // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 7. С. 731–734.
- Крымский свет... 2012 — Крымский свет фотографий Леонида Средина / Ткачук О. П., Петренко Л. В., Ливицкая З. Г., Турова Н. П. (сост.). Симферополь: Н. Орианда, 2012. 144 с. ил.
- Новиченкова 2022 — Новиченкова Н. Г. Об археологической коллекции великого князя Александра Михайловича (из собрания Ялтинского историко-литературного музея) // Барковец О. И. (автор-сост.). Романовы. Воспоминания о Крыме: издание к выставке. ГМЗ «Царицыно», 2022. СПб.: Медный всадник, 2022. С. 331–357.
- Сухоруков 2007 — Сухоруков В. Н. Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) // Сухоруков В. Н. Крым в лицах и биографиях. Симферополь: Атлас-Компакт, 2007. С. 174–177.
- Шаманаев 2016 — Шаманаев А. В. «Наш дом очутился в зоне военных действий» (Н. П. Кондаков о жизни Ялты зимой 1917/18 года) // Поршнева О. С. (отв. ред.) и др. 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГУ, 2016. С. 343–351.

N. P. KONDAKOV AND THE SOUTH COAST OF CRIMEA

N. G. Novichenkova, K. V. Novichenkova-Lukycheva

Keywords: *N. P. Kondakov, Yalta, South Coast of Crimea, “Russian icon”*

A renowned scholar of international fame, N. P. Kondakov devoted a considerable part of his life to the Crimea and Crimean antiquities. In summer months, he lived in Yalta or at his country cottage near Alushta, in the place called Professorsky Ugolok. During his time on the south coast of the Crimea he met with A. P. Chekhov, A. L. Berthier-Delagarde, M. I. Rostovtsev, N. P. Krasnov. From the autumn of 1917 to the autumn of 1918, in Yalta, he created the main part of his outstanding book “The Russian Icon”.

К ИСТОРИИ ЛЕГЕНДЫ О ГРОБНИЦЕ ЦАРЯ МИТРИДАТА В ОКРЕСТНОСТЯХ КЕРЧИ¹

Н. И. ХРАПУНОВ²

Ключевые слова: Крым, Боспор, Митридат VI Евпатор, историческая имагология, записки путешественников, межкультурные коммуникации.

В статье рассматривается легенда о могиле царя Митридата VI Евпатора, которую стали искать на берегах Боспора Киммерийского (Керченского пролива) в конце XVIII — первой половине XIX в. Несмотря на однозначное свидетельство античных авторов, согласно которому римляне похоронили тело своего врага в фамильном склепе в Синопе на Южном берегу Понта, многие жители Керчи и приезжавшие туда путешественники доверились авторитету Ж. Расина и его трагедии «Митридат», текст которой можно было понять таким образом, что могила древнего царя была где-то на Боспоре. Популярности легенды способствовали находки драгоценных вещей в керченских курганах в отсутствие современных археологических методик, датировок и знаний. В итоге «могилу Митридата» искали и «находили» на обоих берегах Керченского пролива и отождествляли с разными погребальными и непогребальными сооружениями. Благодаря Пушкину соответствующий образ стал частью русской классической литературы и широко цитируется в связи с Крымом. Проведенный анализ показывает, как возникали и функционировали легенды, связанные с археологическими памятниками Крыма, а также многогранность интеграции Крыма в состав Российской империи, которая не сводилась к военным, административным и экономическим процессам, но затрагивала также сферу культуры и межкультурных коммуникаций.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-22-34

В апреле 1786 г. губернёр Ж. Ромм и его воспитанник русский дворянин П. А. Строганов приехали в Керчь. В дневнике француз записал: «Я узнал, что какие-то люди предприняли безрезультатные раскопки на острове Тамань в надежде найти гробницу Митридата. Не знаю, у какого историка вычитали, будто этот князь там погребен...» (Romme 2016: 105). Путешественники не были на Тамани, а потому о «гробнице Митридата» им, очевидно, рассказал кто-то из крымских знакомых.

Дневник Ромма — первый по времени источник, зафиксировавший легенду о «могиле Митридата» на берегах Керченского пролива, ставшую весьма популярной в конце XVIII — первой половине XIX в. Современные исследователи изредка упоминают этот сюжет, как правило, не вдаваясь в подробности (Формозов 1986: 85–87; Казарин, Яковенко 1991; Санжаровец 2005; 2008; Виноградов 2007: 5, 16; 2010: 471, 476; Тункина 2010а). Имеющиеся источники, прежде всего записки путешественников, позволяют проследить генезис легенды о «могиле Митридата» в Керчи и на этом основании не только раскрыть одну из страниц

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

² Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь.

© Храпунов Н. И., 2025

в истории боспорской археологии, но и увидеть особенности ментальности людей Нового времени. В этом и заключается цель данной статьи.

Хотя понтийский царь Митридат VI Евпатор (132–63 гг. до н. э.), потерпевший поражение в борьбе с Римом, покончил с собой на акрополе Пантикапея, свидетельства источников вполне однозначны: искать его могилу на берегах Керченского пролива не имеет никакого смысла. По словам Плутарха, изменивший отцу Фарнак отправил тело Митридата победителю — Помпею, который приказал перевезти его в Синопу (Plut. Pomp. 42; Плутарх 1994, т. 2: 87). Аппиан сообщает, что Помпей оказал последние почести своему врагу, похоронив того в родовой усыпальнице в Синопе (App. Hist. 12. 113; Аппиан 1998: 302). Однако люди эпохи Просвещения, как правило, узнавали о деяниях античных героев из произведений Нового времени. Таков и случай с гибелью царя Митридата (Формозов 1986: 87; Казарин, Яковенко 1991: 162).

Прославленный французский драматург Ж. Расин создал трагедию «Митридат» (1672–1673), которая, в свою очередь, была использована в качестве основы либретто оперы Моцарта «Митридат, царь понтийский» (1770). Место действия пьесы — «Нимфей, морской порт на Киммерийском Боспоре, в Таврическом Херсонесе» (Racine 1888: 6). В полном соответствии с античной традицией (о ней см.: Храпунов 2023: 21–49) Расин под «Херсонесом Таврическим» подразумевал Крымский полуостров. Неясно, по каким причинам француз решил, что столицей Боспорского царства, как это недвусмысленно следует из текста пьесы, был город Нимфей. Драматург существенно обогатил исторический сюжет, добавив в него соперничество между Митридатом и его сыновьями, боровшимися за благосклонность прекрасной Монины. В итоге старший сын Фарнак изменяет Митридату, Нимфей окружают римляне, а девица, как выясняет Митридат, любит не его, а преданного отцу младшего сына Кифареса. Царь наносит себе смертельную рану и перед смертью, простив влюбленных, закликает их бежать, не тратя время на похороны (Racine 1888: 113–122). Из слов персонажа можно было заключить, что прах великого царя предали земле где-то в окрестностях Нимфея или, по крайней мере, на Боспоре. В либретто к опере Моцарта, которое написал на итальянском языке В.-А. Чинья-Сантти по мотивам пьесы Расина, место действия указано просто как «Нимфей», там же и умер Митридат, а о его погребении ничего не сказано (Mitridate 1770: Argomento; Mutazioni...: 1, 7, 10, 14, 28, 41, 43, 45, 46). Благодаря этим произведениям и возникла легенда о могиле понтийского царя на берегах Керченского пролива.

В XVIII в. имя Митридата пользовалось популярностью, вероятно, благодаря романтической и трагичной истории жизни царя. После присоединения Крыма к России оно стало ассоциироваться с полуостровом. Свидетельством тому могут быть, например, два очень разных сочинения. «Человек мира», военачальник, писатель и острослов Ш.-Ж. де Линь, прибывший в Крым в свите Екатерины II в 1787 г., писал на родном французском: «Приехав в Тавриду, я намеревался возвысить свою душу через те великие вещи, истинные и ложные, что здесь произошли. Она была готова обратиться к героическому с Митридатом, к сказочному с Ифигенией, к воинскому с римлянами, к изящному с греками, к разбойному с татарами, к торговому с генуэзцами» (Ligne 1914: 29). Русский путешественник и религиозный писатель А. Н. Муравьев, видевший Керчь в 1825 г., утверждал, что он «...все видел и все позабыл, когда взошел на Акрополис Пантикапеи, на гору *Митридата*. Я только видел перед собой одного героя Понтийского, его ненависть и смерть; я сидел на том самом камне, где он убил себя, и расстояние веков исчезло!

Я взял трагедию Расина и мог только прочесть ее последнюю сцену; все прочее казалось мне недостойным Митридата, и любовь седого ненавистника Рима презрительною. Я встал с камня, на котором текла его кровь, с твердым намерением воспеть его смерть, хотя и слабо, по моей неопытности, но по крайней мере достойно *Митридата*». Впоследствии он сочинил поэму, посвященную великому царю, которая, впрочем, так и осталась неопубликованной (Муравьев 1895: 62, 63 и примеч. 1).

О том, что слухи о могиле Митридата в окрестностях Керчи распространились быстро, свидетельствуют записки французского посла Л.-Ф. де Сегюра, ездившего в Крым вместе с де Линем. В написанных на склоне лет мемуарах он подробно рассказал об этом путешествии, не раз вспомнив имя понтийского царя (Séguir 1827: 204, 209, 210). Екатерина II в Керчи не была, доехав лишь до Феодосии (Камер-фурьерский... 1886: 494–496). Де Сегюр, однако, утверждал, что побывал и в Керчи, в четырех верстах от которой «на песке заметно несколько довольно высоких холмов. Жители этой страны утверждают, согласно простонародному преданию, что один из этих холмов был могилой Митридата». Впрочем, француз этому не поверил, зная о погребении в Синопе (Séguir 1827: 228, 229). Свидетельства древних историков дипломат мог изучить уже во Франции, когда работал над мемуарами. Есть сомнения в том, что он действительно ездил в Керчь, — расписание движения императорского кортежа практически не оставляло для этого времени (ср.: Камер-фурьерский... 1886: 494–500). Но откуда бы де Сегюр не узнал о «Митридатовой могиле», показательно, что, в отличие от Ромма, он поместил ее на противоположном, западном, берегу Керченского пролива.

Инженер и антиквар Л. С. Ваксель, объездивший Северное Причерноморье в 1797–1798 гг., писал: «Поньине в малом расстоянии от Керчи показывают возвышенное место, где по преданиям утверждают[,] что находилась гробница сего Государя (Митридата. — Н. Х.) с мраморным надгробным камнем[,] на котором была Эллино-Греческая надпись». Чтобы согласовать эту информацию со свидетельством Плутарха, Ваксель предположил, что близ Керчи находился кенотаф. К сожалению, точного местоположения памятника он не указал (Ваксель 1801: 3, 4, примеч. 1).

Прославленный натуралист П.-С. Паллас в 1801 г. издал описание Крыма, основанное на материалах поездки 1794 г. Здесь сказано, что в окрестностях Керчи имеется множество курганов, и среди них «отстоящий от Керчи в четырех верстах близ почтовой дороги так называемый Алтын-обо, который принимали за гробницу Митридата, собственно находящуюся в Крыму» (Паллас 1999: 122). По современным представлениям Алтын-Оба, или Золотой курган, насыпан над каменной гробницей, которая гораздо древнее царя Митридата и, вероятно, датируется IV в. до н. э., скорее всего второй его половиной. Очевидно, здесь хоронили представителей правившей в Боспорском царстве династии (Виноградов 2007: 12–17; 2010: 474–476).

В 1800 г. в Крым прибыл английский путешественник Э.-Д. Кларк, который впоследствии опубликовал очень популярный путевой очерк. Кларк назвал предания о могиле Митридата «прямо противоречащими истории». По его словам, керченские греки указывали на Золотой курган как на место погребения Митридата, а знаменитый полководец А. В. Суворов, узнав, что его привели к гробнице древнего царя, «упал на колени и заплакал» (Clarke 1810: 424, 425, cf. 428, 424, note 2). Последняя сцена, вероятно, вымышлена самим Кларком, знавшим об интересе соотечественников к фигуре Суворова (например: Успенский и др. 2016: 200–239). Суворов дважды (в 1778 и 1793 гг.) бывал в Керчи (Санжаровец 2005: 273), но о «спектакле» на могиле понтийского царя из других источников ничего неизвестно. Кларк зарисовал вид кургана, по которому изготовили украсившую книгу гравюру (рис. 1, 1). На другом рисунке представлен вид окрестностей Керчи с высоты Алтын-Обы (рис. 1, 2).

Русский путешественник П. И. Сумароков, впоследствии служивший в администрации Тавриды, подробно рассказал о Золотом кургане в описании своей второй поездки в Крым (1802–1803). Он слышал легенду о Митридатовой гробнице, приуроченную к Алтын-Обе, но отнесся к ней скептически — по мнению Сумарокова, в керченском кургане похоронили «какого-нибудь скифского или босфорского владетеля» (Сумароков 2022: 213, 214).

В неопубликованных путевых дневниках русского архитектора Н. А. Львова, бывшего в Керчи в августе 1803 г., упомянута «могила Митридата», которая находилась в четырех верстах от города и была обложена каменной кладкой. Это описание оставляет мало

Рис. 1. Гравюры по рисункам Эдварда Даниэля Кларка (1800–1810): 1 — предполагаемая гробница Митридата, которую татары называют «Алтын-Обо», близ Керчи в Крыму (по: Clarke 1810: 424, 425); 2 — вид Боспора Киммерийского с Алтын-Обы, с гаванью Пантикапея, Фанагорией на противоположном берегу и античными курганами, покрывающими территорию Боспора (по: Там же: 428, 429)

Fig. 1. Engraving after the drawing by Edward-Daniel Clarke (1800–1810): 1 — putative tomb of Mithridates called by the Tatars Altyn-Obo, near Kerch in Crimea (after: Clarke 1810: 424, 425); 2 — view of Bosphorus Cimmerian from Altyn-Obo, with the Panticapaeum harbor, Fanagoria on the opposite shore, and ancient barrows (Ibid.: 428, 429)

сомнений в том, что, как и многим другим путешественникам, Львову показали Золотой курган (Тункина 2002: 67).

Весной 1806 г. в Крым прибыл молодой англичанин Р. Хебер. Впоследствии, в письме к своему университетскому товарищу Р.-У. Хею, он отметил, что близ Керчи есть большой курган, который называют «могилой Митридата» (Heber 1830: 312). Хей побывал в Керчи в октябре 1807 г. Сохранилась выписка из его дневника, сделанная самим автором, где тот, в частности, утверждал, что вблизи Ени-Кале (селения к северу от тогдашней Керчи) «есть множество небольших насыпей, похожих на курганы. Об одной [из них] говорят, что там похоронен Митридат» (Храпунов 2022: 47). Это новая, прежде не встречавшаяся локализация «могилы» понтийского царя.

В 1808–1809 гг. в женевском журнале *Bibliothèque britannique* (фр. «Британская библиотека») появилось несколько писем, рассказывающих о Юге России. Вскоре они были переведены на русский язык и изданы в двуязычном варианте. Их автором был сын издателя журнала, Ш.-Р. Пикте де Рошмон, с 1807 г. живший в окрестностях Одессы. Рассказывая о поездке в Керчь в 1808 г., он отметил: «Нам показали на возвышенности вблизи города, остатки памятника, который, как говорят, был могилой Митридата. Сохранилась лишь часть стволов двух вертикально стоящих гранитных колонн, причем они обломаны, а надписи стерты» (Письма... 1810: 141, ср. 140). Что это за объект, неясно. Создается впечатление, что в то время жители Керчи ассоциировали с усыпальницей Митридата едва ли не любой памятник, способный поразить воображение приезжего.

Француз Л.-В.-Л. де Рошешуар, родственник новороссийского губернатора А.-Э. де Ришельё, несколько лет провел на Юге России. В написанных на склоне лет мемуарах он раскрыл новую грань «Митридатовой легенды». Весной 1808 г. де Рошешуар прибыл в Керчь, где за два дня до того «[П]ри раскопках гробницы, высокопарно названной „гробницей Мони́мы“, которая мешала строительству дома, нашли монеты древних понтийских царей, золотые браслеты, камеи, другие женские украшения и многочисленные статуэтки...». Две статуэтки, бронзовая и мраморная, якобы изображавшие египетских божеств, а также несколько монет достались французам (Rochechouart 1892: 102). Впоследствии, рассказывая о поездке в Керчь в 1811 г., француз еще раз упомянул о месте, где находилась «гробница Мони́мы» (Rochechouart 1892: 151).

Монима — не только персонаж Расина, но и историческое лицо. Так звали супругу Митридата, убитую по приказу царя вместе с другими его женами и сестрами, когда он потерпел очередное поражение в борьбе с Римом, а его женщины остались в Фарнакии на южном берегу Черного моря (Plut. Luc. 18; Плутарх 1994, т. 1: 562). Вряд ли имело смысл искать могилу Мони́мы в Керчи, но современники де Рошешуара вполне могли запутаться в античной географии; в любом случае показателен сам ход рассуждений информаторов француза.

Французский писатель Ж.-Ж.-Э. Руа издал воспоминания военного врача «господина М.», участника русского похода наполеоновской армии, который оказался в плену и впоследствии побывал в Крыму в 1814 г. по пути на родину. Французские исследователи считают эту книгу подделкой, в которой есть заимствования из других, более поздних источников (Milchina 2014: 422, 423, et n. 46). Кем бы ни был автор текста, он знал легенду о «могиле Митридата» на берегах Керченского пролива. По его словам, «в окрестностях Керчи заметна значительная возвышенность, называемая Алтын-Або, которую народ считает гробницей Митридата» (Roy 1856: 221). Если мемуары действительно фальшивые, то Руа мог извлечь эти сведения, например, из французского перевода путевого очерка Кларка (Clarke 1813: 267–269, 276).

В 1818 г. польский литератор Ю. Немцевич в Николаеве беседовал с каким-то русским офицером, якобы «отыскавшим» могилу Митридата. Интересно, что в качестве географических ориентиров поляк указал не только Пантикапей, но также Ольвию, находившуюся к северо-западу от Крыма, и «Пандиополь» (Pandyopolis), топоним в античности неизвестный

(Niemciwicz 1858: 327). Что бы не имел в виду Немцевич, ясно, что в это время легенда о «могиле Митридата» в северопричерноморских степях широко распространилась среди образованных жителей Юга России.

А. С. Пушкин трижды упомянул усыпальницу понтийского царя. В письме брату Льву от 24 сентября 1820 г., рассказывающем о поездке в Крым, он писал о намерении увидеть «развалины Митридатова гроба», которое столкнулось с прозаической реальностью. Кажется, поэта отвели на гору Митридат, где его взорам предстали груды камней. Упомянул он и «Золотой холм» (курган), но без привязки к Митридату (Пушкин 1951: 18).

Через четыре года, сочиняя «Отрывок из письма к Д.», посвященный крымской поездке, и намеренно искажив реальные события в угоду литературным задачам, Пушкин вновь вспомнил о «могиле» великого царя: «Из Азии переехали мы в Европу на корабле. Я тотчас отправился на так называемую Митридадову гробницу (развалины какой-то башни)...» (Пушкин 1950, т. 6: 633). Если память не подвела поэта; если он не дал волю фантазии; если ему действительно показали развалины башни, а не остатки каменных сооружений другого типа; если этот отрывок соотносится с его письмом к брату — то «Митридадову гробницу» ему показали на городище Пантикапей, на вершине горы Митридат. Это новая локализация.

Наконец, в стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...» (1821), отразившем крымские впечатления поэта, есть следующие строки: «И зрит пловец — могила Митридата / Озарена сиянием заката» (Там же, т. 2: 49, 408). Пушкин прибыл в Крым морем, переправившись через Керченский пролив, то есть двигаясь с востока на запад. Во второй половине дня пассажиры корабля могли видеть свет вечернего солнца над крымским берегом. Какое-то место на берегу им могли указать как «могилу Митридата» — гора Митридат действительно выделяется, если смотреть на Керчь с моря (в отличие от Золотого кургана, который находился в глубине Керченского полуострова). В конце концов за погребение могли принять насыпь или развалины, в реальности представлявшие остатки сооружения иного назначения. Ясно, что для Пушкина усыпальница Митридата стала одним из отличительных признаков Крыма. Даже если образ «озаренной сиянием заката» могилы продиктован фантазией поэта, вероятно, в Керчи осенью 1820 г. ему действительно показали какое-то место, которое связывали с последним пристанищем понтийского царя.

В 1821 г. в Крым прибыла экспедиция академика Г.-К.-Э. Кёлера и архитектора Э. Паскаля, которые по поручению российского Кабинета министров должны были оценить состояние памятников культурного наследия полуострова. В инструкции Кёлеру приведен список объектов, который им с Паскалем надлежало осмотреть, и среди прочего — «так называемый памятник Митридата при Керчи, существовавший в 1804 году...» (Тизенгаузен 1872: 381). Отсылка к 1804 г., очевидно, свидетельствует о том, что этот памятник видел сам Кёлер во время своей первой научной поездки в Крым, предпринятой при поддержке Александра I. Сведений об этой экспедиции сохранилось очень мало (Тункина 2002: 65–75). Во время экспедиции 1821 г. были выполнены рисунки различных памятников Юга России. Они не опубликованы, однако описание одного из них позволяет понять, какой именно объект имелся в виду в инструкции для академика — это «Вид Алтын-Обо, названный памятником Митридата» (Тизенгаузен 1872: 391).

В том же году, что и Кёлер, Крым изучал другой любитель древностей — шотландский миссионер Э. Хендерсон. До Керчи он не добрался, но сообщил, что гробница Митридата «была недавно открыта в окрестностях» города (Henderson 1836: 377). Возможно, речь шла о кургане, находившемся в километре от Золотого (один из так называемых курганов Патаниоти), который был раскопан зимой 1820–1821 гг. матросами, добывавшими строительный камень. Среди прочего в гробнице были найдены вещи из золота и серебра, что и могло привести современников к мысли о захоронении там Митридата. По сегодняшним представлениям, этот курган относится к IV в. до н. э. (Тункина 2010б: 413–417). Очевидно, данная история свидетельствует о том, что с могилой Митридата стали связывать самые разные древние захоронения.

Еще один шотландец, Р. Лайалл, посетил Керчь в 1822 г. Вместе со своими спутниками он остановился в доме у П. Дюбрюкса (Lyal 1825: 374) — «отца боспорской археологии», который стал проводником и гидом своих постояльцев. По словам Лайалла, «г-н де Брюкс сопровождал нас к Алтын-Обе, или Mont d'Or³, или гробнице Митридата, которая хорошо показана на одной из Кларковых гравюр, когда [она была] в гораздо более совершенном состоянии, чем сейчас. <...>

В Керчи мы ощутили себя на античной земле, где имя Митридата связано с многочисленными объектами. Нам показали его гробницу, его холм, его кресло, и т. д., и т. п.» (Lyal 1825: 376, 377). Правда, из слов Лайалла не вполне понятно, почерпнул ли он сведения о «Митридатовой гробнице» у Дюбрюкса или вычитал в очерке Кларка, который широко использовал.

Капитан британского флота Дж.-М. Джоунз побывал в Керчи в 1823 г. — и, как и Лайалл, поселился в доме у Дюбрюкса. Путешественник назвал самым интересным эпизодом в истории города правление царя Митридата. Джоунз знал, что после гибели царя Помпей приказал похоронить его тело «с высочайшими почестями в Синопе». Но он не смог умолчать о керченской легенде, связанной с многочисленными местными курганами: «Хотя, как я уже показал, гробница Митридата не могла существовать там, где ее якобы показывают, ведь он был погребен в Синопе, тем не менее, одна из этих искусственных насыпей могла быть посвящена его памяти». По словам Джоунза, это был курган Алтын-Оба (Jones 1827: 198–201).

Интересно, что в том же году адмирал Алексей Самуилович Грейг, главный командир Черноморского флота, поручил мичману А. С. Федоровичу (Феодорочичу) отправиться в Керчь для «описи Митридатовой гробницы». По предположению И. В. Тункиной, это был Золотой курган (Тункина 2022: 195).

В 1820–1846 гг. в Карасубазаре (совр. Белогорск) жил Минас Бжишкян (также Бжишкянц или Медици), уроженец турецкого Трапезунда (Трабзона), возглавлявший крымскую общину армяно-католиков. В 1830 г. Бжишкян опубликовал книгу на армянском языке под названием «Путешествие в Польшу и к другим местам, населенным армянами, выходцами из города Ани». В ней много внимания уделено прошлому Крыма и его археологическим памятникам. В частности, Бжишкян рассказывал о керченской горе Митридат: «Многие полагают, что здесь была могила Митридата, и потому производили в скале раскопки, но ничего не нашли. <...> Тело его повезли в Аμισос и оттуда в Синоп, где похоронили в усыпальнице предков его. Некоторое полагали, что пепел его праха был схоронен в золотом кургане, в 4^x верстах от города, но быть может то был прах Митридата II» (Бжишкян 1830: 102). Из слов ученого армянина создается впечатление, что «могилу Митридата» искали не только в Золотом кургане, но и на вершине горы Митридат. Это очень похоже на слова Пушкина, и тогда получается, что за «могилу царя» могли принять остатки какой-то непогребальной конструкции. Сам же Бжишкян попытался примирить известия древних авторов и местную традицию Нового времени. По его мнению, какой-то Митридат действительно был похоронен в названном его именем кургане, но это мог быть Митридат II (VIII) — правитель Боспорского царства в 39/40–45/46 гг. н. э., свергнутый римлянами и увезенный в столицу империи, где он был в конце концов казнен в 68 г. (Зубарь, Зинько 2006: 148–150).

В 1830 г. близ Керчи раскопали курган Куль-Оба с богатыми погребениями IV в. до н. э. Археологическими работами занимался Дюбрюкс, однако в какой-то момент в гробницу проникли любопытные и разграбили ее (Тункина 2002: 161–167; 2010а: 57–69). Вскоре после этого события в Керчи был дан любительский спектакль «Митридат» по трагедии Расина. Одежды актеров, игравших царя и его возлюбленную, были украшены золотыми украшениями, найденными в одном из древних погребений в окрестностях города —

³ Золотая гора (фр.).

возможно, в самой Куль-Обе. Очевидно, в глазах публики богатое погребение ассоциировалось со знаменитым царем. Но показательно, что некоторые более образованные современники понимали, что Куль-Обу могли построить разве что «предки» Митридата (Тункина 2002: 165, 640, 641; 2010а: 66). По современным представлениям, в этом сооружении находилось погребение не грека, а знатного скифа (вероятно, царя или члена царского рода) и его супруги-гречанки, совершенное во второй половине IV в. до н. э. (Храпунов 2004: 78–80). Возможно, отголосками этих событий стали записи в путевых заметках маршала О.-Ф.-Л. Виесса де Мармона, осматривавшего Керчь в 1834 г. По словам француза: «Здесь еще все напоминает Митридата и носит его имя: можно подумать, что он недавно жил» (Marmont 1837: 329, 330).

Франко-швейцарский натуралист и антиковед Ф. Дюбуа де Монперё, работавший в Крыму в 1832–1834 гг., видел на вершине горы Митридат некую конструкцию, которая, очевидно, была дорога «почитателям Митридата». Это была высеченная в скале гробница, которая напомнила исследователю сооружения византийских «пещерных городов». По его мнению, данная конструкция могла находиться под полом средневековой пещерной церкви. Чем бы она ни была, ясно, что какие-то местные жители связывали это погребальное (?) сооружение с Митридатом (Dubois 1843: 135, 136). Впоследствии, описывая Золотой курган, Дюбуа упомянул «греческую легенду начала этого века и конца [века] восемнадцатого», согласно которой данное сооружение было гробницей Митридата. Путешественник не поверил этой истории, поскольку знал, что царь был похоронен в Синопе. Далее швейцарец упомянул о том, что Суворов, «обманутый этим фальшивым преданием», совершил паломничество к Золотому кургану, где встал на колени и заплакал. И хотя Дюбуа утверждал, что сам слышал об этом в Керчи, он сослался также на слова Кларка (Dubois 1843: 190, et p. 1). Кажется, последние и были его источником.

В 1837 г. в Крым прибыла исследовательская экспедиция, организованная коллекционером и меценатом А. Н. Демидовым, который после выхода в отставку поселился в Италии. Сам Демидов был дилетантом, потому отчет о путешествии писали привлеченные в поездку профессиональные исследователи. В этой книге имеются следующие слова: «Гора *Митридат*, на которой был возведен *Акрополь*, цитадель древнего Пантикапея, возвышается над Керчью; ее вершину образует курган, покрытый огромными камнями, который называется гробницей Митридата. <...> В этом городе, в десяти шагах от гробницы Митридата, очень современная гробница правителя города возносит свои легкие колонны в необычайно легкомысленном для гробницы стиле» (Démidoff 1841: 533). Упомянутая современная гробница содержала прах керчь-еникальского градоначальника И. А. Степковского, много сделавшего для развития города и исследования античных древностей (Тункина 2002: 124–135). Монумент, призванный увековечить его память (рис. 2), не сохранился. На самой вершине горы курганов нет, так что сотрудники Демидова, доверившись местным информаторам, приняли за погребальное сооружение заплывшие землей остатки какой-то древней постройки. Видимо, это тот вариант легенды, который рассказали Пушкину.

О том, что представление об искусственном характере горы Митридат было весьма распространено, свидетельствуют слова историка и археолога Н. Н. Мурзакевича, посетившего Крым в 1836 г. Он уподобил гору Митридат Золотому кургану, посчитав и то, и другое искусственными сооружениями: «Древние, зная человеческую хищность, придумывали разные средства, чтобы отвести внимание алчных некрофонов от сокрытых в гробах сокровищ, для чего старались их прикрывать огромными камнями, недоступными для обыкновенной человеческой силы, и потом набрасывали в беспорядке меньшие камни, чтобы дать вид случайной насыпи» (Мурзакевич 1837: 686).

Легенда о гробнице Митридата со временем изменялась. Итало-швейцарец по происхождению, художник К. Боссоли много лет провёл на Юге России. В 1856 г. он издал в Лондоне альбом цветных литографий с видами Крыма, выполненных по натурным

Рис. 2. Карло Боссоли (рисунки 1842–1856 гг.): 1 — Керчь со стороны главной дороги на Ени-Кале; 2 — общий вид Керченского залива с горы Митридат (по: Боссоли 2004: № 44, 45)

Fig. 2. Carlo Bossoli (drawings of 1842–1856): 1 — View of Kerch from the main road to Eni-Kale; 2 — general view of the Kerch strait from Mithridates mountain (after: Bossoli 2004: No. 44, 45)

зарисовкам 1840–1842 гг. Одна из них называется «Гробница Митридата, близ керченского лазарета». Здесь изображена группа людей, при свете факела осматривающих внутренности огромной каменной гробницы, в полу которой имеется отверстие, очевидно, тайник (рис. 3). По словам издателя, «в этой могиле найдено множество драгоценностей, которые отправили в Санкт-Петербург» (Боссоли 2004: № 43). На рисунке изображен так называемый Царский курган, который находится к северу от тогдашней Керчи, ныне на территории городского микрорайона Аджимушкай (Тункина 2010в: 565; Дюбрюкс 2010: 289, рис. 702; Санжаровец 2005: 286). Этот курган раскопал в 1833–1838 гг. коллекционер, археолог-любитель и директор Керченского музея А. Б. Ашик. А значит, Боссоли (или его информаторы) создал новую локализацию «Митридатовой могилы» — впрочем, столь же неудачную, как и все прочие. Внутри кургана находился колоссальный уступчатый склеп, сложенный

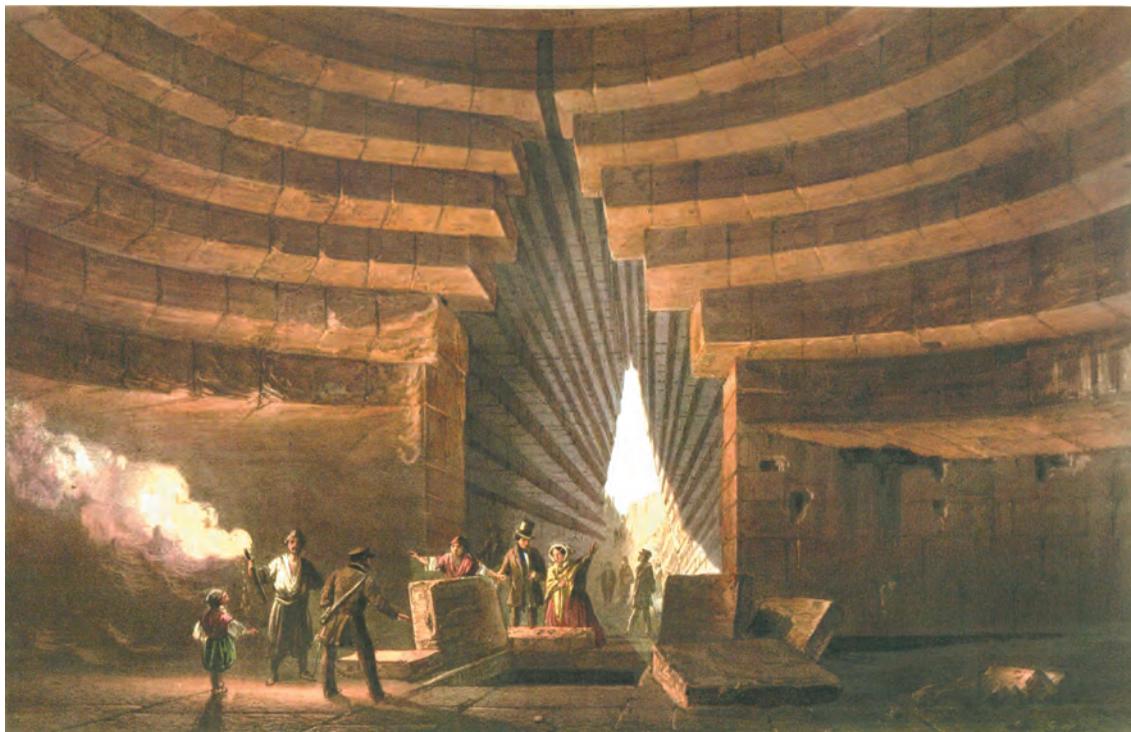

Рис. 3. Карло Боссоли. Гробница Митридата, близ керченского лазарета (1842–1856)
(по: Боссоли 2004: № 43)

Fig. 3. Carlo Bossoli. Mithridates Tomb, near the Kerch hospital (1842–1856) (after: Bossoli 2004: No. 43)

из массивных каменных блоков, который был ограблен в древности. По особенностям конструкции это сооружение датируют второй половиной IV в. до н. э. Вероятно, здесь был похоронен один из боспорских царей (Виноградов 2017: 78, 80, рис. 8).

К середине XIX в. предания о могиле Митридата на берегах Керченского пролива постепенно вышли из употребления. Очевидно, сказались рост образованности общества, знакомство публики с реальными обстоятельствами жизни понтийского царя и развитие археологической науки. О легенде знали, но теперь к ней относились как к курьезу (см., например: Спасский 1846: 122; Ашик 1848: 22, 68; Milner 1855: 100).

* * *

Таким образом, легенда о могиле Митридата VI Евпатора, которая якобы находилась где-то в Керчи или ее окрестностях, возникла после присоединения этого города к России (1774). Ее основой стал текст трагедии Расина «Митридат», который большинство образованных людей той эпохи предпочитало античным источникам. Находки драгоценных вещей в керченских курганах в отсутствие современных археологических методик и знаний способствовали популярности представлений о захоронении здесь знаменитого царя. В итоге «могилу Митридата» искали и «находили» на обоих берегах Керченского пролива и отождествляли с разными курганами. Некоторые даже называли этой вымышленной гробницей остатки каких-то непогребальных сооружений на самой вершине горы, которую в российскую эпоху стали именовать «Митридат». Лишь развитие и популяризация научных знаний привели к тому, что к середине XIX в. «могилу Митридата» стали считать легендарной, а не реальной. Тем не менее благодаря Пушкину этот образ стал частью русской классической литературы и широко цитируется в связи с Крымом. Проанализированный сюжет показывает, как возникали и бытовали легенды, связанные с археологическими памятниками Крыма. Возникшие в Новое время легенды свободно перемещались

в разноязычной культурной среде — Расин, заимствуя античный сюжет для трагедии о Митридате Евпаторе, и подумать не мог, что его пьеса породит многолетние поиски могилы древнего царя на берегах никогда не виденного им Керченского пролива. Подобные истории демонстрируют принципы работы механизма «самоподдерживающихся идей»: если легенды яркие, будоражащие воображение, воздействующие на эмоции, то, даже несмотря на их недостоверность, они будут находить отклик у определенной части публики (Храпунов 2024). Наконец, проанализированные материалы показывают многогранность интеграции Крыма в состав Российской империи, которая не сводилась к военным, административным и экономическим процессам, но затрагивала также сферу культуры и межкультурных коммуникаций.

Литература и источники

- Аппиан 1998 — *Аппиан Александрийский*. Римская история / Голубцова Е. С. (ред.). М.: Наука, 1998. 726 с.
- Ашик 1848 — *Ашик А.* Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. 1. Одесса: Тип. Т. Неймана и К., 1848. 117 с.
- Бжишкян 1830 — *Бжишкьянц М.* Путешествие в Польшу и к другим местам, населенным армянами, выходцами из города Ани / Мазиров А. (пер. с арм.) // Центральный музей Тавриды. КП-23130, Д-8830. 103 л.
- Боссоли 2004 — *Боссоли К.* Пейзажи и достопримечательности Крыма в рисунках Карло Боссоли / Вишневецкая Е. Б. (сост.). Киев: Мистецтво, 2004. 76 с.
- Ваксель 1801 — *Ваксель Л.* Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи. СПб.: И. К. Шнор, 1801. 8 с.
- Виноградов 2007 — *Виноградов Ю. А.* Золотой курган (Алтын-Оба) // Зинько В. Н. (отв. ред.). БИ. 2007. Вып. 17. С. 5–20.
- Виноградов 2010 — *Виноградов Ю. А.* Золотой курган (Алтын-Оба) // *Дюбрьюкс П.* Собрание сочинений. Т. 1: Тексты. СПб.: Коло, 2010. С. 471–476.
- Виноградов 2017 — *Виноградов Ю. А.* Курганный некрополь Пантикапея // Вишняцкий Л. Б. (отв. ред.). Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до геноуэзцев. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 67–110.
- Дюбрьюкс 2010 — *Дюбрьюкс П.* Собрание сочинений. Т. 2: Иллюстрации. СПб.: Коло, 2010. 312 с.
- Зубарь, Зинько 2006 — *Зубарь В. М., Зинько В. Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. Симферополь; Керчь, 2006. 304 с. (БИ. Вып. 12).
- Казарин, Яковенко 1991 — *Казарин В. П., Яковенко Э. В.* Пушкин и легенда о «Митридатом гробе» // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1991. Вып. 2. С. 161–164.
- Камер-фурьерский... 1886 — Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб.: б. и., 1886. 1012 с.
- Муравьев 1895 — *Муравьев А. Н.* Мои воспоминания // Русское обозрение. 1895. Т. 33: Май. С. 56–85.
- Мурзакевич 1837 — *Мурзакевич Н.* Поездка в Крым в 1836 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 3, ч. 13. С. 625–691.
- Паллас 1999 — *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / Пер. с нем. Бертье-Делагарда А. Л., Белявской С. Л. М.: Наука, 1999 (Научное наследство. Т. 27). 246 с.
- Письма... 1810 — Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море. М.: Книгопродавец Був; Тип. Н. С. Всеволожского, 1810. 289 с.
- Плутарх 1994 — *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. 2-е изд. / Аверинцев С. С., Гаспаров М. Л., Маркиш С. П. (подгот.). М.: Наука, 1994. Т. 1 — 702 с. Т. 2 — 672 с.
- Пушкин 1950 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2: Стихотворения. 1820–1826. — 462 с. Т. 6: Художественная проза. — 813 с.
- Пушкин 1951 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 10: Письма (1815–1837). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 897 с.

- Санжаровец 2005 — *Санжаровец В. Ф.* Имя Митридата VI Евпатора в топонимии Крыма и Керчи // БИ. 2005. Вып. 10. С. 269–294.
- Санжаровец 2008 — *Санжаровец В. Ф.* Легенды Митридатовой горы // Историческое наследие Крыма. 2008. № 22–23. С. 150–160.
- Спаский 1846 — *Спаский Г.* Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М.: Университетская тип., 1846. 151 с.
- Сумароков 2022 — *Сумароков П.* Досути крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Симферополь: Бизнес-Информ, 2022. 280 с.
- Тизенгаузен 1872 — *Тизенгаузен В. Г.* О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872. Т. 8. С. 363–403.
- Тункина 2002 — *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Тункина 2010а — *Тункина И. В.* «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. Т. 1: Тексты. СПб.: Коло, 2010. С. 13–101.
- Тункина 2010б — *Тункина И. В.* Раскопки в окрестностях Керчи в 1820–1822 гг. (курганы Патаниоти) // Там же. С. 413–419.
- Тункина 2010в — *Тункина И. В.* Раскопки Д. В. Карейши и А. Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835 гг.) // Там же. С. 533–588.
- Успенский и др. 2016 — *Успенский В. М., Россомахин А. А., Хрусталёв Д. Г.* Имперский шаг Екатерины. Россия в английской карикатуре XVIII века. СПб.: Арка, 2016. 288 с.
- Формозов 1986 — *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 237 с.
- Храпунов 2004 — *Храпунов И. Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь; Керчь: Керченская городская тип., 2004. 239 с. (БИ. Вып. 6).
- Храпунов 2022 — *Храпунов Н. И.* Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII — начала XIX века. Приложение: «Живописное путешествие по Крыму» Реджинальда Хебера и Роберта-Уильяма Хея. Севастополь: Альбатрос, 2022. 152 с.
- Храпунов 2023 — *Храпунов Н. И.* В поисках Херсонеса: исследования по истории, топонимике и исторической памяти. Симферополь: Антиква, 2023. 256 с.
- Храпунов 2024 — *Храпунов Н. И.* Крымские древности в легендах Нового времени. Симферополь: Антиква, 2024. 320 с.
- Clarke 1810 — *Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 1: Russia Tartary and Turkey. London: T. Cadell and W. Davies, 1810. 812 p.
- Clarke 1813 — *Clarke É.-D.* Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. T. 2 / tr. de l'ang. Paris: Buisson; Arthus Bertrand, 1813. 509 p.
- Démidoff 1841 — *Démidoff A.* Voyage dans la Russie meridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837 par M^r. Anatole de Démidoff. Paris: Ernest Bourdin et Cie., 1841. 621 p.
- Dubois 1843 — *Dubois de Montpéroux F.* Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. T. 5. Paris: Librairie de Gide, 1843. 464 p.
- Heber 1830 — *Heber R.* The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. Vol. 1. New York: Protestant Episcopal Press, 1830. 638 p.
- Henderson 1836 — *Henderson E.* Biblical Researches and Travels in Russia. London: James Nisbet, 1836. 538 p.
- Jones 1827 — *Jones G. M.* Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia, and Turkey. Vol. 2. London: John Murray, 1827. 594 p.
- Ligne 1914 — *Prince de Ligne.* Lettres à la marquise de Coigny. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion. Edouard Champion, 1914. 96 p.
- Lyll 1825 — *Lyll R.* Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia. Vol. 1. London: T. Cadell; W. Blackwood, 1825. 527 p.
- Marmont 1837 — *V. De Marmont A. F. L.* Voyage du maréchal duc de Raguse. V. 1. Paris: Ladvoat, 1837. 402 p.
- Milchina 2014 — *Milchina V.* La guerre de 1812 dans La Russie en 1839 du marquis de Custine: emprunts et impact // *Slavica Occitania.* 2014. No. 39. P. 407–427.

- Milner 1855 — *Milner Th.* The Crimea, Its Ancient and Modern History. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 368 p.
- Mitridate 1770 — *Mitridate re di Ponto.* Milano: Giovanni Montani, 1770. 48 p.
- Niemciwicz 1858 — *Niemciwicz J. U.* Juliana Ursyna Niemcewiczka Podróże historyczne po ziemiach polskich między rokiem 1811 a 1828 odbyte. Paryż: W księgarni A. Francka; Petersburg: W księgarni B. M. Wolffa, 1858. 528 p.
- Racine 1888 — *Racine J.* Mithridate: tragédie / éd. J. Labbé. Paris: Librairie classique Eugène Belin, 1888. 122 p.
- Rochechouart 1892 — *Rochechouart,* comte de. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. 2-me éd. Paris: Librairie Plon, 1892. 541 p.
- Romme 2016 — *Romme Ch.-G.* Voyage en Crimée en 1786 / présenté par M. Deschanet et G. Bekirova. Paris: L'Harmattan, 2016. 149 p.
- Roy 1856 — *Roy J.-J.-É.* Les Français en Russie: souvenirs de la campagne de 1812 et de deux ans de captivité en Russie. Tours: A^d Mame et Ce, 1856. 234 p.
- Séguir 1827 — *Séguir de L.-Ph.* Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 3-me éd. T. 3. Bruxelles: X. Renaudière, 1827. 680 p.

TOWARDS THE HISTORY OF THE LEGEND ABOUT THE TOMB OF MITHRIDATES IN THE VICINITY OF KERCH

N. I. Khrapunov

Keywords: *Crimea, Bosphorus, Mithridates VI Eupator, Евнамор, historical imagology, travellers' notes, intercultural communications*

The paper deals with the legend about the tomb of Mithridates VI Eupator, which had been sought for on the coasts of the Cimmerian Bosphorus (Kerch Strait) since the late XVIII — first half of the XIX c. Despite the unambiguous testimony of ancient writers, according to whom the Romans buried the body of their enemy in the family vault at Sinop on the southern shore of the Pontic Sea, many inhabitants of Kerch as well as travellers who visited the city took at face value the story told by J. Racine in his tragedy “Mithridates”, the text of which could be understood as suggesting that the ancient tsar's grave was somewhere on the Bosphorus. The popularity of the legend was further boosted by the finds of precious things in the Kerch kurgans. As a result, the “Mithridates tomb” was sought for and «found» on both shores of the Kerch strait, and was identified with different both burial and non-burial constructions. Thanks to Pushkin, the corresponding image became a part of Russian classical literature and is widely cited in connection with Crimea. The present analysis shows how the legends, associated with the Crimean archaeological sites, arose and functioned.

НОВЫЙ ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ИЗ МИРМЕКИЯ¹

Н. М. МИЛИХИНА²

Ключевые слова: Мирмекий, римское время, эпиграфика, колодец, магия, счет.

В 2024 г. при раскопках городища Мирмекий в заполнении колодца, относящегося к усадьбе римского времени, был найден фрагмент мраморного карниза, на оборотной стороне которого обнаружены граффити в виде группы неясных знаков и двухстрочной надписи. Анализ амфорного материала из колодца позволяет датировать время его засыпки серединой — второй половиной III в. н. э. Кроме того, здесь была найдена монета Савромата II (180–196 гг. н. э.), вероятно, относящаяся к начальному этапу функционирования колодца. Анализ граффити показывает, что знаки распадаются на несколько групп, которые не могут быть интерпретированы как рисунки или упрощенные родовые знаки (тамги). В расположенной ниже надписи различимы отдельные буквы, однако она остается нечитаемой. Можно предположить, что знаки являются счетными или имеют магическое значение. Точные аналогии этим знакам пока не выявлены.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-35-44

В ходе продолжительных раскопок городища Мирмекий на участке, примыкающем к скале Карантинного мыса, где в древности находился акрополь поселения, были выявлены культурные слои и строительные комплексы, датируемые от эпохи бронзы до позднего Средневековья. Основная масса находок относятся к I–III вв. н. э., когда в этой части поселения последовательно функционировали по крайней мере два крупных домовладения (или усадьбы) (Милихина 2022: 100, 101, 103, 104). В ходе исследования было сделано множество замечательных находок. Наиболее интересными среди них являются фрагменты мраморной монументальной скульптуры, в частности торса типа Асклепия высотой более 1 м (Бутягин и др. 2020: 21–24). Кроме того, открыты разнообразные эпиграфические материалы, в том числе фрагменты посвящения Деметре Фесмофоре, часть посвящения эпохи Аспурга и другие памятники (Бехтер, Бутягин 2007). В настоящей статье представлена находка, сделанная в ходе изучения одного из комплексов, связанных с усадьбами, — небольшой фрагмент мраморного карниза с граффито на оборотной стороне. Изучение колодца и обработка материала из его заполнения еще не завершены, поэтому окончательные выводы о хронологии комплекса будут возможны лишь по завершении работ.

В 2023–2024 гг. было возобновлено изучение колодца, обнаруженного еще в 2000 г. на участке «Т», расположенном северо-восточнее скалы Карантинного мыса (рис. 1, 1). В настоящее время этот участок входит в состав раскопа «ТС», образованного в результате объединения участков «Т» и «С» и опоясывающего скалу древнего акрополя Мирмекия (Бутягин и др. 2001а: 19; 2001б: 84; Бутягин 2005: 32, 33).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

© Милихина Н. М., 2025

Колодец находился на территории двора усадьбы II–III вв. н. э., где также были выявлены печь и несколько каменных вымосток, предположительно хозяйственного назначения. К сожалению, поверхность двора значительно пострадала в XIII–XV вв., когда на акрополе было возведено генуэзское укрепление Пондикко.

Культурный слой римской усадьбы подвергся двукратному разрушению: сначала при строительстве некрополя XIII–XIV вв. (отдельные погребения оказались непосредственно на уровне вымостки двора), впоследствии — при использовании зоны некрополя в хозяйственных целях, когда римские слои и захоронения были нарушены многочисленными хозяйственными ямами. Тем не менее значительный временной разрыв между разрушением усадьбы и строительством Пондикко позволил выделить материалы из раннего слоя, попавшие в более поздние конструкции. Это сделало возможным их использование для анализа античных построек и культурных напластований.

Жилые помещения усадьбы были исследованы позднее, в 2002–2004 гг., юго-западнее колодца (Бутягин 2005: 33–35). Прямоугольная в плане постройка разделена поперечной стеной. Выходы во двор находились с восточной стороны и имели загородки, служившие крыльцом. С юга к постройке примыкал подвал с лестницей, ведущей внутрь с западной стороны. В подвале сохранился слой пожара, перекрывавший амфоры, обнаруженные *in situ* и полный набор пирамидальных грузил от ткацкого станка (Бутягин 2008). Гибель усадьбы датируется рубежом III–IV вв. н. э., что подтверждается находкой монеты Фифорса, обнаруженной в слое желтого суглинка, образовавшегося в результате обрушения сырцовых стен. Плохая сохранность монеты не позволила установить точную дату ее выпуска, однако она не могла быть отчеканена ранее 294 г. н. э. (Фролова 1997, ч. 2: 295–305). Поскольку следов мусорного сброса после разрушения здания не зафиксировано, монету можно связать с последним периодом функционирования усадьбы.

В 2000 г. расчистка колодца была приостановлена на глубине 2,2 м из-за затруднений, вызванных необходимостью извлечения массивных камней из завала, заполнявшего его ствол. Завал частично состоял из камней разрушенного устья колодца, а также, вероятно, каменных стен, окружающих постройки усадьбы.

В 2023–2024 гг. основные работы также были сосредоточены на подъеме большого количества камней, многие из которых, по-видимому, принадлежали к обкладке ствола и устья колодца (рис. 1, 2). Объем грунта в исследованной части заполнения оказался невелик по сравнению с объемом каменных фрагментов.

К настоящему времени колодец расчищен до глубины 7 м, водоносный слой не достигнут (рис. 1, 3). Устье имеет округлую в плане форму, диаметр его составляет около 1,2 м. Стенки сложены из хорошо обработанных каменных блоков, рядность которых сохраняется до глубины 2,5 м. Ниже наблюдаются незначительное искривление стенок и увеличение размеров блоков. Кроме того, в нижней части раскопа выявлены широкие лакуны между камнями обкладки, что позволило установить ее толщину в этом месте — 0,7 м.

Расположение колодца на возвышенной части городища позволяет предположить его использование в качестве цистерны, заполнявшейся дождевой водой. Однако цистерны, как правило, имели значительный внутренний объем и либо строились в виде открытых бассейнов (Толстикова и др. 2005: 340–342), либо характеризуются узкой горловиной с резким расширением ниже, чего в данном случае не наблюдается. Кроме того, по свидетельствам местных жителей, в районе скалы когда-то действовал источник, что делает строительство колодца целесообразным.

Связь колодца с обнаруженной усадьбой очевидна, во-первых, из-за его расположения на дворовой территории и, во-вторых, по уровню залегания устья колодца, который совпадает с уровнем поверхности двора. Для уточнения даты разрушения колодца необходимо подробнее остановиться на анализе его заполнения.

До последнего полевого сезона количество материалов, обнаруженных в колодце, оставалось весьма скромным: около 500 фрагментов керамики было найдено до отметки 5 м

Рис. 1. Мирмекий, участок «Т»: 1 — колодец в ходе раскопок в 2000 г., вид с В; 2 — расчистка колодца в ходе раскопок в 2024 г., вид с З; 3 — фасировка колодца изнутри, вид с В

Fig. 1. Myrmekion, area “T”: 1 — well in the course of excavation in 2000, east view; 2 — excavation of the well in 2024, west view; 3 — graphic fixation of the well from inside, east view

от устья. Большая часть определимых фрагментов (56 % — 2023 г.) приходилась на обломки разновременных светлоглиняных узкогорлых амфор, зафиксированы единичные осколки краснолаковой керамики и сосудов из прозрачного стекла. Начиная с глубины 5,5 м от устья количество находок увеличилось. Обнаружены развалы амфор, крупных частей пифосов, лепная, сероглиняная и краснолаковая керамика. Особенно примечательно присутствие большого количества лепной керамики, прежде всего горшков с отогнутым венчиком. Однако их датировка пока остается неуточненной. Обломки краснолаковой керамики немногочисленны и представлены главным образом стенками сосудов. Основное внимание привлекают профильные части амфор (рис. 2). Материал находится в стадии обработки. Уже отмечено значительное количество узкогорлых светлоглиняных амфор

типа D³ (рис. 2, 1, 2, 6–10): выявлены семь горл таких амфор и пять ножек. Эти находки позволяют датировать разрушение колодца временем не ранее конца II — первой половины III в. н. э. Важно отметить, что две амфоры типа D в хорошем состоянии были обнаружены в слое разрушения подвала усадьбы, что может указывать на их использование вплоть до конца III в. н. э. (Шелов 1978: 18, 19: рис. 7). Кроме того, найдено горло светлоглиняной амфоры типа F (рис. 2, 3), время использования которых начинается в конце III в. н. э. (Там же: 19, 20: рис. 10). Следует упомянуть и один фрагмент амфоры типа Делакеу (рис. 2, 5). Датировка таких амфор остается дискуссионной, вероятно, начало их производства можно отнести к началу или середине IV в. н. э. (Яшная 2015: 130–133). Однако присутствие их в поздних слоях Мирмекия, где материалы IV в. н. э. отсутствуют, позволяет согласиться с датировкой, предложенной А. П. Абрамовым, согласно которой производство амфор этого типа началось во второй половине III в. н. э. (Абрамов 1993: 49). В любом случае обнаружение таких фрагментов указывает на датировку, близкую к концу III в. н. э. Также среди амфорных обломков найден фрагмент амфоры с воронковидным горлом, датируемой достаточно широко (рис. 2, 4).

Комплекс находок из колодца в целом напоминает материал, обнаруженный в близлежащей усадьбе. Кроме того, он имеет сходство с комплексами из домов Танаиса, разрушенных в середине III в. н. э. (Арсеньева, Науменко 1992: 13, 14; Науменко 2006: 263, 266), а также с материалами Пантикапейской усадьбы № 145 (Толстиков и др. 2005: 344, 345) Последняя, по мнению авторов публикации, была разрушена около середины III в. н. э., после чего постепенно заполнялась культурным слоем до конца столетия и даже в начале IV в. н. э.

Прослеживается также сходство амфорного материала с находками из помещения 1 участка I Илурата (Гайдукевич 1958: 31–36, рис. 20, 1; 21, 1). Это ставит под сомнение точность принятой датировки разрушения мирмекийской усадьбы. Основная масса материала, прежде всего подавляющее количество фрагментов светлоглиняных амфор типа D, указывает на период, близкий к середине III в. н. э. В то же время нумизматический материал дает основания для более поздней даты.

Анализ амфорного материала позволяет сделать следующие выводы. Большинство профильных фрагментов свидетельствует о функционировании колодца до середины III в. н. э., однако некоторые находки относятся к более позднему времени. Не исключено, что в середине III в. н. э. колодец был заброшен, а его разрушение произошло во второй половине века. Однако отсутствие выраженного мусорного слоя, который должен был бы образоваться при постепенном разрушении в хозяйственной зоне усадьбы, делает более вероятным одновременное разрушение усадьбы и колодца. Это подтверждается находками фрагментов сосудов второй половины и конца III в. н. э. в заполнении колодца. Нумизматический материал, обнаруженный в колодце, пока крайне немногочислен. Возможно, еще не достигнут слой активного функционирования и замыва нижней части колодца, где количество находок может быть большим. С другой стороны, единственная обнаруженная монета является весьма показательной. Это бронзовый тройной сестерций Савромата II (180–196 гг. н. э.) с изображением орла на реверсе (Фролова 1997, ч. 1: 323–325) (рис. 3, 1). Можно предположить, что эта монета датирует начало функционирования комплекса.

Помимо массового материала в заполнении колодца были обнаружены уникальные предметы. Первым из них является фрагмент постамента для вазы или статуи, выполненный из редкого для Боспора оникса с бело-желтыми слоями. Фрагмент составляет около четверти первоначального размера предмета; в центре расположено отверстие, поверхность вокруг которого обработана для крепления основания вазы или статуи. На нижней поверхности сохранилась часть алебастровой ножки, что позволяет предположить, что этот предмет мог использоваться в святилище либо в богатом частном доме.

³ Здесь и далее определение светлоглиняных амфор по: Шелов 1978.

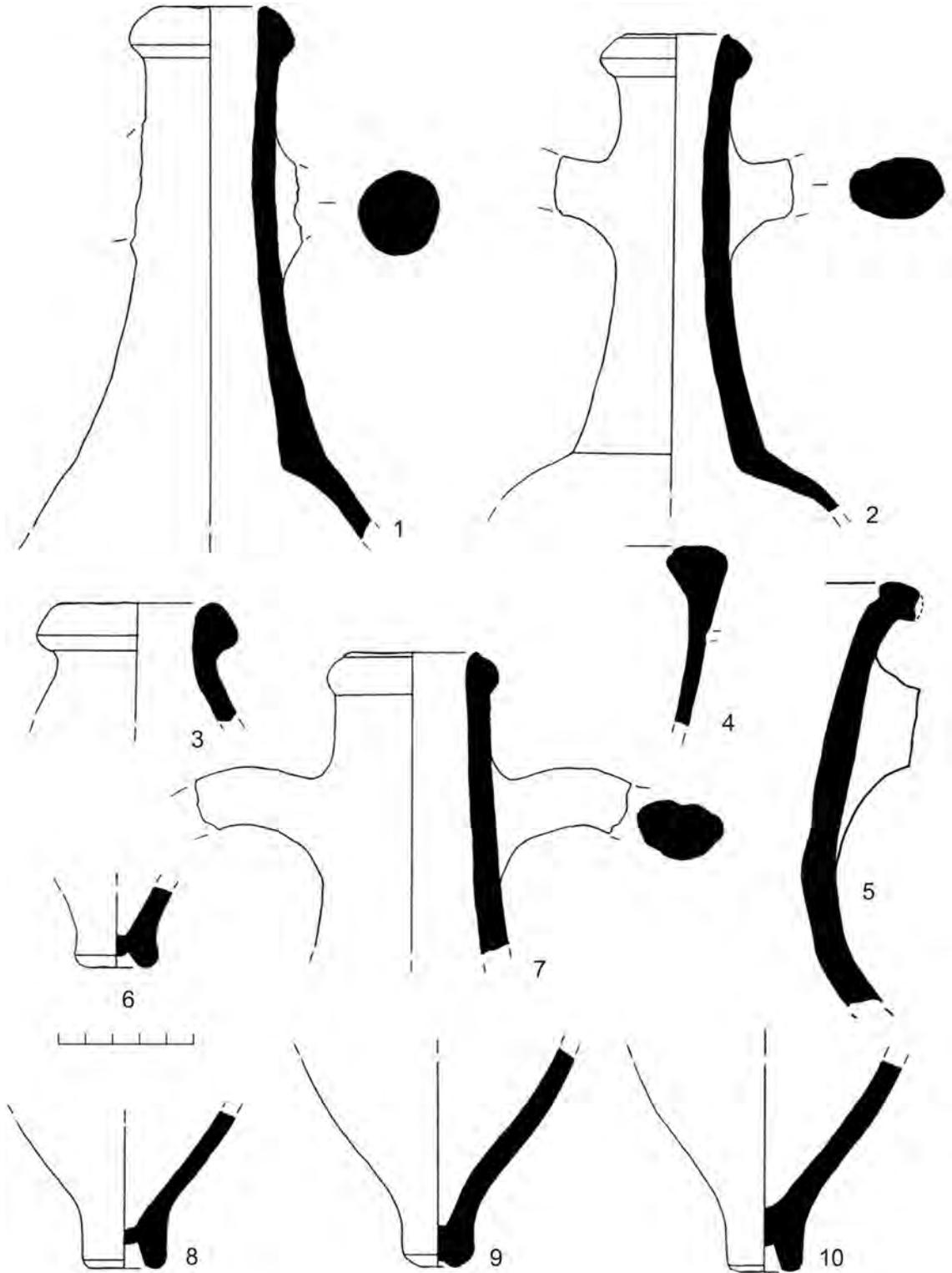

Рис. 2. Мирмекий, фрагменты амфор из заполнения колодца

Fig. 2. Myrmekion, amphorae fragments found in the well infill

Рис. 3. Мирмекий: 1 — монета Савромата II из заполнения колодца (полевой № М.2024-435), бронза; 2 — фрагмент карниза с граффити из заполнения колодца (полевой № М.2024-225), мрамор. Масштаб: а — для 1; б — для 2

Fig. 3. Myrmekion: 1 — coin of Sauromates II from the well infill (field No. M.2024-435), bronze; 2 — fragment of the cornice with graffiti from the well infill (field No. M.2024-225), marble. Scale: a — for 1; b — for 2

Особый интерес представляет вторая находка — фрагмент карниза из белого мрамора размерами 15,9 × 7,5 × 3,0 см (рис. 3, 2). Этот архитектурный элемент, вероятно, использовался в интерьере здания, о чем свидетельствуют его небольшие размеры и хорошая сохранность. Однако основное внимание привлекла обратная сторона карниза, на которой были нанесены граффити (рис. 4).

Судя по тому, как граффити сгруппированы у одного из узких краев пластины, во время, когда их наносили, пластина была ориентирована вертикально.

В структуре знаков выделяются несколько элементов. В верхней части расположены изображения, состоящие из пересекающихся линий. Под ними в две строки нанесены древнегреческие буквы. В отличие от знаков буквы прорезаны менее уверенно, вероятно, слева направо с ослаблением нажима резца к концу строк.

Рассмотрим подробнее верхнюю часть граффити. Здесь выделяются четыре или пять групп линий.

Слева сверху вертикально расположен знак (отмечен красным на рис. 4, 2), основой которого является косой крест. От левой нижней черты влево проведены еще три линии, две из которых перекрещиваются. От одной из них отходит дополнительная линия, также перекрещивающаяся с другими, образуя фигуру, напоминающую звезду. Часть линий образует подобие А, но это сходство кажется случайным.

Правее расположена вторая группа (отмечена зеленым на рис. 4, 2). Она состоит из горизонтальной линии, от которой вниз отходят три вертикальные. Две линии в правой части формируют треугольник или фигуру, напоминающую Δ. Данное сочетание может рассматриваться как монограмма, включающая Δ, Т, П, однако подобная интерпретация представляется сомнительной, учитывая общий характер остальных знаков.

Ниже находится третья группа (отмечена синим на рис. 4, 2), которую пересекают вертикальные линии первой группы. Она представляет собой линию, от которой вниз под углами отходят шесть линий, большая часть из которых пересекается. Слева в пустом пространстве между группами находится знак в виде косого креста и одна вертикальная линия; их связь с другими линиями не просматривается, вероятно, они представляют собой отдельные знаки.

Сразу после обнаружения находки было выдвинуто предположение, что эти группы могут представлять собой грубо прочерченные сарматские тамги. Однако от этой версии

Рис. 4. Мирмекий, граффити на фрагменте мраморного карниза: 1 — фото; 2 — прорисовка
 Fig. 4. Myrmekion, graffiti on the cornice fragment: 1 — photo; 2 — drawing

следует отказаться. Тамги, составленные из прямых линий, встречаются среди знаков Боспора и Сарматии II–III вв. н. э. (хотя в это время они становятся более сложными), однако обычно их изображения отличаются особой аккуратностью и глубиной прорезки. Ничего похожего на открытые знаки не встречается в своде С. А. Яценко (2001: рис. 4–7). Кроме того, представить себе тамги, изображенные с такой долей абстракции, довольно сложно. Обычно все элементы тамг являются законченными и их нельзя интерпретировать двояко.

Второе предположение заключалось в том, что граффити могли изображать корабль или его элементы — вёсла либо такелаж, которые нередко встречаются среди боспорских граффити. Однако данный рисунок существенно отличается от известных изображений кораблей (Емец 2005: XXI, 1–4; Намойлик 2018: т. 2, рис. 51, E8, E9).

Еще одна гипотеза предполагает, что это счетные граффити. Обычно они состоят из параллельных вертикальных линий, которые могут быть перечеркнуты горизонтальными

(Сапрыкин, Масленников 2007: 262, № 221, 233). В данном случае горизонтальная линия проходит в верхней части, а не все группы знаков соответствуют характерным признакам такого типа.

Среди опубликованных граффити, обнаруженных на Боспоре и в Ольвии, пока не удалось установить точных аналогий нашему граффито (Емец 2005; Намойлик 2018; Русяева 2010; Сапрыкин, Масленников 2007). В своде граффити с хоры Боспора встречаются отдельные примеры вертикальных линий с отходящими от них горизонтальными или перекрещивающимися (Сапрыкин, Масленников 2007: 291, 292, № 768, 794; 309, № 163). Эти граффити происходят как с Европейского, так и с Азиатского Боспора и датируются, если дата установлена, позднеэллинистическим и римским временем. Авторы часто интерпретируют их как буквы, хотя такая вольная трактовка зачастую вызывает сомнения. Похожие знаки (иногда в сочетании с буквами) в научной литературе называют «магическим знаком в виде сетки» или просто «сеткой» (Там же: 262, № 230).

Ниже групп неясных линий располагается надпись в две строки. Следует отметить, что буквы вырезаны неглубоко и читаются с трудом. В первой строке первой буквой, несомненно, является *альфа*, второй — *ро*, за ними, вероятно, следуют либо *пи*, либо *тау* и *йота*. Следующая буква — несомненно *альфа*. Если воспринимать линии после *ро* как *пи*, то можно предположить, что это начальная часть производного от основы $\acute{\alpha}\rho\lambda\alpha\upsilon$ - (например, $\acute{\alpha}\rho\lambda\acute{\alpha}(\omega)$), что не дает удовлетворительного смысла. Если же считать, что за *ро* следуют *тау* и *йота*, то в верхней части карниза после перекрещивающихся линий мы можем читать ΑΡΤΙΑ.

Также можно заметить, что линии, следующие за *альфа*, *ро*, *тау*, напоминают изображение из вертикальных линий (отмечена синим на рис. 4, 2), расположенное выше.

Следовательно, если в данном граффито читать ΑΡΤΙΑ, то это может быть или формой *nominativus pluralis* среднего рода прилагательного $\acute{\alpha}\rho\tau\iota\omicron\varsigma$ («точный, совершенный, полный, подходящий»; LSJ, s. v.), или именем собственным женского рода, образованным от этого прилагательного. Однако такое имя не засвидетельствовано ни на Боспоре, ни в остальных частях греческого мира (LGPN, s. v.). Имена с первой основой $\acute{\alpha}\rho\tau\iota$ - уже встречались на Боспоре, в частности в Пантикапее, в IV в. до н. э. ($\acute{\alpha}\rho\tau\iota\nu\omicron\iota\eta$, КБН 169) и во II–III вв. н. э. ($\acute{\alpha}\rho\tau\iota\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, КБН 718), то есть одновременно с функционированием колодца.

Кроме того, рассматриваемое слово может быть частью формы глагола $\acute{\alpha}\rho\tau\iota\acute{\alpha}\zeta\omega$ («считать», «играть в чет-нечет»; известны случаи его употребления с существительным $\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\acute{\alpha}\gamma\alpha\lambda\omicron\varsigma$, $\acute{\alpha}\rho\tau\iota\acute{\alpha}\zeta\omega$ $\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\acute{\alpha}\gamma\alpha\lambda\omicron\varsigma$ — «играть в астрагалы»; LSJ, s. v. $\acute{\alpha}\rho\tau\iota\acute{\alpha}\zeta\omega$). Эта версия хорошо соотносится с возможной интерпретацией верхних знаков как счетных, но остается сомнительной. В то же время представляется неясной форма глагола, использованная в данном случае.

Вторая строка надписи еще менее понятна. В ней можно различить первые пять букв: *омикрон* (или *ро*), *альфа*, *фи*, *йота*, *бета* (или *каппа* или *тета*) и еще четыре вертикальных гасты.

Возможно, автор граффито хотел написать слово $\acute{\rho}\alpha\phi\acute{\iota}\varsigma$ («игла» или «щука»; LSJ, s. v.) или производные от него. Наиболее отчетливо, как и в первой строке, читаются начальные буквы. Начиная с середины строки уверенно различимы только вертикальные гасты, причем от некоторых из них, расположенных левее, отходят горизонтальные линии. Кроме того, среди имен собственных известно имя $\acute{\rho}\alpha\phi\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ (LGPN, s. v.), однако оно встречено лишь единожды на Эвбее в III в. до н. э.

Таким образом, можно предположить, что правые части строк содержат счетные вертикальные линии, предваряемые сильно сокращенными написаниями слов или имен, расшифровать которые пока не представляется возможным.

Исходя из вышеизложенного на наш взгляд, возможны два варианта интерпретации граффити. Фрагмент карниза мог быть вторично использован в хозяйственных целях — для учета или подсчета в игре. Впоследствии, утратив свое назначение, он оказался выброшен и вместе с обломками или мусором попал в колодец.

Также «сетчатые» знаки могли быть нанесены как магические, а сопровождающие их надписи изначально создавались как заведомо нечитаемые. Возможно, само помещение пластины в разрушенный колодец свидетельствует о ее целенаправленном помещении в «хтоническое» пространство.

Обе гипотезы в настоящее время трудно доказуемы и требуют дальнейшего поиска прямых аналогий. Тем не менее находка представляет собой интересное свидетельство жизни обитателей Мирмекия римского времени, о которой до сих пор известно сравнительно немного. Дальнейшие раскопки колодца и прилегающего участка, возможно, позволят лучше понять обстоятельства появления этого редкого эпиграфического памятника.

Литература и источники

- Абрамов 1993 — *Абрамов А. П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // Паромов Я. М. (ред.). Боспорский сборник. М.: Архэ, 1993. 3. С. 4–135.
- Арсеньева, Науменко 1992 — *Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Усадьбы Танаиса. М.: ИА РАН, 1992. 179 с.
- Бехтер, Бутягин 2007 — *Бехтер А. П., Бутягин А. М.* Новые надписи из Мирмекия // Тункина И. В. (отв. ред.). ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского (1928–2004). СПб.: Нестор-История, 2007. С. 72–81.
- Бутягин 2005 — *Бутягин А. М.* Последние жители античного Мирмекия (усадьба III в. н. э. на Карантинном мысу) // Зинько В. Н. (ред.-сост.). Материалы VI Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф: Сб. материалов конф. Керчь: БФ «Деметра», 2005. С. 32–36.
- Бутягин 2008 — *Бутягин А. М.* Комплекс керамических грузил из усадьбы на акрополе Мирмекия // Ходза Е. Н., Бутягин А. М. (редкол.). Античный мир: искусство и археология: посв. памяти С. П. Борисковской (1937–2001). СПб.: ГЭ, 2008. С. 108–123 (Тр. ГЭ. Т. 41).
- Бутягин и др. 2001а — *Бутягин А. М., Виноградов Ю. А., Чистов Д. Е.* Работы Мирмекийской археологической экспедиции в 2000 г. // Пиотровский Ю. Ю. (ред.). Отчетная археологическая сессия за 2000 год: Тезисы докладов. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 18–19.
- Бутягин и др. 2001б — *Бутягин А. М., Виноградов Ю. А., Чистов Д. Е.* Раскопки Мирмекия в 2000 г. // Козак Д. Н., Гаврилюк Н. О. (ред.). Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. Київ: ІА НАНУ, 2001. С. 84–85.
- Бутягин и др. 2020 — *Бутягин А. М., Колосов В. П., Милихина Н. М.* Новые находки античной скульптуры из Мирмекия // Таврийские студии. Симферополь, 2020. № 22. С. 18–24.
- Гайдукевич 1958 — *Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Гайдукевич В. Ф. (ред.). Боспорские города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 9–148 (МИА. Вып. 85).
- Емец 2005 — *Емец И. А.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского: типология и методика исследования. М.: Спутник+, 2005. 364 с.
- КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.
- Милихина 2022 — *Милихина Н. М.* Проблемы исследования Мирмекия римского времени (топографический аспект) // АВ. 2022. Вып. 37. С. 98–107.
- Намойлик 2018 — *Намойлик А. С.* Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа): дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2018 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2-Д. Д. 754. Т. 1 — 224 л.; т. 2 — 311 л.
- Науменко 2006 — *Науменко С. А.* Амфоры из закрытых комплексов Танаиса середины III в. н. э. // Бжания В. В. (ред.). Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Сухум: Изд-во Абхазского ГУ, 2006. С. 261–267.
- Русяева 2010 — *Русяева С. А.* Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь: БФ «Деметра», 2010. 288 с. (МАИЭТ. Supplementum 8).

- Сапрыкин, Масленников 2007 — *Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2007. 324 с. (БИ. Supplementum 1).
- Толстиков и др. 2005 — *Толстиков В. П., Журавлёв Д. В., Ломтадзе Г. А.* Цистерна римского времени на Западном плато Первого кресла горы Митридат // *Древности Боспора*. 2005. Т. 8. С. 340–376.
- Фролова 1997 — *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора. М.: Эдиториал УРСС, 1997. Ч. 1 — 448 с.; ч. 2 — 536 с.
- Шелов 1978 — *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // *КСИА*. 1978. Вып. 178. С. 16–21.
- Яценко 2001 — *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов Древности и раннего Средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
- Яшная 2015 — *Яшная О. С.* Амфоры типа Делакеу из раскопок Мангупа // *ПИФК*. 2015. № 3. С. 120–139.
- LGN — *Lexicon of Greek Personal Names*. University of Oxford. <https://www.lgpn.ox.ac.uk>
- LSJ — *Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. (eds.)*. *A Greek-English Lexicon*. 9th ed. Oxford: Clarendon Press, 1940.

NEW EPIGRAPHIC MONUMENT FROM MYRMEKION

N. M. Milikhina

Keywords: *Myrmekion, Roman time, epigraphy, water well, magic, counting*

In 2024, in the course of excavations of the ancient settlement of Myrmekion, a fragment of marble cornice with a graffiti on the back side was found in the infill of a water well belonging to a Roman estate. The graffiti consists of a group of unclear symbols and a two-line inscription. The analysis of amphoras from the well suggests that it was filled in in the middle — the second half of the III c. BC. In addition, there was found a coin of Sauromates II (180–196 BC), dating probably from the initial stage of the well exploitation. The analysis of the graffiti shows that the symbols form several groups which can be treated as neither drawings nor simplified signs of kinship (tamgas). The inscription situated below the signs remains unreadable though some letters seem discernable. It is safe to assume that the signs served as counting tokens or had some magical meaning. No exact analogies to the signs in question have yet been found.

НАДПИСЬ КБН 27 И ПРОБЛЕМА ПОЯВЛЕНИЯ КУРСИВА В БОСПОРСКОЙ ЛАПИДАРНОЙ ЭПИГРАФИКЕ

А. П. БЕХТЕР¹

Ключевые слова: античная эпиграфика, КБН 27, Агдистис, IOSPE I² 201, палеография, курсив.

Статья посвящена пересмотру датировки вотивного рельефа с посвящением Агдистис (КБН 27). Привычная атрибуция памятника Пантикапею некорректна: известно только, что камень был приобретен П. О. Бурачковым в Керчи. Учитывая небольшой размер плитки, она может происходить практически из любого античного центра. В. В. Латышев датировал памятник раннеримским временем, тогда как в КБН он отнесен ко II в. до н. э., поскольку надпись содержит лунарные *сигму*, *эпсилон* и *омегу*. Выполненные сходным шрифтом эпитафии КБН 254, 257 и 1071 также датированы III–II вв. до н. э., хотя развитый курсив, содержащий полный набор лунарных букв, фиксируется только в начале II в. н. э. (КБН 1115). Предложенная в КБН дата базируется на том, что список имен из Ольвии, выполненный развитым курсивом (IOSPE I² 201), относится ко II в. до н. э., что уже давно поставлено под сомнение (при этом однозначного мнения о времени изготовления самого памятника нет). Перечисленные выше надгробные памятники, судя по всему, должны датироваться первыми веками новой эры (тексты на антропоморфы нанесены при вторичном использовании). Поскольку веских доказательств присутствия развитого курсива в боспорской эпиграфике II в. до н. э. нет, для уточнения датировки КБН 27 остается обратиться к искусствоведческому анализу. Трактовка причесок представленных на памятнике фигур позволяет датировать его второй половиной II — первой половиной III в. н. э.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-45-54

Статья А. И. Болтуновой и Т. Н. Книпович «Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре», вышедшая в 1962 г., до сих пор служит опорой для датировки новонайденных боспорских надписей (Болтунова, Книпович 1962). Несмотря на прошедшие шестьдесят с лишним лет, нельзя не отметить, что она и сейчас сохраняет значительную ценность, а основные линии развития боспорской палеографии представлены в ней достаточно корректно. Отдавая безусловную дань уважения авторам, проделавшим огромную аналитическую и чисто техническую работу, следует все же признать, что на современном уровне развития эпиграфики ряд положений, касающихся как предложенных этапов развития лапидарного письма, так и датировок отдельных памятников, нуждаются в пересмотре. Одним из таких памятников является посвящение КБН 27, представляющее собой небольшую (высотой 23,5 см, шириной 29,0 см, толщиной 5,0 см) прямоугольную плитку из белого мрамора. Она украшена рельефом, изображающим двух фронтально стоящих женщин, справа от которых помещена фигурка девочки (рис. 1, 1). Все женщины облачены в широкие плащи поверх длинных хитонов с многочисленными спадающими вниз складками.

¹ Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург.

© Бехтер А. П., 2025

Под рельефом без предварительной разметки довольно небрежно мелкими буквами (0,5 см) вырезана надпись (рис. 1, 2). Буквы слегка апицированы. *Альфа* с ломаной поперечной гаской. *Сигма*, *эпсилон*, *омега* лунарные.

Πλουσία ὑπὲρ τῶν θυγατέρων κατὰ πρόσταγμα
Ἀγγίσσ<ε>ι ἀνέθηκε

2. АГГІСССІ камень; Ἀγγίσ[τε]ι Латышев IOSPE II 31; Ἀγγίσσ<ε>ι Жебелев (Рукопись IOSPE II²: л. 37)², КБН.

Плусия за своих дочерей по повелению Ангиссе посвятила.

Прежде всего следует заметить, что совершенно неочевидно пантикапейское и, шире, боспорское происхождение памятника. Вотив был приобретен П. О. Бурачковым в Керчи и в дальнейшем поступил в ГИМ, где и находится на хранении в настоящее время (инв. № 11790, Б-300). Керчь была центром торговли древностями, и такой относительно компактный и удобный для перемещения объект мог происходить практически из любой точки античного мира. В. В. Латышев, как всегда в подобных случаях, включил эту стелу в состав пантикапейских памятников. Эта далеко не лучшая практика была перенята составителями КБН. Здесь же надо отметить, что выражение *κατὰ πρόσταγμα* в Северном Причерноморье ни разу не засвидетельствовано, а в боспорских посвящениях обычны причастия *εὐξάμενος/εὐξάμενη*. Конечно, нельзя не учитывать возможность того, что автором текста мог быть приезжий, использовавший привычную для него формулировку. Благодаря сохранности надписи ее прочтение и интерпретация не вызывают сомнений.

Агдистис входит в круг божеств, связанных с культом Кибелы. Это изначально двуполное существо, после самооскопления ставшее женщиной. Миф об Агдистис изложен у Павсания (VII, 17, 10–12), где она выступает как протагонист, и у Арнобия (*adv. Nat.*, V, 5–7), где Агдистис входит в окружение более могущественной Матери богов. В литературных и эпиграфических источниках также прослеживаются две линии почитания Агдистис: она либо идентифицируется с Матерью богов и ее имя представляет собой дополнительный эпитет (*Strab.* X, 3, 12; *Hesych. s. v.* Ἄγδιςτις), либо выступает как самостоятельное божество, подчас с упоминанием Матери богов в том же самом тексте (обзор эпиграфических данных см.: Gasparro 1985: 34–37).

Имя божества имеет очень много вариантов написания, представленных прежде всего в эпиграфике. За условно-нормативную форму обычно принимается Ἄγδιςτις. Судя по всему, это фригийское имя, подвергшееся грецизации (лингвистический анализ см.: Gusmani 1959: 206–209).

Для рассматриваемой надписи В. В. Латышев предложил чтение Ἀγγίσ[τε]ι, опираясь на SIG IV 6837: Μητρί θεῶν Ἀγγίστει. Однако хорошо читающееся на камне АГГІСССІ заставляет принять предложенное С. А. Жебелевым и воспроизведенное в КБН Ἀγγίσσ<ε>ι: пропуск черточки при написании лунарного *эпсилона* — достаточно частая ошибка, тем более что известны такие варианты написания имени Агдистис, как Μητρί θεῶν Ἀγγίδισση (МАМА VI 395), Μητρί θεῶν Ἀνδίδισση (МАМА VI 398), Ἀγδίσσιδι (IG XII. Suppl.), θεῆς Ἀνίσσεω[ς] (МАМА VIII 396). Совершенно непонятно, почему Ф. Хиллер фон Гертринген отверг это напрашивающееся прочтение: «C statt E ist kaum als Variante zu rechnen» (*Hiller von Gaertringen* 1926: 169).

Памятник впервые был опубликован В. В. Латышевым, лично изучившим его. Издатель отнес плитку к римскому времени: «Titulus Romanae est aetatis satis recentis» (IOSPE II 31).

² Переиздание второго тома IOSPE готовилось сначала В. В. Латышевым, а затем С. А. Жебелевым, однако напечатано так никогда и не было, оставшись в виде рукописи, активно использовавшейся издателями КБН.

1

2

Рис. 1. КБН 27: 1 — общий вид (по: Санкт-Петербургский институт истории РАН. Западноевропейская секция. Кол. 58. Оп. 1. Д. 23. Л. 1); 2 — надпись, эстампаж (по: CIRB-album 2004: 27)

Fig. 1. CIRB 27: 1 — general view (St. Petersburg Institute of History RAS. Western European Section. Coll. 58. Inv. 1. File 23. L. 1); 2 — inscription, estampage (after: CIRB-album: 27)

А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович, однако, сочли предложенную датировку некорректной, поскольку «шрифт надписи встречает аналогии в надписях позднеэллинистического времени», указывая в качестве наиболее подходящей дату II в. до н. э. (КБН 27). В статье, посвященной боспорским лапидарным шрифтам, авторы высказались еще более радикально: «Она [надпись. — А. Б.] бесспорно относится к эллинистическому времени; наиболее вероятен II в. до н. э.» (Болтунова, Книпович 1962: 18). При этом в качестве единственной аналогии приводится только происходящий из Ольвии список имен IOSPE I² 201 (рис. 2). Отдельными исследователями высказывались сомнения в отношении передатировки мотива (Завойкина 2013: 99), однако КБН 27 продолжает привлекаться либо в качестве образца шрифта II в. до н. э., либо как свидетельство почитания Агдистис на эллинистическом Боспоре.

Рис. 2. IOSPE Γ 201 (Одесский археологический музей) (фото А. И. Иванчика, его электронное письмо от 10.11.2024)

Fig. 2. IOSPE Γ 201 (Odessa Archaeological Museum) (photo by A. I. Ivanchik, his e-mail of 10.11.2024)

Основные палеографические характеристики IOSPE I² 201 таковы: *альфа* с ломаной поперечной гостой, крупный *омикрон* нестабильной формы (то тяготеющий к овалу, то почти круглый), *пи* с удлиненной горизонталью, лунарные *сигма*, *эпсилон* и *омега* (рис. 1, 2). Сам документ, представляющий собой список мужских имен с патронимиками, начиная с первой публикации, вызывает дискуссии. Сам Латышев отнес памятник к III в. до н. э., отмечая идентичность персонажей, указанных в каталоге и в ряде других ольвийских надписей конца IV — III в. до н. э. (IOSPE I² 179, 180, 187, 190, 191). При этом палеографически все указанные тексты выполнены обычным ангулярным шрифтом (можно только отметить лунарный *эпсилон* в IOSPE I² 180). Более того, сходную манеру письма, с использованием лунарных литер, Латышев обычно относит к римскому времени (см., например, IOSPE I² 192: «Litteratura indicat imperatorum Romanorum aetatem»).

Т. Н. Книпович в специальной работе, посвященной лапидарному письму Ольвии, уделяет особое внимание появлению курсива в эпиграфике этого центра. Она отмечает, что известен еще ряд надписей, выполненных тем же шрифтом, что IOSPE I² 201, не давая конкретных ссылок и изображений. Судя по всему, речь идет о фрагментированных надписях, датировка которых базируется на палеографической близости к указанному документу: НО 35, 36, 38 и т. д. В качестве аргументов Т. Н. Книпович приводит дополнительные палеографические характеристики: *альфа* с ломаной поперечной гостой, *тета* с поперечной чертой в центре, *миу* с вертикальными боковыми линиями, свойственные, по ее мнению, шрифту конца III и особенно II в. до н. э., а также тот факт, что на ольвийской агоре такие надписи встречались в слоях III–II вв. до н. э. (Книпович 1966: 24). Первый аргумент не представляется убедительным: указанные формы букв могут присутствовать и в надписях римского времени; археологический же контекст требует более детального описания, чем одна фраза. Сама исследовательница, относя в итоге памятник ко II в. до н. э., отмечает, что столь раннее появление развитого курсива в других причерноморских центрах не фиксируется, указывая, что на Боспоре курсив входит в обиход не ранее первых веков нашей эры. Действительно, в боспорской лапидарной эпиграфике ближайшей аналогией является фрагментированная почетная надпись в честь императора Адриана (КБН 47), то есть документ, принадлежащий уже ко II в. н. э. Более того, во всем античном мире, не только в Причерноморье, утверждение курсива в лапидарной эпиграфике происходит в римское время (McLean 2012: 40, 41). Тем не менее датировку Т. Н. Книпович поддерживает В. П. Яйленко (1985: 167–169; 1987: 42, 47, № 86), предложивший даже свою хронологию ольвийских надписей с лунарными буквами III–I вв. до н. э. (Яйленко 1987: 41, 42).

Передатировке документа римским периодом препятствуют чисто греческая ономастика и полное совпадение большинства имен из каталога с именами лиц, упомянутыми в документах лапидарной и керамической эпиграфики эллинистического периода³, что не может быть случайным⁴. Противоречие между данными просопографии и палеографическими характеристиками было отчасти разрешено Ю. Г. Виноградовым, который определил каталог как список эпонимов — жрецов Аполлона, зафиксированный около рубежа II–I вв. до н. э. (Виноградов 1989: 220; Vinogradov 1997: 92, 159, 327). Однако использование развитого курсива — с лунарными *сигмой*, *эпсилоном* и *омегой* устоявшихся форм, без чередования с ангулярными литерами, — представляет палеографическую проблему и для I в. до н. э.

Элементы курсивной скорописи проникают в лапидарную эпиграфику из рукописных документов как на мягких носителях напоподобие папируса, так и на твердых, таких как керамика. При этом лунарные буквы появляются не одновременно, с большим хронологическим отрывом лидирует *сигма*: в севернопричерноморской «малой» эпиграфике

³ Об остраконах, найденных на территории Ольвийского дикастерия, см.: Леви 1985: 94, 95, рис. 91.

⁴ Историю изучения документа см.: Николаев 2014: 13–22.

она со второй половины IV в. до н. э. почти полностью вытесняет ангулярную (Белоусов 2020: XXVII, XXX; Бехтер 2022: 48, 49)⁵. Однако лунарная *омега* появляется как на твердых носителях (Белоусов 2020: XXVIII, XXXI; Бехтер 2022: 49), так и на папирусе (Kenyon 1899: 40; Gardthausen 1913: Taf. 1) не ранее II в. до н. э. Это наблюдение делает совершенно невозможным датировку лапидарных надписей с лунарной *омегой* III в. до н. э.

В боспорские лапидарные документы общественного характера курсив проникает только в римское время: наиболее ранний текст, содержащий весь набор лунарных букв (*сигму, эпсилон, омегу*), относится ко времени правления Савромата I (КБН 1115). Лапидарные памятники Херсонеса также демонстрируют консервативность в отношении манеры письма: полный набор лунарных букв фиксируется в документах II в. н. э. (Соломоник 1964: № 7, 13, 18, 52). Эпиграфика Ольвии выглядит более прогрессивной: лунарный *эпсилон* появляется уже в декрете в честь Протогена IOSPE I² 32, датированном концом III — II в. до н. э.⁶, однако датированные надписи с полным набором лунарных литер ранее римского времени неизвестны.

В надписях частного характера лунарные буквы могли появиться значительно раньше, однако дать точную хронологическую привязку для недатированных эпитафий весьма затруднительно. Древнейшим памятником боспорской лапидарной эпиграфики, содержащим лунарную *сигму*, судя по всему, является эпитафия Нимфагора КБН 1072 (подробнее см.: Бехтер 2022: 47–49). Помимо этого в КБН отнесены к эллинистическому периоду еще три эпитафии, содержащие полный набор курсивных букв: на надгробии с рельефом КБН 257 (III–II вв. до н. э.) и на антропоморфных стелах КБН 254 (III — первая половина II в. до н. э.) и 1071 (вторая половина III в. до н. э.).

В КБН какое бы то ни было обоснование датировок отсутствует: в посвященной боспорской лапидарной палеографии статье для КБН 254 отмечено, что «остальные буквы сохраняют формы, свойственные датированным надписям III в. до н. э.; характерно также, что буквы в строке — неодинаковых размеров, особенно мал *омикрон*» (Болтунова, Книпович 1962: 16). Однако подобные начертания букв могут иметь место и в раннеримское время, см., к примеру, КБН 1021. Кроме того, в верхней части КБН 254 заметны следы обработки, не отмеченные предыдущими издателями. Судя по всему, антропоморфное изваяние было использовано вторично, и на его почти полностью утраченной верхней части (голове) был вырезан рельеф; аналогичное оформление имеют КБН 496, 625⁷. Римское имя *Пóплиос* (= *Publius*), присутствующее в первой из перечисленных эпитафий, показывает, что она не может относиться к доримскому времени. КБН 625 выполнена крайне небрежно, при этом все буквы ангулярные. В КБН надпись датирована временем «не ранее конца I в. н. э., может быть, II в. н. э.», хотя *эпсилон* с промежутком между центральной горизонтальной линией и вертикальной гостой и особенно *омега* мягких округлых очертаний с плавно загибающимися вверх концами окружности фиксируются еще при Аспурге (Бехтер 2022: 64). В любом случае аналогии указывают на первые века новой эры.

Антропоморфную стелу КБН 1071 Н. В. Молева, разработавшая детальную классификацию такого вида памятников, определяет как изготовленную в III в. до н. э. (Молева 2012: 52, табл. III, 10), однако камень был найден совместно с надгробием КБН 1074 (Шкорпил 1911: 98, № 8; 101, № 13), относящимся, судя по рельефу и палеографическим особенностям, к I в. до н. э., что заставляет предполагать и в данном случае вторичное использование.

⁵ О происхождении и развитии *сигмы* из лунарного знака см.: Gorissen 1978: 151–162, при этом лунарные *эпсилон* и *омега* автор все же рассматривает как продукты скорописи (Там же: 162).

⁶ Датировка памятника, хотя и вызывает дискуссии при попытке ее уточнения, в целом укладывается в указанные рамки (историографию вопроса см.: Андреева 2004).

⁷ Время изготовления, согласно Н. В. Молевой, — III и III–II вв. до н. э. соответственно (Молева 2012: 54, табл. III, 7; 55, табл. III, 3).

Для КБН 257 в Корпусе приводится датировка III–II вв. до н. э., предложенная К. Ватцингером, тогда как В. В. Латышев датировал надпись римским временем (IOSPE II 211). В данном случае решающим фактором мог бы стать анализ рельефа, на котором был представлен либо одиночный воин, опирающийся на копьё, либо сцена прощания, от которой частично уцелела только одна фигура (Давыдова 1990: 38, 39, № 25). Для первой половины III в. до н. э. стелы с рельефами на Боспоре неизвестны, период же со второй половины III до конца II в. до н. э. представляет собой почти сплошное белое пятно: скудость датированных эпиграфических документов не позволяет выделить памятники соответствующего периода среди массива боспорских надгробий. При этом, несмотря на фрагментарность и сильную поврежденность изображения, можно отметить соблюдение пропорций, объемность драпировки, что в целом вписывается в стилистику выделенной Т. А. Матковской мастерской аттической традиции, функционировавшей на Боспоре в период с конца I в. до н. э. до II в. н. э. (Матковская 1992: 390–392). Также нельзя не учитывать возможность вторичного использования стелы, как и в случае с антропоморфами.

Таким образом, веских доказательств наличия развитого курсива в боспорской лапидарной эпиграфике II в. до н. э. нет. То же можно сказать и об Ольвии: гипотеза о раннеэллинистическом курсиве базируется на ранней датировке IOSPE I² 201. Кстати, не исключено, что каталог представляет собой выполненную в римское время копию более древнего документа.

Данные ономастики также не дают однозначной хронологической привязки: имя Πλουσία, в целом не очень распространенное (LGPN дает восемь примеров, включая наш), приобретает популярность в римское время, однако древнейший пример фиксируется в папире из Гераклеополя 133 г. до н. э. (имя иудейки из Трояды, Polit. Jud., № 8).

Остается для уточнения датировки обратиться к самому рельефу. Прежде всего нельзя не отметить, что он, несомненно, изображает названных в надписи лиц: автора посвящения Плюсию и ее дочерей. Однако изучение представленных в СССР многочисленных изображений (или их описаний) на посвящениях Матери богов или связанным с ней божествам не дает ни одного подобного примера. Складывается впечатление, что надпись и рельеф изначально не составляли единства: в качестве votivного подношения была использована уже готовая плитка, на которую нанесли текст посвящения.

Приведенный далее искусствоведческий анализ рельефа основан на наблюдениях и замечаниях А. В. Круглова⁸, любезно проконсультировавшего меня по данному вопросу. Он определяет рельеф как, скорее всего, восточно-греческий, малоазийский (здесь уместно заметить, что из восьми известных примеров имени Плюсия четыре фиксируются как раз в Малой Азии). Общий облик женских фигур, задрапированных в плащи поверх длинных хитонов, соответствует устойчивому общегреческому канону, существовавшему с эллинистического времени до самого конца античной эпохи, и не может дать какой-либо опоры для уточнения датировки. Все женщины изображены с непокрытой головой, что совершенно нетипично для боспорского рельефа: женские персонажи, как героизированные умершие на надгробных стелах, так и богини, всегда изображаются либо с наброшенным на голову плащом, либо с головным убором (калафом, полосом и т. п.). В то же время пышные прически изображенных на рельефе лиц могут дать хронологический репер. Головы фигур довольно сильно пострадали (особенно крайняя справа), детали не сохранились, однако общий абрис прически читается хорошо: густые волосы разделены на пробор, плотной массой обрамляют лицо и, прикрывая уши, спускаются к основанию шеи. У самой высокой фигуры (крайней слева) представлена вариация описанной прически: волосы заложены за уши. Указанная мода появляется при Юлии Домне (?–217 гг. н. э.), жене императора Септимия Севера (193–211 гг. н. э.) и матери императора Каракаллы (211–217 гг. н. э.).

⁸ Выражаю глубокую признательность кандидату искусствоведения А. В. Круглову за консультацию.

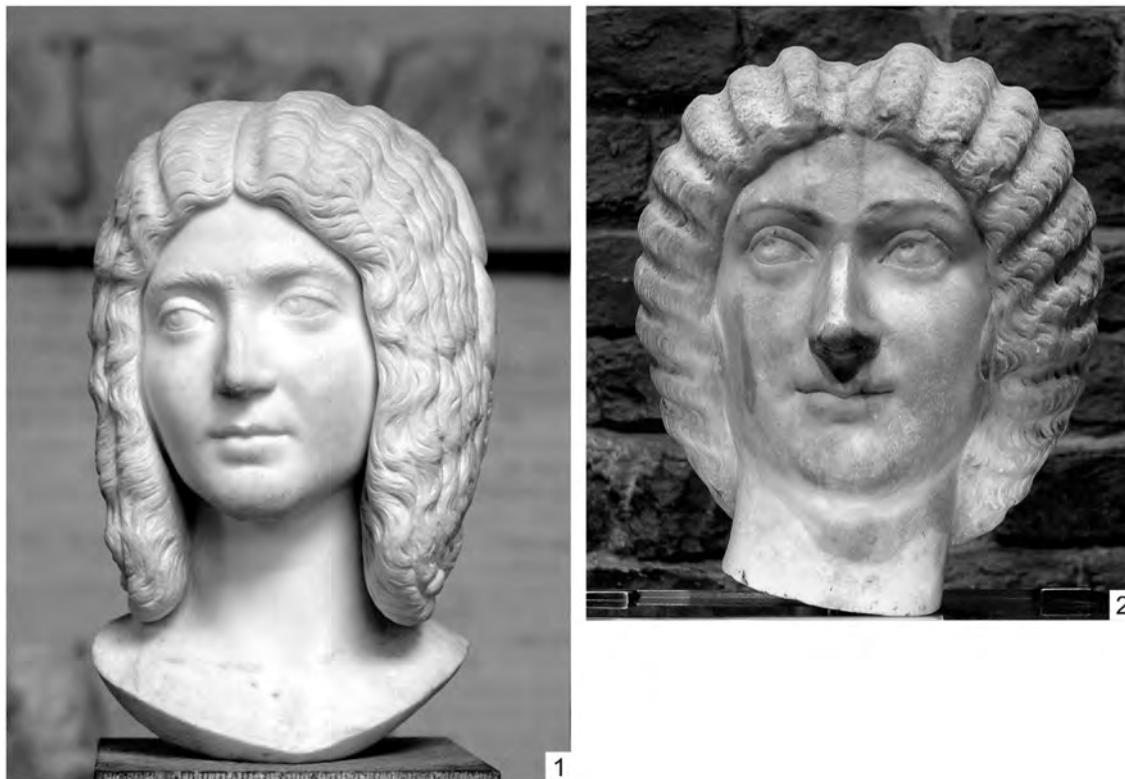

Рис. 3. Мраморные бюсты: 1 — Юлия Домна, Мюнхенская глиптотека (по: <https://Julia Domna Glyptothek Munich 354.jpg> - Wikipedia); 2 — Юлия Мамеа, Капитолийский музей, Рим (по: [https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f5/Bust_of_Julia_Mamea_-_Palazzo_Nuovo_-_Musei_Capitolini_-_Rome_2016_\(4\).jpg](https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f5/Bust_of_Julia_Mamea_-_Palazzo_Nuovo_-_Musei_Capitolini_-_Rome_2016_(4).jpg))»

Fig. 3. Marble busts: 1 — Julia Domna, Munich Glyptothek (<https://Julia Domna Glyptothek Munich 354.jpg> - Wikipedia); 2 — Julia Mamaea, Capitoline Museum, Rome ([https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f5/Bust_of_Julia_Mamea_-_Palazzo_Nuovo_-_Musei_Capitolini_-_Rome_2016_\(4\).jpg](https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f5/Bust_of_Julia_Mamea_-_Palazzo_Nuovo_-_Musei_Capitolini_-_Rome_2016_(4).jpg))»

Вариант с заложенными за уши волосами становится популярен при Юлии Мамее (после 180–235 гг. н. э.) (рис. 3), то есть памятник должен быть датирован позднеримским временем: концом II — первой половиной III в. н. э.⁹

Подведем итоги. КБН 27 нельзя включать в число пантикапейских памятников эллинистического периода, происхождение камня должно указываться как Боспор (?), датировка — конец II — первая половина III в. н. э. Датировка ольвийских надписей с развитым курсивом раннеэллинистическим временем нуждается в основательном пересмотре.

Литература и источники

Андреева 2004 — Андреева С. Э. Еще раз к вопросу о датировке декрета в честь Протогена // Вахтина М. Ю., Зуев В. Ю., Кашаев С. В., Соколова О. Ю., Хршановский В. А. (ред.). Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы V междунар. конф. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. Ч. 2. С. 95–103.

Белоусов 2020 — Белоусов А. В. Корпус заклятий понтийской Ольвии = Defixiones Olbiae Ponticae (DefOlб). М.: Из-во МГУ, 2020. XXXIII + 194 с. (Тр. историч. фак-та МГУ. Вып. 164. Сер. 2: Исторические исследования. 103).

⁹ Расширенная датировка объясняется тем, что в провинции моды могли появляться позже, чем в столице, и держаться дольше.

- Бехтер 2022 — *Бехтер А. П.* Лапидарные шрифты Боспора VI–I вв. до н. э. // Сиренов А. В. (ред.). История письма от античности до нового времени. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2022. С. 20–64.
- Болтунова, Книпович 1962 — *Болтунова А. И., Книпович Т. Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // Нумизматика и эпиграфика. 1962. Т. 3. С. 3–31.
- Виноградов 1989 — *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. VI–I вв. до н. э. М.: Наука, 1989. 281 с.
- Давыдова 1990 — *Давыдова Л. И.* Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. — III в. н. э.: Каталог выставки. Л.: Изд-во ГЭ, 1990. 66 с.
- Завойкина 2013 — *Завойкина Н. В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. 288 с.
- КБН — Корпус боспорских надписей / Струве В. В. (отв. ред.) и др. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.
- Книпович 1966 — *Книпович Т. Н.* Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии // Нумизматика и эпиграфика. 1966. Т. 6. С. 3–30.
- Леви 1985 — *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.: Наука, 1985. 152 с.
- Матковская 1992 — *Матковская Т. А.* Мастерские надгробного рельефа европейского Боспора I в. до н. э. — II в. н. э. // Археология и искусство Боспора. М.: Изд-во ГМИИ, 1992. С. 387–407 (Сообщения ГМИИ. Вып. 10).
- Молева 2012 — *Молева Н. В.* Боспорские антропоморфные изваяния: кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ГУ, 2012. 178 с.
- Николаев 2014 — *Николаев Н. И.* Просопография Ольвии Понтийской V в. до н. э. — I в. н. э. Киев: Олег Филюк, 2014. 316 с.
- Рукопись IOSPE II² — *Латышев В. В., Жебелёв С. А.* Рукопись IOSPE II² // СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 34, л. 124 л.
- Соломоник 1964 — *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1964. 278 с.
- Шкорпил 1911 — *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1911 году // Известия ИАК. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1911. Вып. 40. С. 92–114.
- Яйленко 1985 — *Яйленко В. П.* Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» // Блаватская Т. В. (ред.). Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М.: ИВИ АН СССР, 1985. С. 161–237.
- Яйленко 1987 — *Яйленко В. П.* Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии». Продолжение // Павловская А. И. (ред.). Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.: Изд-во ИВИ АН СССР, 1987. С. 4–105.
- СССА — *Vermaseren M. J.* Corpus Cultus Cybelae Attidisque. Leiden; New-York: E. J. Brill, 1977–1989. Vol. 1–7.
- CIRB-album 2004 — Corpus inscriptionum regni bosporani. Album imaginum / Гаврилов А. К. (отв. ред.) и др. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. XVI, 431 с.
- Gardthausen 1913 — *Gardthausen V.* Griechische Paläographie. Leipzig, 1913. 472 p.
- Gasparro 1985 — *Gasparro G. S.* The Soteriology and Mystic Aspects in the Cult of Cybele and Attis. Leiden: E. J. Brill, 1985. 142 p.
- Gorissen 1978 — *Gorissen P.* Litterae lunatae // Ancient Society. 1978. No. 9. P. 149–164.
- Gusmani 1959 — *Gusmani R.* ΑΓΔΙΣΤΙΣ. La Parola del Passato. 1959. Vol. 14. P. 202–211.
- Hiller von Gaertringen 1926 — *Hiller von Gaertringen F.* Eine verkannte Gottheit // Archive für religionswissenschaft. 1926. Bd. 24. S. 169–170.
- IOSPE I² — *Latyshev B.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Inscriptiones Tyrae, Olbae, Chersonesi Tauricae, Aliorum Locorum a Danubio Usque Ad Regnum Bosporanum. Petropoli: Imperatorskaja akademija nauk, 1916. Vol. I.
- IOSPE II — *Latyshev B.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Inscriptiones Regni Bosporani Graecae et Latinae. Petropoli: Imperatorskaja akademija nauk, 1890. Vol. II.

- IG XII. Suppl. — Inscriptiones Graecae, XII. Supplementum / ed. F. Hiller von Gaertringen. Berlin 1939. Addenda 2, 3, 5, 7–9.
- Kenyon 1899 — *Kenyon F. G.* The Paleography of Greek Papyri. Oxford, 1899. 160 p.
- LGPN — The Lexicon of Greek Personal Names (<https://www.lgpn.ox.ac.uk/>).
- MAMA — Monumenta Asiae minoris antiqua. Vol. I–XI.
- McLean 2012 — *McLean B. H.* An introduction to Greek epigraphy of the Hellenistic and Roman periods from Alexander the Great down to the reign of Constantine (323 B. C. — 337 A. D.). Michigan: University of Michigan Press, 2002. 516 p.
- Polit. Jud. — Urkunden des Politeuma der Juden von Herakleopolis (144/3–133/2 v. Chr.) / Maresch K., Cowey J. M. S. (eds.). Wiesbaden, 2001. 189 p. (Papyrologia coloniensa. Vol. 29).
- Vinogradov 1997 — *Vinogradov Ju. G.* Pontische Studien. Mainz: von Zabern, 1997. 703 p.

INSCRIPTION CIRB 27 AND THE EMERGENCE OF CURSIVE IN THE BOSPORAN LAPIDARY EPIGRAPHY

A. P. Bechter

Keywords: *classical epigraphy, CIRB 27, Agdistis, IOSPE P 201, paleography, cursive*

The paper is devoted to the revision of dating of the votive relief with a dedication to Agdistis (CIRB 27). The traditional attribution of this monument to Panticapaeum is unwarranted: the only thing we know for certain is that the stone was acquired by P. O. Burachkov at Kerch. Taking into account the small size of the slab, it can come from nearly any of the Classical period sites. V. V. Latyshev dated the slab to the Early Roman time, whereas in CIRB it is dated to the II c. BC because it contains lunar sigma, epsilon and omega. Epitaphs CIRB 254, 257 and 1071 executed in a similar script have also been dated to the III–II cc. BC, albeit the full-fledged cursive writing containing a full set of lunar letters seems to have appeared not earlier than the beginning of the II c. AD (CIRB 1115). The date accepted by CIRB is based on the idea that the list of names from Olbia executed in a full-fledged cursive (IOSPE P 201) belongs to the II c. BC, which has long been called into question (though there are no common opinion as to the time when the monument itself was made). Judging on their weight, the aforementioned grave monuments should be dated to the first centuries AD. As there is no solid evidence for the presence of the full-fledged cursive in the Bosporan epigraphy of the II c. BC, the only way to specify the date for CIRB 27 is to conduct an art historical analysis. The analysis of hair styles of the figures depicted on the monument makes it possible to date it to the second half of the II — the first half of the III c. AD.

АТТИЧЕСКИЕ ПЕЛИКИ ИЗ ЭЛЬТИГЕНА (КОЛЛЕКЦИЯ Н. П. КОНДАКОВА)

А. Е. ПЕТРАКОВА¹

Ключевые слова: краснофигурные аттические вазы, пелики Группы G, некрополь Нимфея, Н. П. Кондаков, раскопки античных городов в России XIX в.

В 1931 г. в Эрмитаж из Государственной академии истории материальной культуры были переданы две краснофигурные афинские пелики. Эти вазы находят убедительные аналогии среди пелик, приписываемых Группе G. Подобные сосуды часто встречаются в захоронениях по обе стороны Керченского пролива. В 1919 г. эти две пелики и три другие вазы были приобретены Государственной археологической комиссией у Сергея Кондакова, утверждавшего, что вещи были найдены в Эльтигене. Приемным отцом Сергея был Никодим Павлович Кондаков, который, в 1876 г. раскопал несколько захоронений на некрополе Нимфея. Позже он проводил исследования в Пантикапее и на Таманском п-ове, но с 1888 г. прекратил раскопки и поселился в Санкт-Петербурге. Некрополь Нимфея был исследован А. Е. Люценко и С. И. Веребрюсовым в 1876 и 1878–1880 гг., однако пелики, речь о которых идет в статье, не упоминаются в отчетах. Несмотря на то что эти пелики не описаны в работах Н. П. Кондакова, хранящихся в архиве ИИМК РАН, мы можем предположить, что они могли быть найдены в некрополе Нимфея, благодаря хорошей сохранности сосудов, характерной для вещей, происходящих из античных погребений.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-55-68

В собрании Государственного Эрмитажа в составе коллекции аттической керамики, куда вошли вещи, поступившие путем покупок или передачи от частных лиц и организаций, хранятся две пелики, ранее не вводившиеся в научный оборот.

Первая пелика (ГЭ, инв. № ГР-14534, Б.6815) на лицевой стороне украшена изображением конной амазонки², сражающейся с грифоном, все тело которого, за исключением крыльев, покрыто белой краской (рис. 1, 1). На оборотной стороне представлены так называемые фигуры в плащах³ (рис. 1, 2), а под ручками — орнаменты (рис. 1, 3, 4).

¹ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

© Петракова А. Е., 2025

² Причины, по которым я предлагаю интерпретировать такие персонажи как амазонок, а не аримаспов или кого-то еще, подробно изложены в специальной статье (Петракова 2020).

³ Интерпретация таких изображений имеет долгую историю. В старых зарубежных публикациях высказывались соображения о том, что это «декоративное заполнение пустого пространства», «сцены бесед афинских граждан», «изображение театрального хора» и проч. (см. подробно: Franceschini 2018: 17–21). В отечественных научных трудах с XIX в. и до последних лет была популярна идея о том, что представлены некие «мисты», связанные с религиозными представлениями боспорян (см., например: Шталь 2000). В настоящее время «фигуры в плащах» считаются образной репрезентацией политов (Langner 2012), неважно, с атрибутами в руках или без них. «Фигуры в плащах» — условные изображения жителей полиса, которые участвуют в его жизни, подчиняются его социальным нормам и разделяют общие для всех ценности, они — «часть последовательной иконографической системы и изобразительного нарратива, связывающего росписи на вазах

Рис. 1. Пелика краснофигурная (ГЭ, инв. № ГР-14534)

Fig. 1. Red-figure pelike — State Hermitage, inv. No. ГР-14534

На второй пелике (ГЭ, инв. № ГР-14536, Б.6817) орнаментов нет, на лицевой стороне изображены голова амазонки, протома грифона с частью крыла, протома коня⁴ (рис. 2, 1). Лицо и шея амазонки, голова и шея грифона покрыты белой краской, поверх которой разбавленным лаком золотистого оттенка прорисованы детали. На обороте этой пелики также представлены фигуры в плащах (рис. 2, 2), похожие на те, что украшают оборот первой. Очевидно, что пелики являются продукцией одной мастерской: в основе росписи оборотной стороны — явно одна и та же стандартная композиция, есть незначительные отличия в трактовке мелких деталей, обусловленные работой над созданием росписей нескольких человек. Профили пелик (рис. 3) также близки.

Аналогии к росписи на обороте обоих сосудов можно легко найти среди росписей афинских пелик IV в. до н. э., отнесенных к изделиям Группы G (The G Group)⁵, например, на двух пеликах в ГМИИ (BAPD 230219, 9007897), пелике в Григорианском Этрусском музее в Ватикане (BAPD 230233), пеликах в археологических музеях в Ретимно (BAPD 340115) и Фивах (BAPD 1012713).

Аналогиями к росписи на лицевой стороне первой пелики (рис. 1, 1) могут быть названы росписи на пеликах в Карлсруэ (BAPD 230235), Лондоне (BAPD 230268, из раскопок в Бодруме); в музее в Ретимно (BAPD 340115, из раскопок в Ретимно). На пелике в Карлсруэ близкая композиция, но растительный элемент направлен вправо. На пелике в Ретимно композиция зеркальна, растительный же элемент развернут влево, как и на нашей пелике, правда, в этой росписи их два. Аналогии можно найти и к орнаментам под ручками. Например, нашу пелику (рис. 1, 3, 4) в этом смысле можно сравнить с пеликами в Фивах (BAPD 1012713) и в ГМИИ (BAPD 9007925): одинаково трактованы сердцевины пальметт, из которых выходят спиралевидные завитки, украшенные на концах серповидным листиком, ориентированным вверх, и длинным каплевидным листиком с вертикальной чертой посередине, ориентированным вниз.

Также среди изделий Группы G находятся и аналогии к лицевой стороне второй пелики (рис. 2, 1). Например, похожие лица и головные уборы имеют амазонки на пеликах в Малибу (BAPD 28771) и в Музее Йельского университета (BAPD 230334). На последней также близки фигуры в плащах, представленные на оборотной стороне. Таким образом, обе наши пелики следует отнести к работам Группы G, которые в целом датируют второй — началом третьей четверти IV в. до н. э. Более узкие хронологические рамки в настоящее время установить нельзя, поскольку базовая хронология К. Шефолда, из которой до сих пор исходили исследователи, сильно устарела.

Обе пелики поступили в Эрмитаж в 1931 г., о чем имеются соответствующие записи в «Инвентарной книге отделения греческих и римских древностей». Кроме того, в ней же указано по поводу одной (Б.6817) — «К. П.5901⁶. Куп. У Кондакова в 1919 г. Эльтеген»

с жизнью Афин», появившиеся еще в чернофигурных росписях архаики. Визуально обезличенные, такие фигуры «принадлежат одновременно и миру изображения на вазе, и миру зрителя, который держит вазу в руках (ибо он может себя с ними отождествлять)» (Franceschini 2018: 17–21).

⁴ В отличие от всадника, сражающегося с грифоном, голова подобного типа, в сочетании с головой/протомой грифона и/или головой/протомой коня, в большинстве публикаций именуется головой амазонки. Существует мнение, что для понимания смысла изображения «пока еще нет достаточных данных», но, вероятно, «отражен тот же круг мифов, как и сцены битвы всадников с грифонами», и возможно «предположить существование каких-то неизвестных нам мифологических представлений, связанных с образами амазонок и грифонов» (Силантьева 1959: 50).

⁵ Название группы происходит от первой буквы слова «грифон». О мастерской Мастера Грифонов (Griffin Maler) писал еще К. Шефолд (Schefold 1934: 159). Дж. Бизли с ним согласился: хотя росписи и похожи (типовые фигуры и композиции повторяются на вазах), их, очевидно, создавали несколько вазописцев; таким образом, речь должна идти не о мастере, а о группе мастеров (Beazley 1963: 1462–1470).

⁶ На самом деле это не номер по книге поступлений — он приведен там же и отличается. Данные номера соответствуют порядковым номерам вещей в списках и актах передачи вещей из ГАИМК в Эрмитаж.

Рис. 2. Пелика краснофигурная (ГЭ, инв. № ГР-14536)

Fig. 2. Red-figure pelike — State Hermitage, inv. No. ГР-14536

(Инв. книга. Разв. 46), по поводу другой (Б.6815) — «К.П.5900, у Кондакова. 1919 год. Дело 13 за 1919 г.» (Инв. книга. Разв. 45). В «Описи ваз Отдела античного мира» про обе вазы указано: «из Эль-Тегена; от Кондакова в 1919 году».

Помимо инвентаря и описей в Отделе античного мира хранятся напечатанные на машинке и датированные 1931 г. «Списки и акты передачи в Эрмитаж музейных предметов из склада древностей Академии истории материальной культуры с занесением в инвентарь». Там значатся две пелики (рис. 3, 3), под порядковым номером 5900: «Краснофигурная келика [карандашом исправлено буква «п» поверх буквы «к»]: амазонка, сражающаяся с грифоном»; под номером 5901: «Краснофигурная пелика: голова амазонки и лошади». Написанные рядом от руки чернилами два вида номеров (с литерой «Б» и с припиской «инв.») соответствуют тем, которыми пользуются в музее. Справа от списка с номерами и описаниями расположена колонка, в которой (если была возможность это установить) указывалось происхождение предмета: «из коллекции К. Р.», «из Керчи, приобретение у Шкорпила», «из Трои» и проч. В нашем случае по поводу обеих пелик обозначено: «Из Эль-Тегена. От Кондакова [карандашом сверху исправлено на „Кондакова“] в 1919 г. Дело 13/1919 г.». Аналогичные списки, в которых есть описания пелик с номерами 5900 и 5901 с такой же отсылкой «Из Эль-Тегена. От Кондакова в 1919 г. Дело 13/1919 г.», хранятся в архиве Эрмитажа (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1931 г. Д. 1194 (ч. 1). Л. 90) и в архиве ИИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 763. Л. 140), только в них не приведены эрмитажные номера.

Многokrратно упомянутое дело 13 за 1919 г. хранится в научном архиве ИИМК РАН⁷. В нем содержатся документы о приобретениях, осуществленных Комиссией у разных лиц. В деле имеется отпечатанная на машинке «Выписка из Журнала Заседания Правления Российской Государственной Археологической Комиссии 4-го апреля 1919 года № 25», в которой, помимо прочего, сказано: «8. Заслушан счет С. Н. Кондакова на 1000 рублей за приобретаемые Комиссией пять предметов древности, найденные в Эльтегене. Отдел древностей античных и христианских признал приобретение этих предметов за указанную цену желательным. Предметы состоят на учете Отдела по охране памятников старины и искусства, в чем С. Н. Кондакову выдано удостоверение за № 915. Постановлено: счет С. Н. Кондакова на сумму в 1000 рублей утвердить» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1919 г. Д. 13. Л. 12). Также в НА ИИМК хранится журнал заседания правления РГАК от 4 апреля 1919 года № 25 (Там же. 1919 г. Д. 3а. Л. 66–68), в котором имеется аналогичный текст о счете С. Н. Кондакова на пять предметов из Эльтегена (Там же. Л. 67).

С. Н. Кондаков — это, несомненно, Сергей, приемный сын Никодима Павловича, «родившийся бго октября 1878 г.», «исповедания православного», усыновленный им «с Высочайшего разрешения» в 1886 г. (Там же. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 15. Л. 32). Тот факт, что в апреле 1919 г. он принес на продажу в Археологическую комиссию вазы, неудивителен: менее чем через два года он покинул Россию вместе с приемным отцом. Раскопками античных поселений на территории России Сергей не занимался, а его приемный отец был вовлечен в них преимущественно до его усыновления.

«Эль-Теген»/«Эльтеген» в данном контексте и в названное время, безусловно, отсылает нас к раскопкам Нимфея, тем более что Н. П. Кондаков принимал в них активное участие: именно ему принадлежит план городища с прилегающей к нему территорией (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 11об.–12). Кроме того, в свой первый сезон в качестве члена Археологической комиссии он занимался раскопками гробниц на некрополе Нимфея. Исключительно хорошая сохранность наших пелик (из утрат — только отбитый и приклеенный фрагмент венчика)⁸ позволяет говорить о том, что найдены они, вероятнее

⁷ Выражаю благодарность заведующей НА ИИМК РАН М. В. Медведевой, сотрудникам М. В. Мандрюк и Е. А. Горской за помощь и содействие в работе с документами.

⁸ Про обе вазы во всех цитированных документах отмечено «венчик склеен», стало быть, склейка эта выполнена до 1931 г. (тем более что записей о последующих реставрациях во время нахождения в музее на описных карточках на предметы не имеется).

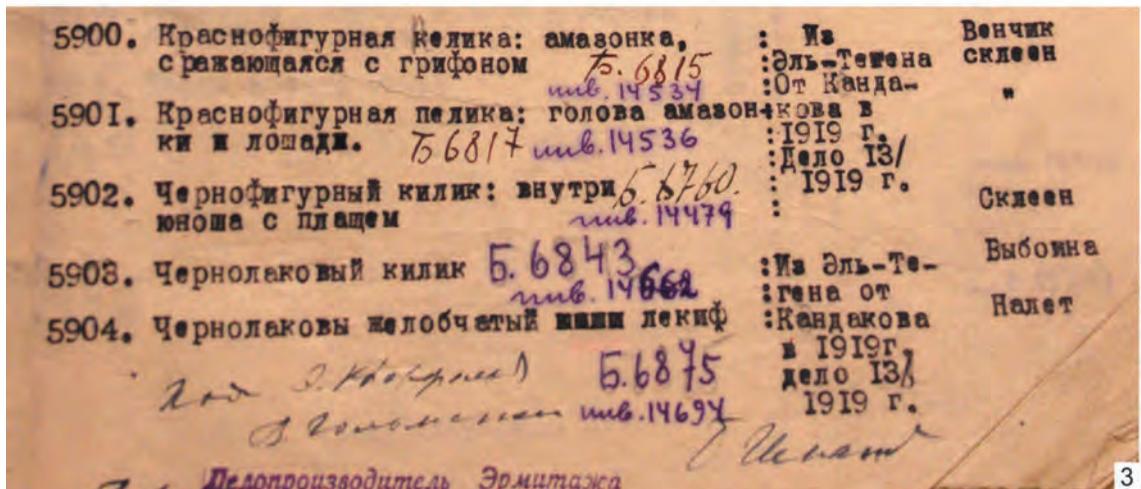
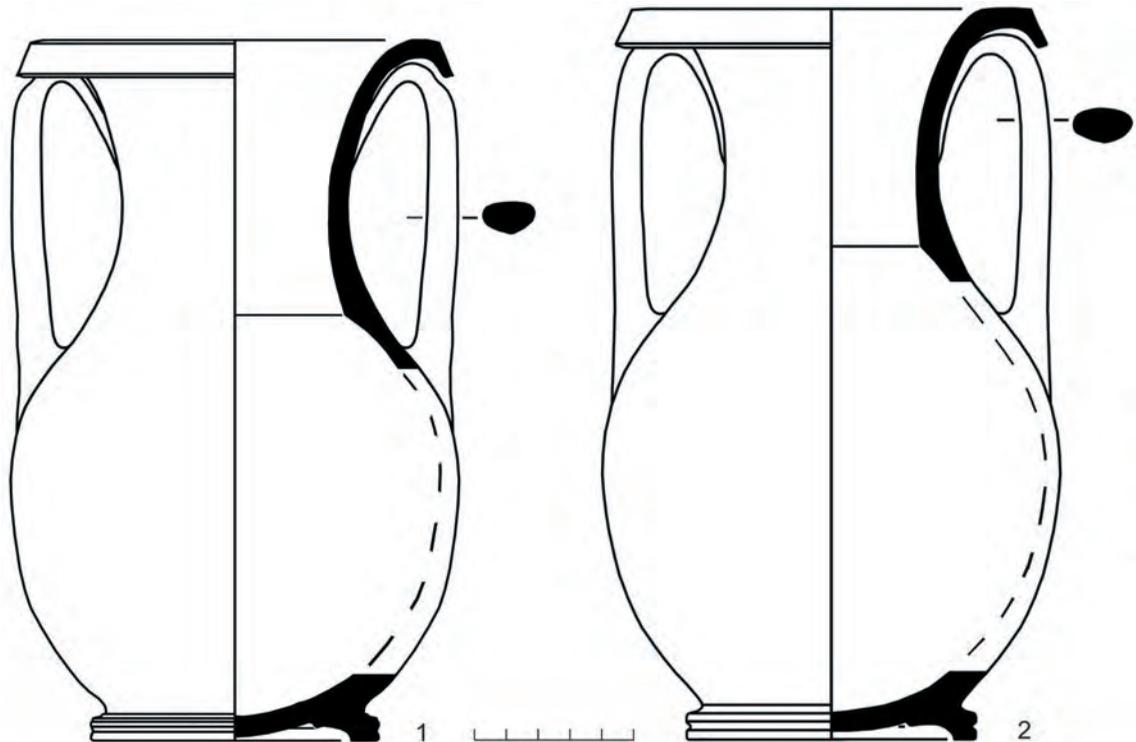

Рис. 3. Профили и описания пелик в списке передачи в Эрмитаж из ГАИМК: 1 — профиль пелики инв. № ГР-14534 (рис. А. Г. Букиной); 2 — профиль пелики инв. № ГР-14536 (рис. А. Г. Букиной); 3 — часть списка передач предметов из ГАИМК в Эрмитаж в 1931 г., фото (ГЭ, Отдел античного мира)

Fig. 3. Profiles and descriptions of pelikai in the list of transfers from the State Academy for the History of Material Culture to the State Hermitage: 1 — pelike profile, inv. No. ГР-14534 (drawing by A. G. Bukina); 2 — pelike profile, inv. No. ГР-14536 (drawing by A. G. Bukina); 3 — part of the 1931 list of transfers, photo (State Hermitage, Department of the Ancient World)

всего, при раскопках именно погребений, поскольку на городище они так хорошо сохранились не могли. Однако имеются некоторые сложности в том, чтобы получить документальное подтверждение словам С. Н. Кондакова, что наши пелики «найжены в Эльтегене». Л. Ф. Силантьева отметила: «Исследование некрополя Нимфея, организованное Археологической комиссией, проводилось только в 1876, 1878–1880 гг. Основная работа велась в 1876 г. А. Люценко исследовал тогда оставшиеся нетронутыми при расхищении курганы.

В том же 1876 г. городище и курганы Нимфея были подробно описаны и нанесены на план Кондаковым» (Силантьева 1959: 11). И далее: Люценко «удалось открыть центральные части 36 курганов» и «около 50 различных гробниц» «в сплошных могильных насыпях». «Менее удачными оказались исследования Н. П. Кондакова. Из 20 гробниц, открытых им в сплошных могильных насыпях, большинство оказалось ограбленными. Материал из раскопок Кондакова в Эрмитаж не поступил, и в настоящее время неизвестно, где он хранится» (Там же). Однако в описании гробницы 1 на запад от акрополя, раскопанной в 1876 г. Кондаковым, Л. Ф. Силантьева, тем не менее, указала, что две из четырех найденных там глиняных масок с горгонами находятся в Эрмитаже (Там же: 92, рис. 51, 2; 103, оп. 93), что соответствует действительности: они были переданы в 1876 г., о чем сказано и в музейной документации (ГЭ, инв. № ГКН.151 и ГКН.152).

В архиве ИИМК хранятся три весьма любопытных (в свете этой воистину детективной истории) документа. Один из них — это «Опись древностям, найденным в 1876 году в окрестностях села Эльтеген, Феодосийского уезда, и сданным в Императорский Эрмитаж». В ней подробно описаны вещи из раскопок А. Е. Люценко. В списке перечислены древности и регулярно, почерком Г. Кизерицкого⁹, который расписался в получении вещей, имеются приписки, где отмечено, каких из перечисленных в списке предметов не хватает. Например, к записи «39. Пятьдесят шесть небольших золотых бляшек <...> изображение рельефом лежащего льва» Кизерицким приписано: «двадцати одной бляшки недостает» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 85об.), к записи «27. Семнадцать золотых бляшек, с рельефным изображением стоящего сфинкса» приписано им же: «шесть бляшек недостает» (Там же. Л. 85), к записи «9. Небольшой гранат (от кольца), с резным изображением головы старика с бородою, в профиль», приписка: «не найден, Кизерицкий» и т. п. А вот на последнем листе, наоборот, им же дописано: «138. Две глиняные маски Медузы», а в графе о месте находки: «В земляной гробнице № 1, Кондаков» (Там же. Л. 88). Получается, в официально запланированный список вещей для передачи маски не попали, а по факту все же переданы были.

Еще более любопытны два других списка: «Опись вещам, переданным от Младшего Члена Комиссии Н. Кондакова Директору Люценко для доставления в Имп. Археол. Комиссию» (Там же. Л. 13) и «Опись вещам, переданным Д. С. С. А. Е. Люценко от Члена Археологической Комиссии Н. Кондакова для доставления в Комиссию» (Там же. Л. 91). Оба написаны и подписаны самим Н. П. Кондаковым, и в целом перечень и количество вещей совпадают. В обоих списках фигурируют те же изделия из золота и серебра, а также две маски с изображением Медузы — то есть мы фиксируем факт передачи этих двух масок от Кондакова Люценко.

А вот с афинскими глиняными вазами все гораздо интереснее. Первый список исписан карандашными пометками уточняющего характера другим почерком (Там же. Л. 13), там написано «лекификов [sic!], один с рисунком — 2», а карандашом добавлено: «фигурка стоящая на коленях перед небольшим столиком», ко второму лекифу — «пальметки [нрзб.] черн.л.», а также: «оба залиты белым [нрзб.] черной поливы». Второй список (Там же. Л. 91) выглядит более чистым. Золото, серебро, маски — такие же, как в первом. А вот вазы уже «малая ойнохое [sic!] с рисунком: мальчик игр. — 1, флакончик (лекиф) с пальметтою — 1». Не берусь комментировать, почему так произошло. Отмечу лишь, что все эти вазы можно найти в «Отчете об археологических изысканиях, проводившихся Н. Кондаковым с 22 июля по 22 августа 1876 года» (Там же. Л. 14–23): и более десяти лекифов, и «маленький флакон из рода ойнохое с изображением ребенка, играющего в мяч, белой краскою» (Там же. Л. 21).

⁹ Гангольф Кизерицкий — в 1873 г. окончил Дерптский университет, в 1876 г. защитил магистерскую диссертацию, с 1880 г. — помощник хранителя Отделения древностей Эрмитажа, с 1886 г. — старший хранитель, начальник I Отделения, параллельно (1880–1894) хранитель Музея классической археологии Имп. Академии наук (см.: Качалина и др. 2004: 78–80).

Из текста этого отчета понятно, что Кондаков лекифы с ойнохоями не путает. Однако высказывает плохо скрытое недовольство тем, что его поставили раскапывать не в хорошем месте, где копал сам Люценко, а в таком, где погребения или разграблены, или имеют скудный инвентарь. Думаю, что с учетом того, что приказ о зачислении Кондакова младшим членом ИАК датирован 17 июня 1876 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 15. Л. 13а), а копал он с 22 июля, это и неудивительно. Но сам Никодим Павлович, очевидно, так не считал. В рапорте, написанном А. Е. Люценко в ИАК, о находках в 1876 г. в Керчи и Эльтигене (Там же. Д. 20. Л. 21–26) фигурирует: «7) Описание находкам, сделанным в том же селении П. Кондаковым (переданы им мне по окончании его раскопок для представления в Комиссию, вместе с найденными им вещами, которые упакованы в ящик под № 16)» (Там же. Л. 25об.).

Исходя из цитированных выше списков мы можем сделать вывод, что Н. П. Кондаков передал А. Е. Люценко лишь малую часть находок, описанных в его отчете о раскопках. Куда делись остальные — не очень понятно. Напомню, что по условиям землевладельцев имения Эльтиген они имели право присутствовать при раскопках, а за «все древности, которые могут быть найдены при этих раскопках, за исключением совершенно негодных», им полагалась денежная компенсация (Там же. Л. 1). Кроме того, «всем найденным вещам» уполномоченные лица «обязаны составлять подробные описи» (Там же. Л. 1об.), копии которых при желании землевладельцев должны быть им предоставлены. Насколько это правило соблюдалось в действительности, мы не знаем.

В своей статье о некрополе Нимфея Л. Ф. Силантьева подробно рассматривает различные по характеру устройства и погребальному инвентарю типы погребений. Погребения с пеликами выделены в отдельный раздел¹⁰. Они «представляли собой плитовые гробницы [кроме одной — в сплошной могильной насыпи], все находились в боковых частях курганов [...], залегали неглубоко от поверхности насыпей», то есть речь идет о подзахоронении членов семьи (Силантьева 1959: 47). «Всего в Нимфее, — пишет Силантьева, — насчитывается шесть погребений с пеликами [...]. В Эрмитаже представлены материалы только двух погребений с пеликами из Нимфея [...]. Об остальных четырех погребениях с пеликами можно судить только по описанию в журнале раскопок» (Там же). Из этих шести погребений только три содержали краснофигурные пелики, в трех других были акварельные. Две из трех краснофигурных пелик в статье Силантьевой воспроизведены. Обе происходят из раскопок А. Е. Люценко: «67. Расписная ваза с изображением туалетной сцены, состоящей из 4х женских фигур и Эрота» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 86) и «22. Расписная ваза, с изображением женской головы, рядом с передними частями лошади и грифона» (Там же. Л. 85). Одна найдена в кургане на берегу Камыш-Бурунского озера, в каменной гробнице 12, которая содержала деревянный гроб с двумя скелетами, при одном — бронзовое позолоченное кольцо (ГЭ, инв. № ГКН.53), при другом — краснофигурная пелика (ГЭ, инв. № ГКН.54; Силантьева 1959: 49, рис. 21). Вторая найдена в кургане 2 по правую сторону в с. Чурубаш в каменной гробнице 7. Эта пелика (ГЭ, инв. № ГКН.15; Силантьева 1959: 49, рис. 22) стояла у головы скелета, в ногах лежали медная пантикапейская монета, железные стригиль и нож. Третья краснофигурная пелика была обнаружена С. И. Верebrюсовым в 1879 г. в гробнице 3 кургана 1 над усадьбой владельцев Эльтигена. В гробнице найдены беспорядочно перемешанные кости взрослого и ребенка, а также «краснофигурная пелика с изображением головы женщины, лошади и грифона», медная монета I в. до н. э. (Силантьева 1959: 100, оп. 37).

¹⁰ Погребальный обряд «имеет свои особенности, отличающие его от более ранних видов захоронений, применявшихся в Нимфее», он «тесным образом связан с рядовым некрополем Пантикапея IV в. до н. э.» (Силантьева 1959: 46), где обычный инвентарь «состоит из краснофигурной или акварельной пелики, одной или двух монет, железного стригиля, алабастра и какого-нибудь украшения: браслета, перстня, пряжки». В Пантикапее так почти во всех могилах, в Нимфее же «вместе с пеликой встречаются только отдельные предметы» (Там же: 47).

Рис. 4. Вазы в собрании Эрмитажа, числящиеся в документах как ранее принадлежавшие Кондакову (в том числе две с указанием «из Эль-Тегена»): 1 — чернолаковый килик (ГЭ, инв. № ГР-14662); 2 — чернолаковый лекиф (ГЭ, инв. № ГР-14694); 3 — чернофигурный килик (ГЭ, инв. № ГР-14853); 4 — чернофигурный арибалл (ГЭ, инв. № ГР-14453)

Fig. 4. Vases from the collection of the State Hermitage recorded in the books as formerly belonging to Kondakov (including two vases “from El-Teghen”): 1 — black-glazed kylix (State Hermitage, inv. No. ГР-14662); 2 — black-glazed lekythos (State Hermitage, inv. No. ГР-14694); 3 — black-figured kylix (State Hermitage, inv. No. ГР-14853); 4 — black-figured aryballos (State Hermitage, inv. No. ГР-14453)

В качестве приложения к статье Л. Ф. Силантьевой дано описание погребений некрополя Нимфея, составленное на основе материалов, хранящихся в ЛО ИИМК (ныне ИИМК РАН). Там описаны все 20 гробниц, раскопанных Н. П. Кондаковым, в которых были «черепки от амфор», «обугленные лекифчики», «два разбитых лекифчика», «лекиф без рисунка», «три разбитых лекифа с пальметками», «среди обломков костей — разбитый лекиф» и прочее. Соответствующие документы, хранящиеся в архиве ИИМК, были лично проверены автором настоящей публикации. В «Отчете об археологических изысканиях, проводившихся в имении Эльтеген Феодосийского уезда Младшим Членом Имп. Археологической Комиссии Н. Кондаковым с 22 июля по 22 августа 1876 г.» (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 14–23) никаких упоминаний интересующих нас пелик нет.

В цитированном акте 1931 г. о передаче из ГАИМК в Эрмитаж числятся также «5903. Чернолаковый килик. Выбоина» (рис. 4, 1) и «5904. Чернолаковый желобчатый лекиф. Налет» (рис. 4, 2) с той же информацией — «Из Эль-Тегена от Кандакова в 1919 г., дело 13/1919 г.» — эти вещи сейчас хранятся в Эрмитаже (ГЭ, инв. № ГР-14662, Б.6843 и ГР-14694, Б.6875), а также «5902. Чернофигурный килик: внутри юноша с плащом. Склеен» (ГЭ, инв. № ГР-14479, Б.6760)¹¹ — он был выдан в 1953 г. в Государственный музей

¹¹ Более подробное описание имеется в музейной инвентарной книге: «Аттическая чернофигурная чаша. На дне обнаженная человеческая фигура вправо. Плащ. На тулове снизу шествие Ариадны», диаметр 15,8 см, высота 6,4 см, «отбиты и приклеены края чаши с ручкой, ножка». Судя по описанию, это килик конца VI — начала V в. до н. э., похожий на работы Безлистной группы (The Leafless Group) или Мастера Элея I (The Painter of Elaiou I).

изобразительных искусств Риги. Уже без указания на Эльтиген, просто с пометкой «куплено у Кондакова», в том же акте числятся «2809. Архаический килик. Часть края обломана, 2 обломка» (рис. 4, 3) и «2812. Арибалл» (рис. 4, 4). Они хранятся в Эрмитаже и являются коринфскими изделиями (ГЭ, инв. № ГР-14853, Б.7034 и ГР-14453, Б.6734; Букина 2015: кат. 246, 98), килик — первого позднекоринфского периода (570–560 гг. до н. э., Мастерская чаш с рядами птиц), арибалл — среднего коринфского периода (590–570 гг. до н. э., Мастер Бларикум). Чернолаковые вазы и чернофигурный килик занесены в музейный инвентарь с сохранением информации о Н. П. Кондакове; к описанию килика добавлено «Новиков»¹² (Инв. книга. Разв. 49), для коринфских же vaz в одном случае указан Мраморный дворец, в другом в графе «происхождение» пусто.

Также в акте передачи из ГАИМК в Эрмитаж за 1931 г. как «купленные у Кондакова» обозначены три лекифа: с номерами 2810, 2810а и 2811 (ГЭ, инв. № ГР-14467, Б.6748, инв. № ГР-14486, Б.6749, инв. № ГР-14469, Б.6750)¹³. Для двух в музейном инвентаре информация о Н. П. Кондакове отсутствует, а для третьего — указана. Все три лекифа больше не хранятся в Эрмитаже. Один (рис. 5, 1) был передан в 1949 г. в Свердловскую картинную галерею¹⁴, другой (рис. 5, 2) — в 1965 г. в Анапский музей¹⁵, третий (рис. 5, 3) — в 1974 г. в Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан¹⁶. Лекифы с пальметками фигурируют среди находок в 20 гробницах некрополя Нимфея, которые раскапывал Кондаков (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 14–23). Но по причине того, что описаны они в раскопной документации слишком обобщенно (без размеров и подробностей о всех составляющих орнамента), уверенно говорить о том, что они происходят из этих раскопок, не представляется возможным.

Отмечу еще раз, что среди находок в тех 20 гробницах, которые в Эльтигене раскапывал Н. П. Кондаков, никакие пелики не упоминаются. На всякий случай были проверены описи вещей, которые он нашел при раскопках других памятников: в 1878 г. он исследовал катакомбы на склонах горы Митридат в Керчи, в 1880 г. — курганы на Таманском п-ове,

¹² Очевидно, имеется в виду А. В. Новиков (см. о нем: Быковская 2017), что соответствует информации об Эльтигене, поскольку в коллекции А. В. Новикова были вещи из Нимфея, но не соответствует информации о Кондакове. В деле 13 за 1919 г. и во всех остальных документах, связанных с приобретением пяти vaz у С. Н. Кондакова, речи о Новикове не идет, сказано лишь, что предметы найдены в Эльтигене. Вероятно, приписка «Новиков» в эрмитажном инвентаре является ошибкой.

¹³ Та же информация — в аналогичных актах в Эрмитаже (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1931 г. Д. 1194 (ч. 1). Л. 83) и ИИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 763. Л. 92).

¹⁴ Б.6748: «Аттический позднечернофигурный лекиф с белой облицовкой. Широкий пояс из трех пальметок по бокам сетчатки [sic!], сверху простой меандр, выс. 18,5 см, венчик приклеен, поверхность потерта». Ныне: Екатеринбургский музей изобразительных искусств, номер в Госкаталоге 6506182. Аналогии в Бурже (BAPD 5558), Брюсселе (BAPD 12160), Афинах (BAPD 9022882) датированы первой половиной V в. до н. э.; аналогии в Гамбурге (BAPD 12542 и 12543) и Амстердаме (BAPD 9025065) отнесены к изделиям мастерской Мастера Ведьмы (The Beldam Painter), последняя — с датировкой ок. 460 г. до н. э.; аналогия в Вероне (BAPD 13106) атрибутирована в манере Мастера Диосфоса (The Diosphos Painter), датирована 480–470 гг. до н. э.

¹⁵ Б.6749: «Аттический чернофигурный лекиф с белой облицовкой. 4 двойных вертикально расположенных пальметток, выс. 19,5 см, горло и ручки приклеены, поверхность потерта». Ныне: Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, номер в Госкаталоге 24214232. Аналогия в Вене (BAPD 1002290) датирована первой половиной V в. до н. э.; аналогия, но без белого фона, в Бухаресте (BAPD 14492), датирована так же и определена как работа мастерской Мастера Ведьмы.

¹⁶ Б.6750: «Аттический чернофигурный лекиф. Орнамент из двух рядов пальметток и цветов лотоса, выс. 14,5 см, налет, выбоинки на ножке». Ныне: Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан, номер в Госкаталоге 8890077. Аналогии в Бухаресте (BAPD 14480) и Эрмитаже (BAPD 9029741) датированы первой половиной V в. до н. э. и отнесены к работам мастерской Мастера Ведьмы.

Рис. 5. Чернофигурные лекифы с пальметтами: 1 — ранее в Эрмитаже (инв. № ГР-14467), ныне в Екатеринбургском музее изобразительных искусств; 2 — ранее в Эрмитаже (инв. № ГР-14486), ныне в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е. Д. Фелицына; 3 — ранее в Эрмитаже (инв. № ГР-14469), ныне в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан

Fig. 5. Black-figured lekythoi with palmettes: 1 — formerly at the State Hermitage (inv. No. ГР-14467), presently the Ekaterinburg Museum of Fine Arts; 2 — formerly at the State Hermitage (inv. No. ГР-14486), presently the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve; 3 — formerly at the State Hermitage (inv. No. ГР-14469), presently the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan

в 1882 г. — курган у сел. Баксы, а в 1885 г. доследовал курганы на Тамани и в окрестностях Керчи. Неучтенных краснофигурных пелик там нет. Когда в 1888 г. дело дошло до доследования Херсонеса, «в его жизни уже произошли важные перемены. Он перебрался в С.-Петербург и с 1 января 1888 г. стал ординарным профессором С.-Петербургского университета по кафедре теории и истории искусства, а с 15 января был назначен старшим хранителем Императорского Эрмитажа» (Виноградов 2024б: 20). Неудивительно, что при таких обстоятельствах он «потерял интерес к полевой археологии», его «научные интересы все дальше расходились с его служебными обязанностями как члена Комиссии» (Там же: 24).

Также были проверены описи вещей, которые нашли при раскопках некрополя Нимфея в 1876, 1878–1880 гг., а также в других местах в этот период времени А. Е. Люценко и С. И. Веребрюсов. Пелика из раскопок С. И. Веребрюсова подробно описана им в «Описи вещей, найденных при археологических изысканиях в окрестностях Керчи, селения Эльтиген Феодосийского уезда и на Таманском полуострове с 26го января по 14 сентября 1879 г.» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1879 г. Д. 6. Л. 46–59)¹⁷ и недостаточно подробно в отчете

¹⁷ «222. Ваза вышиною в 5 вершков под черной поливой с двумя ручками, украшенная рисунком из трех фигур: по середине голова женщины в уборе, лицо белого цвета вправо, впереди ее голова коня,

ИАК о раскопках в 1879 г. (Строганов 1881: LXIII)¹⁸. Она не подходит по описанию, поскольку в описи раскопанных в 1879 г. вещей четко сказано, что протомы коня и грифона «красноватого цвета» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1879 г. Д. 6. Л. 55), а на пелике, поступившей в Эрмитаж от С. Н. Кондакова, грифон белый.

Проблема осложняется тем, что обе наши пелики являются примером типовой продукции афинских мастеров IV в. до н. э. Пелики с похожими росписями находили в те годы в различных погребениях по обе стороны Керченского пролива. Так что нельзя полностью исключить возможность того, что они найдены местными «счастливчиками» и, к примеру, принесены Н. П. Кондакову, пребывавшему в Эльтигене. Мне хотелось бы отметить хорошую сохранность обеих пелик, которая свидетельствует в пользу их находки именно в погребении. Кто их нашел — крестьяне нелегально, сам ли Н. П. Кондаков или сотрудники ИАК в означенные годы, по какой-то причине не отметив эти находки в рукописных отчетах о раскопках, — мы, возможно, не узнаем никогда¹⁹. Но можно утверждать, что это — две целые краснофигурные афинские пелики хорошей сохранности, которые находились у Кондакова не ранее чем с 1876 г.; в 1919 г. они были приобретены у его сына Сергея Археологической комиссией, откуда Н. П. Кондаков по собственному желанию уволился еще в начале 1891 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 15. Л. 44). Пелики входили в число тех «пяти предметов древности», которые Сергей Кондаков продал Археологической комиссии за 1000 руб., указав, что они происходят из Эльтигена. Остальные три предмета — чернолаковые килик и реберчатый лекиф, хранящиеся в Эрмитаже, а также чернофигурная чаша, переданная в 1953 г. в Ригу. Рядом с этими пятью вазами в документах имеется отсылка к делу 13 за 1919 г. Кроме того, в документах значатся две чернофигурные коринфские вазы и три аттических чернофигурных лекифа с пальметтами, для которых указано, что они поступили «от Кондакова».

Ситуация с древностями в России конца XIX — начала XX в. была такова, что «на фоне возраставшего интереса публики» «счастливчики»-кладоискатели и местные торговцы не только скрывали источники находок на территории Боспора, но и выдавали за найденные там даже такие вещи, которые туда в древности не возили в принципе (Букина 2020: 242). Подобные вещи предлагали к приобретению и сотрудникам ИАК. Будем надеяться, что словам С. Н. Кондакова о том, что предлагаемые им к продаже вещи «найденны в Эльтигене» можно верить: все-таки речь идет о серьезном ученом, авторе знаменитого двухтомного «Юбилейного справочника Императорской Академии художеств» (1915). В свете того, что именно в Эльтигене находится некрополь Нимфея, который раскапывали в 1876, 1878–1880 гг., а в 1876 г. это происходило при непосредственном участии Н. П. Кондакова, полагаю, можно предположить, что пелики, вероятнее всего, происходят из некрополя Нимфея: как было сказано выше, пелики подобного типа найдены при раскопках некрополя этого города под руководством А. Е. Люценко и С. И. Веребрюсова.

Сумма в 1000 руб., выплаченная за пять имевших хорошую сохранность предметов, два из которых — пелики с росписями, вполне соответствует ценам того времени. Например, в январе 1919 г. Эрмитаж уплатил 2500 руб. за приобретенные у В. В. Святловского (см. о нем: Петракова, Букина 2019: 276, 277) апулийскую лекану, кампанский кратер, коринфский алабастр, лекиф с пальметтами, ионийский сосуд и два светильника (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5.

позади голова животного в виде грифона [sic!]. Последние две фигуры красноватого цвета. На оборотной стороне две палестрические фигуры» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1879 г. Д. 6. Л. 55).

¹⁸ «В том же кургане оказались три каменные плитовые гробницы, из которых одна, в северной поле, была впущена в курган уже после его насыпки и содержала разбросанные остатки костей взрослого человека и дитяти. В западном углу ея стояла расписная ваза, с изображением на лицевой стороне голов женщины, лошади и грифона» (Строганов 1881: LXIII).

¹⁹ Есть слабая надежда, что какие-то упоминания могут оказаться в личной переписке, среди обширного блока документов, имеющего отношение к Н. П. и С. Н. Кондаковым в архиве СПбФ АРАН или других архивах.

1919 г. Д. 73. Л. 8об.), а в декабре 1918 г. — 1600 руб. за купленные у А. Ф. Эльтермана (см. о нем: Петракова, Букина 2019: 283–288; Букина 2020) три статуэтки, головку, шесть светильников и восемь сосудов разных типов и форм (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1919 г. Д. 73. Л. 7об.); в ноябре 1918 г. за «33 античных предмета» ему же было выплачено 15 000 руб. (Там же. Д. 73. Л. 6об.). В 1919 г. за «7 золотых греческих и 7 золотых римских монет» заплатили 2000 руб. (Там же. Д. 132. Л. 5об.), за античный бюст — 3000 руб. (Там же. Д. 73. Л. 7об.).

То, что вазы были проданы Комиссии перед отъездом Н. П. и С. Н. Кондаковых из России, — неудивительно, ведь еще в 1874 г. Н. П. Кондаков «был потрясен размахом спекуляции боспорскими древностями, отметив при этом, что хорошие вещи, добытые незаконным путем, увозятся за границу» (Виноградов 2024а: 251). В данном случае хорошие, целые вещи, очевидно, из раскопок погребений (пусть точная информация о происхождении из конкретного погребения и утрачена), не были вывезены за границу, а остались в России, за что владельцев можно только поблагодарить.

Источники и литература

АГЭ. Ф. 1. Оп. 5.

1919 г. Д. 73: Дело с предложением о покупке разных художественных произведений, а также предметов, присылаемых для отзыва. 37 л.; Д. 132: О представлении в Государственный Контроль на ревизию расходных документов. 17 л.

1931 г. Д. 1194 (ч. 1): Передача в Эрмитаж музейных предметов от разных учреждений и частных лиц. 245 л.

НА ИИМК РАН. РО.

Ф. 1. Оп. 1.

1876 г. Д. 15: Дело Императорской Археологической Комиссии об определении на службу в Комиссию младшим членом доцента Новороссийского университета Кондакова. 49 л.; Д. 20: Дело Императорской Археологической Комиссии об археологических исследованиях в окрестностях Керчи и в селе Эльтиген, Феодосийского уезда. 94 л.

1879 г. Д. 6: Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках директора Керченского музея древностей. 79 л.

1919 г. Д. 3а: Журнал Заседаний Правления Российской Государственной Археологической Комиссии с 3 января по 13 июня 1919 года. 98 л.; Д. 13: О приобретениях, сделанных для Комиссии Академии от разных лиц. 37 л.

Ф. 2. Оп. 1.

1931 г. Д. 763: Описи коллекций и отдельных предметов, переданных в Гос. Эрмитаж из склада древностей Академии. 254 л.

Букина 2015 — Букина А. Г. Коринфские вазы и их античные имитации. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 456 с.

Букина 2020 — Букина А. Г. Любые античные вазы из Северного Причерноморья: путешествие к трансцендентальному // АВ. 2020. Вып. 29. С. 239–251.

Быковская 2017 — Быковская Н. В. К вопросу о частных коллекциях как источнике формирования музейных собраний (на примере коллекции А. В. Новикова) // Бутягин А. М., Соколова О. Ю., Чистов Д. Е. (ред.). Перипл: от Борисфена до Боспора: Материалы юбилейных науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 339–357 (Тр. ГЭ. Т. 88).

Виноградов 2024а — Виноградов Ю. А. Археологическое путешествие Н. П. Кондакова 1874 г. // Никоноров В. П., Стоянов Е. О. (отв. ред.). Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до Средневековья: ММНК. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 251–255.

Виноградов 2024б — Виноградов Ю. А. Н. П. Кондаков и Императорская Археологическая Комиссия // Васильев С. А. (отв. ред.). Сохраняя российское и мировое культурное наследие. 165 лет Императорской Археологической комиссии. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 14–25.

- Качалина и др. 2004 — Качалина Г. И., Маришкина В. Ф., Яковлева Е. М. Сотрудники Императорского Эрмитажа, 1852–1917. Биобиблиографический справочник. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. 174 с.
- Петракова 2020 — Петракова А. Е. “Exotische Utopien einer fernen Welt”: два краснофигурных кратера с редким изображением грифономахии из раскопок Северного Причерноморья // АВ. 2020. Вып. 29. С. 278–290.
- Петракова, Букина 2019 — Петракова А. Е., Букина А. Г. Малые коллекции античных ваз в музеях России. Каталог / при участии А. И. Алексеева, О. К. Баженовой, А. Н. Гузанова, А. С. Намойлик, М. В. Ромашовой, Е. С. Тарарухиной, А. А. Фроловой. СПб.; Керчь: Центр Археологических исследований, благотворительный фонд «Деметра», 2019. 565 с.
- Силантьева 1959 — Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // Гайдукевич В. Ф. (ред.). Некрополи боеспорских городов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 5–107 (МИА СССР № 69).
- Строганов 1881 — Строганов С. С. Доклад о действиях Императорской Археологической Комиссии за 1879 год // Отчет ИАК за 1878 и 1879 годы. СПб.: Тип. Имп. АН, 1881. С. XLI–LXVIII.
- Шталь 2000 — Шталь И. В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Т. 1: Пелики, IV в. до н. э., керченский стиль. М.: Олма-Пресс, 2000. 222 с.: ил.
- BAPD — Beazley Archive Pottery Database. URL: <https://www.beazley.ox.ac.uk/carc>.
- Beazley 1963 — Beazley J. D. Attic red-figure vase-painters. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1963. 2036 p.
- Franceschini 2018 — Franceschini M. Attische Mantelfiguren: Relevanz eines standardisierten Motivs der rotfigurigen Vasenmalerei. Zürcher archäologische Forschungen. Bd. 5. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 2018. 354 S.
- Langner 2012 — Langner M. Mantel-figures and the Athenization of Late Classical imagery red-figure pottery in its ancient settings // Bundgaard Rasmussen B., Schierup S. (Hrsg.). Red-Figure Iconography in its Ancient Setting: 2nd ENBOM workshop Copenhagen 5.–6. 11. 2009. Copenhagen; Aarhus: Aarhus University Press, 2012. P. 12–20.
- Schefold 1934 — Schefold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin; Leipzig: De Gryter, 1934. 161 S. (Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Bd. 4).

ATTIC PELIKAI FROM ELTIGEN (COLLECTION OF NIKODIM P. KONDAKOV)

A. E. Petrakova

Keywords: Athenian red-figure vases, pelikai by the G Group, excavations of necropolis of Nymphaion, Nikodim Pavlovich Kondakov, excavations of ancient settlements in Russia in the 19th century

The paper deals with two red-figure Athenian pelikai, transferred to the Hermitage in 1931 from the State Academy for the History of Material Culture. The vases find persuading analogies among the pelikai attributed to the G Group. Such pelikai are often found in the burials on both sides of the Kerch strait. In 1919 these two pelikai and three other vases were purchased by the State Archaeological Commission from Sergey Kondakov, who asserted that these items were found in Eltigen. Adoptive father of Sergey was Nikodim Pavlovich Kondakov, who among other activities, excavated in 1876 some burials in the necropolis of Nymphaion — ancient settlement, located in village Eltigen. Later he excavated in Panticapaion and on the Taman peninsula, but since 1888 stopped excavations and settled down in St. Petersburg. The necropolis of Nymphaion was excavated by A. Liutsenko and S. Verebrjusov in 1876, 1878–1880, but these pelikai are not among the items from their documentation. Even though these pelikai are not described in the papers of Nikodim Kondakov stored in the archive of the Institute for the History of Material Culture, we can guess they could be from the necropolis of Nymphaion due to good preservation condition.

ДВУХПЕТЕЛЬЧАТЫЕ СТЕРЖНЕВИДНЫЕ ПСАЛИИ ИЗ МЕОТСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ПРИКУБАНЬЯ¹

Н. Ю. ЛИМБЕРИС, И. И. МАРЧЕНКО²

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, сарматы, двухпетельчатые стержневидные псалии, хронология.

Железные удила с двухпетельчатыми стержневидными псалиями довольно редко встречаются в Прикубанье. В памятниках Правобережья Кубани сейчас известно всего восемь погребений с псалиями этого типа. Хронологический анализ комплексов, основанный на типах фибул, мечей, формах сероглиняных сосудов местного производства и др., показывает, что этот элемент узды появляется у меотов в I в. до н. э. и получает некоторое распространение во второй половине I — начале II в. н. э.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-69-77

Среди наборов конской узды меотов выделяется небольшая группа удил с железными стержневидными двухпетельчатыми псалиями. В свое время на материалах Закубанья С. П. Кожухов выделил такие псалии в отдел III и отнес к типу 1, разделив их на два варианта (с расширяющимися и сужающимися концами). Оба варианта исследователь датировал I–II вв. н. э. (Кожухов 1994: 13). Надо заметить, что двухпетельчатые псалии, в отличие от широко распространенных в тот же период колесовидных, не завоевали особой популярности у населения Прикубанья. Здесь они встречаются довольно редко, как в меотских, так и в сарматских памятниках.

В этой статье речь пойдет о псалиях с прямыми или слегка расширяющимися концами в основном из меотских памятников Правобережья Кубани. Псалии имеют по две полукруглые или подпрямоугольные петли, расположенные в средней части стержня на расстоянии от 0,8 до 2,5 см друг от друга. Петли у большинства экземпляров раскованы из стержня, наварные петли отмечены пока только в двух-трех случаях. Стержни в сечении прямоугольные или круглые. В некрополе 1 городища у хутора Ленина псалии интересующего нас типа встречены в пяти захоронениях.

Из погребения 14 1981 г. (рис. 1, 1) происходят удила с парой псалиев (длина — 13,8 см) с уплощенно-прямоугольным в сечении прямым стержнем. С одной стороны во внешней петле удила сохранилась половина подвижного ременного кольца (рис. 1, 6, 7). В состав инвентаря входили меч с кольцевым навершием и брусковидным перекрестием (рис. 1, 10), сероглиняная миска (рис. 1, 8), две бронзовые пряжки (рис. 1, 2, 3), каменный оселок (рис. 1, 5), нож (рис. 1, 9) и бронзовая лучковая подвязная фибула (рис. 1, 4) варианта 2, которая и определяет хронологические рамки комплекса в пределах второй половины I — начала II в. н. э. (Кропотов 2010: 72, 73; Лимберис, Марченко 2020б: 170).

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда и Кубанского научного фонда «Меотские всадники Кубани VI в. до н. э. — III в. н. э.» (проект № 24-18-20014).

² Кубанский государственный университет, Краснодар.

© Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2025

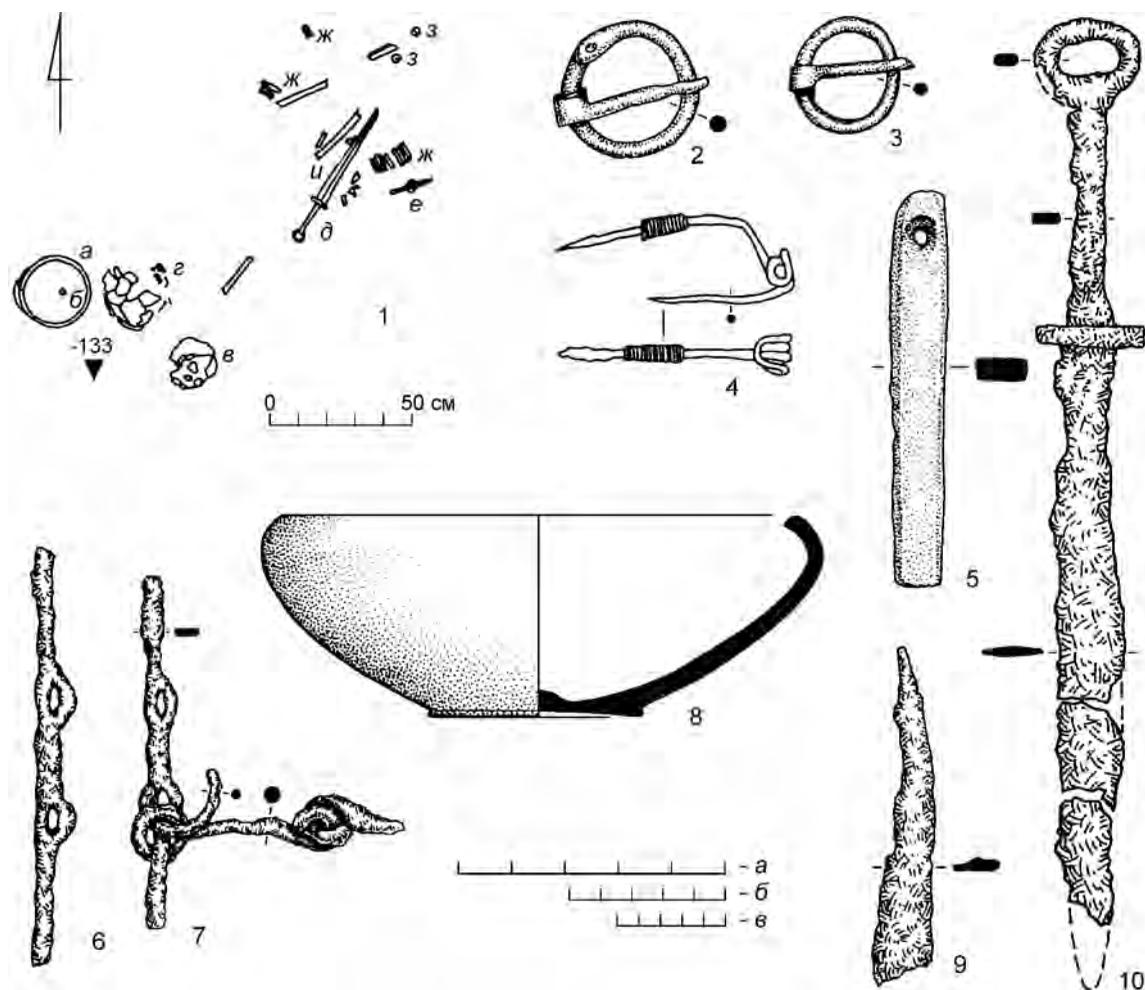

Рис. 1. Могильник 1 городища у хутора Ленина, погр. 14 (1981 г.): 1 — план (а — миска (8); б — бусина; в — кувшин сероглиняный; г — фибула (4); д — меч (10); е — удила (6, 7); ж — зубы лошади; з — пряжки (2, 3); и — оселок (5)); 2–10 — инвентарь: 2–4 — бронза; 5 — камень; 6, 7, 9, 10 — железо; 8 — серая глина. Масштаб: а — для 2–5, 9; б — для 6, 7; в — для 8, 10

Fig. 1. Burial ground No. 1 of the settlement near Lenin village, burial No. 14 (1981): 1 — plan (a — bowl (8); б — bead; в — grey clay jar; г — fibula (4); д — sword (10); е — bridles (6, 7); ж — horse teeth; з — buckles (2, 3); и — whetstone (5)); 2–10 — inventory: 2–4 — bronze; 5 — stone; 6, 7, 9, 10 — iron; 8 — gray clay. Scale: a — for 2–5, 9; б — for 6, 7; в — for 8, 10

В погребении 94 1981 г. (рис. 2, 1) встречены удила с подквадратными в сечении псалиями (длина — 12,5 см), слабо расширяющимися к концам, и наварными арочными петлями (рис. 2, 3). Здесь были найдены также наконечник копья (рис. 2, 4), сероглиняные вазочка (рис. 2, 2) и две кружки-кувшина с маленькой петельчатой ручкой. Первая из них (рис. 2, 6) — с высоким горлом и приземистым биконическим туловом (тип 4 по нашей классификации). Сосуды этого типа по совместно найденным фибулам имеют широкую хронологию в пределах I — первой половины III в. н. э., хотя большинство датировок не выходит за рамки первой половины — середины II в. н. э. (Лимберис, Марченко 2024: 378–380, рис. 6). Вторая кружка-кувшин (рис. 2, 5) — с овальным туловом и низким расширяющимся кверху горлом с двумя горизонтальными валиками в основании (тип 5). Аналогичные сосуды, встреченные в разных меотских некрополях, часто сопровождаются бронзовыми фибулами и зеркалами-подвесками, по которым период их бытования ограничивается концом I — серединой II в. н. э. (Лимберис, Марченко 2024: 380, рис. 7).

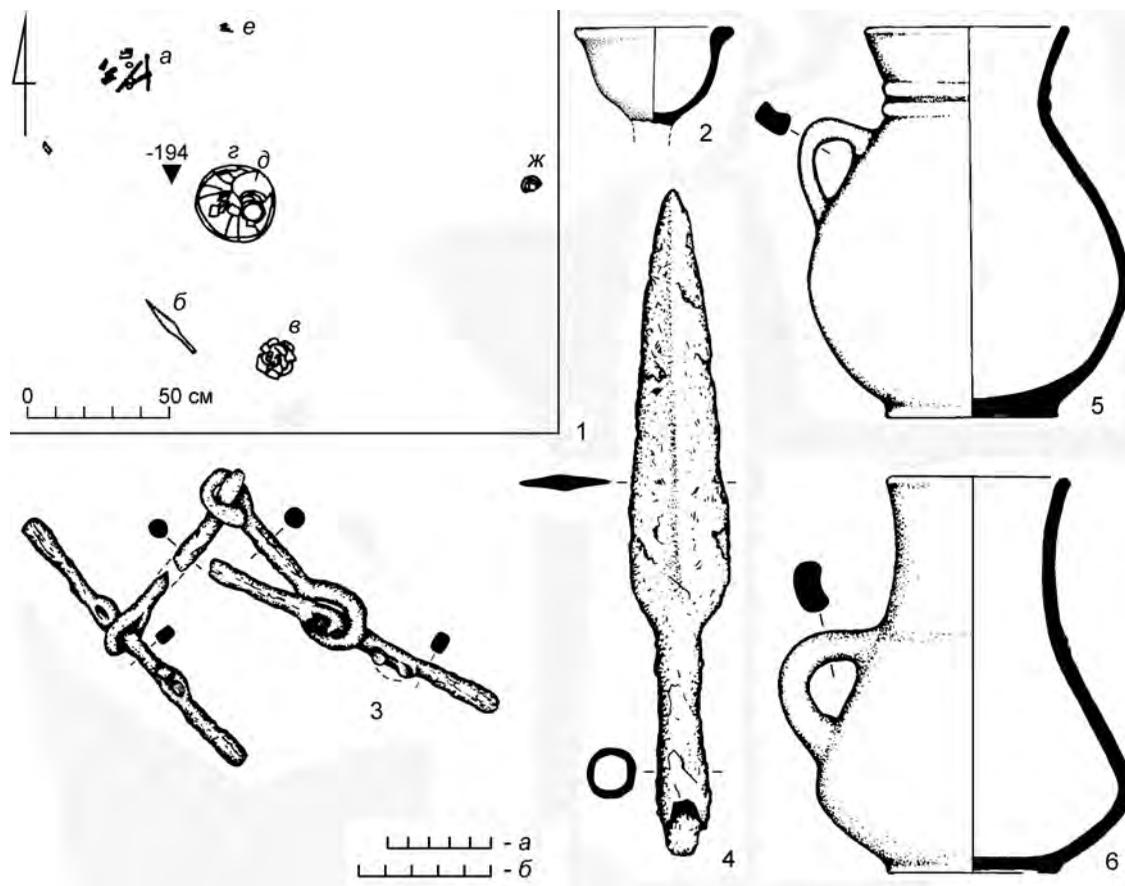

Рис. 2. Могильник 1 городища у хутора Ленина, погр. 94 (1981 г.): 1 — план (*а* — удила и псалии (3); *б* — наконечник копья (4); *в* — кувшин (5); *г* — миска; *д* — кувшин (6); *е* — кольцо; *ж* — вазочка (2)); 2–6 — инвентарь: 2, 5, 6 — серая глина; 3, 4 — железо. Масштаб: *а* — для 2, 5, 6; *б* — для 3, 4

Fig. 2. Burial ground No. 1 of settlement near Lenin village, burial No. 94 (1981): 1 — plan (*a* — bridles with cheek-pieces (3); *b* — spearhead (4); *v* — jar (5); *g* — bowl; *d* — jar (6); *e* — ring; *zh* — small vase (2)); 2–6 — inventory: 2, 5, 6 — gray clay; 3, 4 — iron. Scale: *a* — for 2, 5, 6; *b* — for 3, 4

Встреченные в этом погребении кружки-кувшины дают возможность ограничить хронологию погребения второй половиной I — серединой II в. н. э.

Удила из погребения 263 1981 г. (рис. 3, I, 1), разломанные на две части, были снабжены псалиями с уплощенно-прямоугольными в сечении стержнями, концы ровные, обломаны (сохранившаяся длина — 13,5 см, 10,5 см). Петли арочные, не исключено, что наварные (рис. 3, I, 4, 5). В комплексе присутствовали сероглиняные миска (рис. 3, I, 3) и канфар (рис. 3, I, 2), который отличается от характерных для этого времени меотских экземпляров конфигурацией ручек и формой тулова, что указывает на копирование местными гончарами форм краснолаковой керамики. Образцом, вероятно, послужили краснолаковые сосуды, типологически схожие с канфаром середины I в. н. э., найденным на Афинской агоре (Hays 2008: 208, fig. 48, no. 1544). Наиболее вероятная дата этого погребения — вторая половина I в. н. э.

Две пары удил с двухпетельчатыми псалиями присутствовали в погребении 284 1981 г. (рис. 4, 1). Один комплект — целый (рис. 4, 4). Псалии в сечении массивные, прямоугольные, стержни немного утолщаются к концам (длина — 13 см); сохранился и фрагмент дополнительного ремennого кольца. Вторая пара удил полностью разрушилась, остались только псалии (рис. 4, 2, 3) уплощенно-прямоугольного сечения, с обломанными окончаниями (сохранившаяся длина — 11,5 см). В погребении был и третий комплект удил —

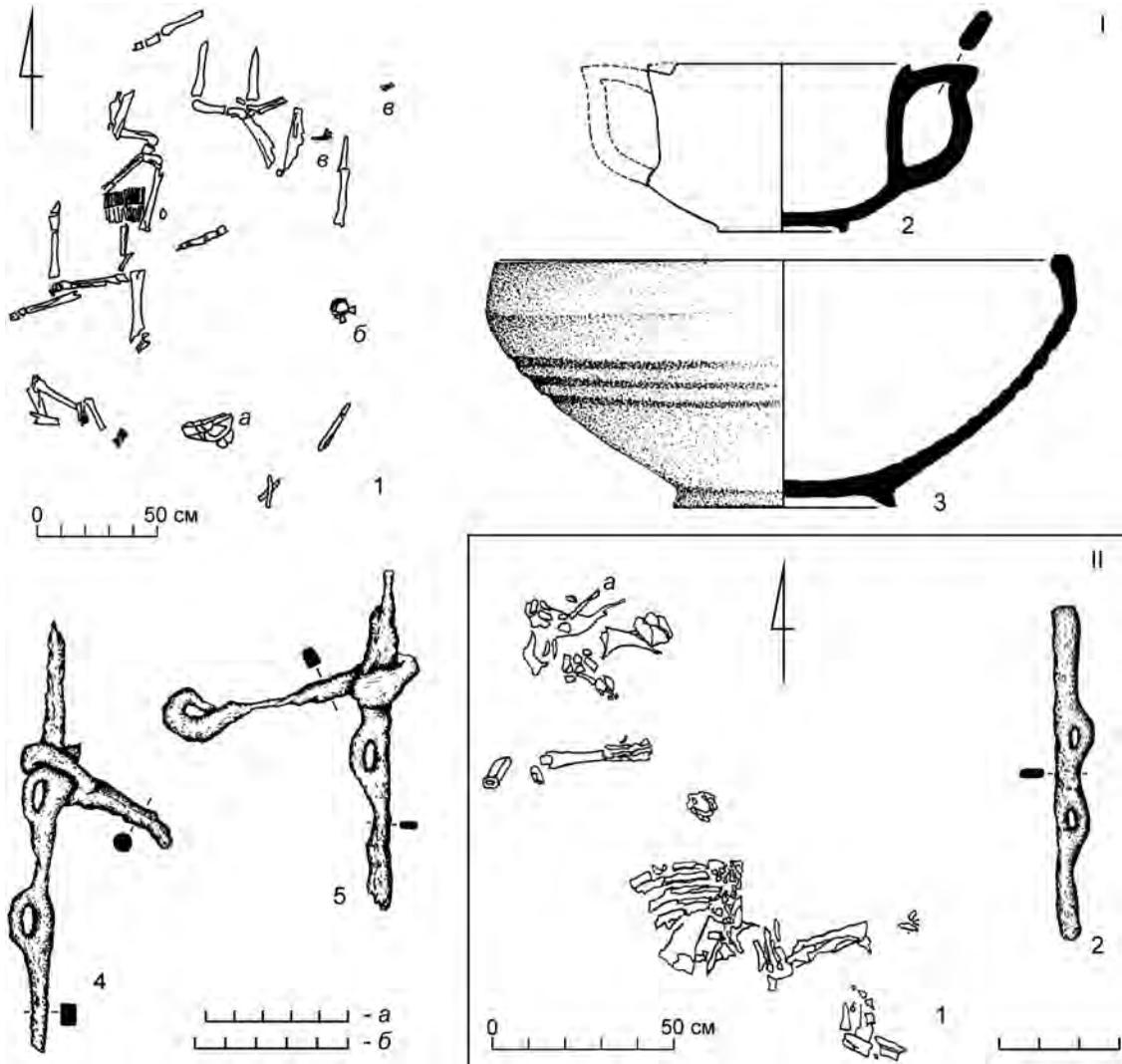

Рис. 3. Могильник 1 городища у хут. Ленина. I — погр. 263 (1981 г.): 1 — план (а — миска (3); б — канфар (2); в — удила с псалиями (4, 5)); 2–5 — инвентарь: 2, 3 — серая глина; 4, 5 — железо. Масштаб: а — для 2, 3; б — для 4, 5. II — погр. 333 (1981 г.): 1 — план (а — псалий (2)); 2 — инвентарь, железо

Fig. 3. Burial ground No. 1 of settlement near Lenin village. I — Burial No. 263 (1981): 1 — plan (a — bowl (3); б — kantharos (2); в — bridles with cheek-pieces (4, 5)); 2–5 — inventory: 2, 3 — gray clay; 4, 5 — iron. Scale: a — for 2, 3; б — for 4, 5. II — burial No. 333 (1981): 1 — plan (a — cheek-piece (2)); 2 — inventory, iron

с колесовидными псалиями (рис. 4, 5). Кроме предметов узды в комплекс входили наконечник копья (рис. 4, 11), боевой нож (рис. 4, 6), бронзовый шлем (рис. 4, 7) и керамические сосуды (рис. 4, 8–10). Хронологический анализ инвентаря позволил нам датировать этот комплекс I в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2020а: 288).

Еще один псалий (длина — 11 см) уплощенно-прямоугольного сечения (рис. 3, II, 2), но без удили, найден в захоронении лошади 333 1981 г. (рис. 3, II, 1). Другого сопровождающего инвентаря в погребении не было.

Три находки двухпетельчатых стержневидных псалиев связаны с могильником 2 Елизаветинского городища. Удила с одним таким псалием (длина — 8,4 см) с круглым в сечении расширяющимся к концам стержнем были найдены вместе с лучковой подвязной фибулой в погребении 66 1978 г. (Анфимов 1984: 91, 93, табл. IX, 9, 12). В отчете и

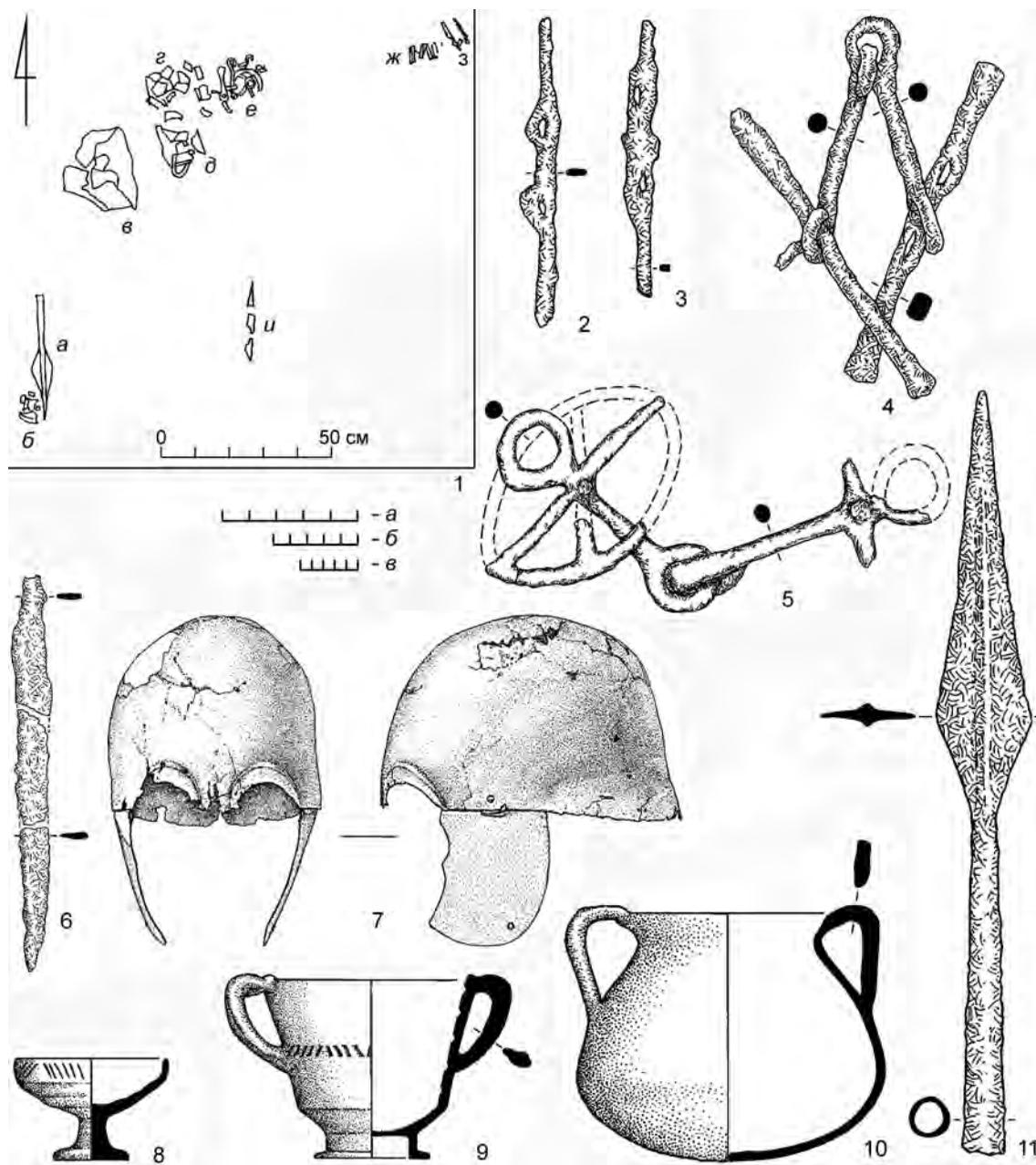

Рис. 4. Могильник 1 городища у хут. Ленина, погр. 284 (1981 г.): 1 — план (а — наконечник копья (11); б — вазочка (8); в — шлем (7); з — кувшин (10); д — канфар (9); е — удила с колесовидными псалями (5); ж — зубы лошади; з — удила с двухпетельчатыми псалями (3, 4); и — нож (6)); 2–11 — инвентарь: 2–6, 11 — железо; 7 — бронза; 8 — красная глина; 9, 10 — серая глина. Масштаб: а — для 2–5; б — для 6, 8–11; в — для 7

Fig. 4. Burial ground No. 1 of settlement near Lenin village, burial No. 284 (1981): 1 — plan (а — spearhead (11); б — small vase (8); в — helmet (7); з — jar (10); д — kantharos (9); е — bridles with rotate cheek-pieces (5); ж — horse teeth; з — bridles with two-loop rodlike cheek-pieces (3, 4); и — knife (6)); 2–11 — inventory: 2–6, 11 — iron; 7 — bronze; 8 — red clay; 9, 10 — gray clay. Scale: а — for 2–5; б — for 6, 8–11; в — for 7

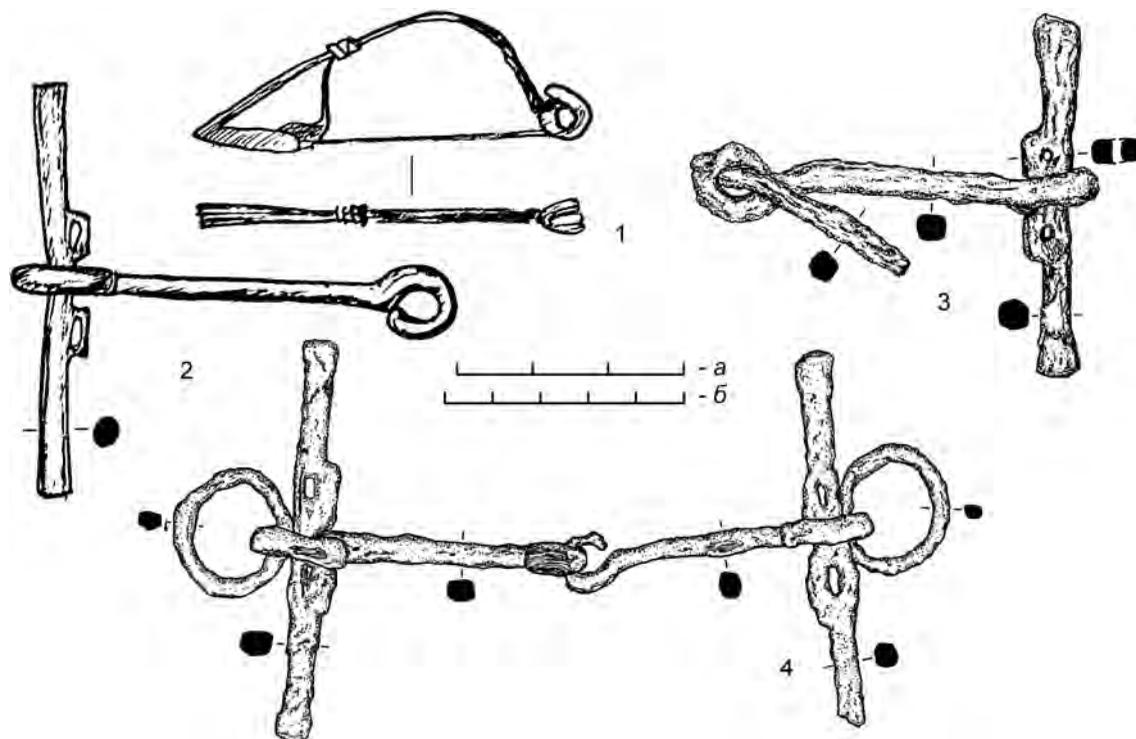

Рис. 5. Могильник 2 Елизаветинского городища, погр. 66 (1978 г.) (1–3): 1 — фибула; 2, 3 — удила с псалием (2 — по: Анфимов 1984: табл. IX, 9); 4 — погр. 61 (2013 г.), удила с псалиями. 1 — бронза; 2–4 — железо. Масштаб: *a* — для 1; *b* — для 2–4

Fig. 5. Burial ground No. 2 of the Elizavetinskaya settlement, burial No. 66/1978 (1–3): 1 — fibula; 2, 3 — bridles with a cheek-piece (2 — after: Анфимов 1984: tabl. IX, 9); 4 — burial No. 61 (2013), bridles with cheek-pieces. 1 — bronze; 2–4 — iron. Scale: *a* — for 1; *b* — for 2–4

авторской публикации приводится схематичный рисунок псалия с прямоугольными петлями, свободно продетого в кольцо удила, так как расстояние между петлями не менее 1,5–2,0 см друг от друга. Петли с узкими отверстиями для ремней на рисунке выглядят как наваренные на стержень (рис. 5, 2). Этот экземпляр был нами изучен в фондах Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника³. Петли, действительно, прямоугольные, но не наварные, а раскованные из стержня, расстояние между ними — не более 1 см, отверстия забиты коррозией (рис. 5, 3). Фибула (рис. 5, 1) относится к варианту 3, традиционная хронология которого ограничивается первой половиной — серединой II в. н. э. (Кропотов 2010: 75).

Из погребения 61 2013 г.⁴ происходят удила с круглыми в сечении псалиями (длина — 9,5 см), слегка утолщающимися к концам (у одного псалия окончание утрачено), и дополнительными трензельными кольцами (рис. 5, 4). Среди инвентаря — кинжал с кольцевым навершием и брусковидным перекрестием и бронзовая подвязная лучковая фибула варианта 2 второй половины I — начала II в. н. э., по которой и следует датировать комплекс (Лимберис, Марченко 2020б: 170, 173).

Псалии этого типа, плакированные бронзовыми пластинками, из погребения 135 (2013 г.) имеют наварные арочные петли и квадратное сечение стержней. От одного псалия

³ Номер хранения в КГИАМЗ: КМ 4950/682.

⁴ В 2013 г. новостроечные работы на могильнике 2 Елизаветинского городища вело ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», начальник — М. Ю. Лунёв. Материал хранится в КГИАМЗ (КМ 13969).

Рис. 6. Могильник 6 Пашковского городища, погр. 21: 1 — план (а — удила (3); б — псалий (4)); в — вазочка (2)); 2–4 — инвентарь (2 — серая глина; 3, 4 — железо)

Fig. 6. Burial ground No. 6 of the Pashkovskaya settlement, burial No. 21: 1 — plan (a — bridles (3); б — cheek-piece (4)); в — small vase (2)); 2–4 — inventory (2 — gray clay; 3, 4 — iron)

сохранился фрагмент с петлей, у второго утрачены петля и окончания стержней (сохранившаяся длина — 8 см). С одной стороны удила есть дополнительное кольцо. Вместе с уздой найдена бронзовая пряжка с железным язычком. Аналогичные экземпляры из Крыма А. А. Труфанов отнес к варианту Б дугоконечных пряжек. Исследователь придерживается мнения, что такие пряжки в Северном Причерноморье появляются в середине или во второй трети I в. н. э., но в комплексах конца этого столетия они не встречаются (Труфанов 2004: 167, рис. 4). К этому хронологическому отрезку можно отнести и данное погребение.

В разрушенном погребении 21 (восточный участок) могильника 6 Пашковского городища⁵ (рис. 6, 1) сохранились удила и псалий, лежавший отдельно (рис. 6, 3, 4). Псалий имеет тонкие концы квадратного сечения и широкие раскованные петли с узкими отверстиями для ремней. Один конец псалия обломан (сохранившаяся длина — 9,3 см, восстановленная длина — около 10,0 см). Форма сероглиняной вазочки (рис. 6, 2) из этого погребения абсолютно не характерна для первых веков новой эры. Вазочки на высокой полой ножке с расширенным основанием производились местными гончарами в IV–III вв. до н. э. (Лимберис, Марченко 2005: 238, рис. 32, 8; 37, 5; 43, 3). По-видимому, сосуд был использован в погребальном обряде вторично, что нередко встречается у меотов.

Опубликованные аналогии из Закубанья единичны. Комплекс с двухпетельчатыми псалиями открыт в могильнике Псенафа: это скопление 70 кургана 1 с широким хронологическим диапазоном — II–I вв. до н. э. (Древности... 2014: 39, кат. № 76). Стержни утолщаются к концам, петли подпрямоугольные, раскованные, длина — 11,2 см. Еще одна пара таких псалиев с прямоугольными петлями, тонкими стержнями и обоймами на концах представлена случайной находкой из некрополя римского времени у пос. Цемдолина (Мальшев 2008: 164, рис. 112).

Узду с двухпетельчатыми стержневидными псалиями использовали также сарматы, но, по-видимому, даже реже, чем меоты. В Прикубанье до настоящего времени известен лишь один комплекс из «Золотого кладбища». Это погребение из кургана 6 у станицы Тифлисской, которое относится ко второй половине I — II в. н. э. Удила дополнены 8-образным карабином (Гущина, Засецкая 1994: сн. 10 на с. 37, 77, табл. 56, № 555). Псалии (длина — 9,3 см) по форме стержня, утолщающегося к концам, и близко расположенных

⁵ Раскопки Н. В. Анфимова 1972 г. (КМ 3333/65, 66).

прямоугольных петель аналогичны псалям из погребения 66 1978 г. могильника 2 Елизаветинского городища и могильника Псенафа; различаются эти экземпляры только размерами.

В сарматском погребении кургана 29 Ново-Никольского могильника на Среднем Дону найдена пара удил с двухпетельчатыми псалями, немного расширяющимися к концам (Медведев 2008: 87, 88, рис. 70, 6, 9; 76, 11; 77, 12). По сильнопрофилированной фибуле причерноморского типа, которую А. С. Скрипкин отнес к варианту 2 (Скрипкин 1977: 109–113; Кропотов 2010: 229), погребение можно датировать второй половиной II в. н. э.

Стержневидные двухпетельчатые псалии с расширяющимися к концам стержнями известны и в Среднем Поволжье, в частности, в комплексах середины I — начала II в. н. э. Андреевского кургана (Зубов 2011: 51, 115, рис. 19, 2, 6).

Более поздний комплект удил с такими псалями происходит из позднесарматского погребения 2 кургана 7 у с. Шевченко в Северном Приазовье, которое автор раскопок отнесла ко второй половине II — началу III в. н. э. (Шепко 1987: 168, 172, рис. 8, 4). Этот экземпляр отличается от других расширенной средней частью с двумя близко расположенными раскованными петлями подпрямоугольных очертаний и сужающимися к концам стержнями.

Стержневидные псалии с прямыми или расширяющимися концами и двумя петлями овальной или подпрямоугольной формы известны и в Крыму, хотя встречаются нечасто (Антипенко 2016: 91).

Недавно была опубликована коллекция подобных стержневидных псалиев из конских захоронений крымского могильника Опушки, которые относятся к среднесарматскому периоду («к большей части II и, вероятно, к I в. н. э.»). Авторы статьи отмечают, что формально стержневидные псалии можно разделить на двухпетельчатые и двухдырчатые, но «двухдырчатые экземпляры имеют утолщения в тех местах, где проделаны отверстия. В некоторых случаях эти утолщения столь велики, что напоминают петли». Поэтому, говоря обо всех стержневидных псалях, исследователи считают, что «переход от двухдырчатых к двухпетельчатым или наоборот осуществлялся плавно, незаметно» (Храпунов, Шабанов 2021: 50, 58). Мы солидарны с этим выводом, который можно распространить и на меотскую узду.

Хронологический анализ прикубанских комплексов с двухпетельчатыми стержневидными псалями показывает, что этот элемент узды появляется у меотов в I в. до н. э. и получил некоторое распространение во второй половине I — начале II в. н. э. Хронология меотских комплексов с амфорной тарой позволяет предположить, что двухпетельчатым стержневидным псалям предшествовали двухпетельчатые псалии с раскованными в виде лопастей концами, появившиеся примерно в последней четверти II в. до н. э., а им, в свою очередь, — двухдырчатые лопастные, известные с последней трети III в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2005: 253, 269, рис. 13, 15–21, 51; Монахов и др. 2022: 160, 161, 209, Rd. 6, 7, PS. 20).

Литература

- Антипенко 2016 — Антипенко А. В. Типология псалий I–IV вв. н. э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2016. Вып. 21. С. 84–109.
- Анфимов 1984 — Анфимов И. Н. Меотский могильник I–II веков близ станицы Елизаветинской // Анфимов Н. В., Аутлев П. У. (ред.). Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1984. С. 83–111.
- Гущина, Засецкая 1994 — Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
- Древности... 2014 — Древности «Долины яблонь»: Каталог выставки. М.: Государственный музей Востока, 2014. 144 с.

- Зубов 2011 — *Зубов С.* Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв. н. э.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2011. 204 p.
- Кожухов 1994 — *Кожухов С. П.* Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н. э. — III в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: б. и., 1994. 22 с.
- Кропотов 2010 — *Кропотов В. В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИА НАНУ; АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Лимберис, Марченко 2005 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. 2005. Вып. 5. С. 219–324.
- Лимберис, Марченко 2020а — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребение с бронзовым шлемом из меотского могильника // *Stratum plus*. 2020. № 4. С. 281–290.
- Лимберис, Марченко 2020б — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология мечей с кольцевым навершием из меотских памятников правобережья Кубани // *Нижеволжский археологический вестник*. 2020. Т. 19, № 2. С. 164–182.
- Лимберис, Марченко 2024 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Сероглиняные куршины и кружки-кувшины с петельчатой ручкой из меотских памятников Краснодарской группы // *Stratum plus*. 2024. № 4. С. 371–384.
- Малышев 2008 — *Малышев А. А.* Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя // *Малышев А. А.* (отв. ред.). Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. Некрополи Черноморья II. Гл. 3. М.: Гриф и К, 2008. С. 136–180.
- Медведев 2008 — *Медведев А. П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
- Монахов и др. 2022 — *Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Амфоры VII–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. Саратов: Амирит, 2022. 304 с.
- Скрипкин 1977 — *Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // *СА*. 1977. № 2. С. 100–120.
- Труфанов 2004 — *Труфанов А. А.* Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // *РА*. 2004. № 3. С. 160–170.
- Храпунов, Шабанов 2021 — *Храпунов И. Н., Шабанов С. Б.* Погребения коней в могильнике Опушки // *Stratum plus*. 2021. № 4. С. 49–60.
- Шепко 1987 — *Шепко Л. Г.* Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // *СА*. 1987. № 4. С. 158–173.
- Hays 2008 — *Hays J. W.* Roman Pottery. Fine-Ware Imports. The American school of classical studies at Athens. Princeton; New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 2008. 343 p., 149 p. of plates (Athenian Agora. Vol. 32).

TWO-LOOP RODLIKE CHEEK-PIECES FROM THE MAEOTIAN SITES OF THE KUBAN REGION

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko

Keywords: *Kuban region, Maeotians, Sarmatians, two-loop rodlike cheek-pieces, chronology*

Iron bridles with two-loop rodlike cheek-pieces are only rarely found in the Kuban region. On the right bank of the Kuban there are known now 8 burials with the cheek-pieces of this type. The chronological analysis of these assemblages based on types of fibulas, swords, gray clay vessels of local manufacture and other objects shows that this element of harness appeared among the Maeotians in the I c. BC and became somewhat more widespread in the second half of the I — the beginning of the II c. AD.

ГРИВНЫ — «ВОЖДЕСКИЕ» ИНСИГНИИ НА РИМСКО-ГЕРМАНСКОМ ЗАПАДЕ И В ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОМ БАРБАРИКУМЕ В РАННЕМЕРОВИНГСКОЕ ВРЕМЯ

М. М. КАЗАНСКИЙ¹

Ключевые слова: *Великое переселение народов, гунны, «вождеские» погребения, инсигнии, гривны.*

В нескольких «вождеских» погребениях раннемеровингского времени (вторая половина V — первая треть VI в.) на римско-германском Западе и в центральноевропейском Барбарикуме были обнаружены статусные золотые предметы (инсигнии власти) — массивные браслеты с расширяющимися концами (рис. 1, 1, 2, 4, 5), Т-образные фибулы высших римских чиновников (рис. 1, 9–11), именные перстни-печатки (рис. 1, 3, 6–8) и гривны (рис. 1, 12). Среди этих предметов фибулы и перстни, несомненно, имеют римское происхождение, тогда как браслеты восходят к «варварским» традициям в костюме знати. Гривны имеют прототипы как в Римской империи (рис. 3), так и в Барбарикуме (рис. 2, 1, 4, 5; 4). Однако изучение «княжеского» убора эпохи Великого переселения народов свидетельствует о «варварском» происхождении таких инсигний.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-78-86

«Вождеские» погребения раннемеровингского периода (с середины и второй половины V в. до первой трети VI в.) выделяются как на романо-германском Западе, так и в центральноевропейском Барбарикуме присутствием в сопровождающем инвентаре «парадных» мечей, часто с рукояткой, обложенной листовым золотом (см. список: Steuer 1987: 216, 235, 236, Abb. 12, List 8), а также других предметов вооружения, конского снаряжения и показательных элементов костюма, таких как пряжки с декором инкрустационного стиля. В некоторых погребениях в Северной Галлии и в Дунайском регионе также обнаружены золотые предметы статусного характера, вероятно, инсигнии власти (см.: Bierbrauer 1989: 77, 78). Это браслеты с расширенными концами, Т-образные фибулы или их имитации, перстни-печатки с именем владельца и, реже, гривны (рис. 1).

В иерархии меровингских захоронений, разработанной Р. Кристлейном (Christlein 1973), захоронения «военных вождей» начала меровингского периода, содержащие эти статусные предметы, относятся к группе D и занимают самое высокое место (Donat 1989: 192). Ряд погребений содержит не менее двух-трех из них. Это знаменитая могила франкского короля Хильдерика (умер в 482 г.), обнаруженная в Турнэ (Tournai) в бельгийской Валлонии (Das Grab... 2015), и погребение в Пуане (Poüan) в Шампани (L'Or des princes barbares 2000: кат. No. 27). В Дунайском регионе престижные вещи засвидетельствованы в наиболее богатых «вождеских» погребениях, таких как Блущина (Blučina) в Южной Моравии (Tihelka 1963; Tejral 2020) и Апахида (Arahida), погребение I, в Трансильвании (Harhoiu 1998: 158, No. 3.1).

¹ Centre national de la recherche scientifique: UMR 8167 “Orient et Méditerranée”, Paris, France.

© Казанский М. М., 2025

Рис. 1. Золотые предметы-инсигнии: 1, 2, 4, 5 — браслеты; 3, 6–8 — перстни; 9–11 — фибулы; 12 — гривна. 1, 7, 8, 10 — Апахида, погр. I (по: *L'Or des princes barbares* 2000: cat. No. 30.1, 30.2, 30.3, 30.4); 2, 6, 12 — Пуан (по: *Ibid.*: cat. No. 27.2, 27.3, 27.1); 3, 5, 11 — Турнэ, гробница Хильдерика (3, 11 — по: *Ibid.*: cat. No. 37.3, 37.2; 5 — по: *Das Grab...* 2015: Taf. 18); 4, 9 — Блучина (по: *L'Or des princes barbares* 2000: cat. No. 33.1, 33.8)

Fig. 1. Gold objects-insignia: 1, 2, 4, 5 — bracelets; 3, 6–8 — finger-rings; 9–11 — fibulas; 12 — torc. 1, 7, 8, 10 — Apathida, burial I (after: *L'Or des princes barbares* 2000: cat. No. 30.1, 30.2, 30.3, 30.4); 2, 6, 12 — Pouan (*Ibid.*: cat. No. 27.2, 27.3, 27.1); 3, 5, 11 — Tournai, Childeric's tomb (3, 11 — *Ibid.*: cat. No. 37.3; 37.2; 5 — after: *Das Grab...* 2015: Taf. 18); 4, 9 — Blučina (after: *L'Or des princes barbares* 2000: cat. No. 33.1, 33.8)

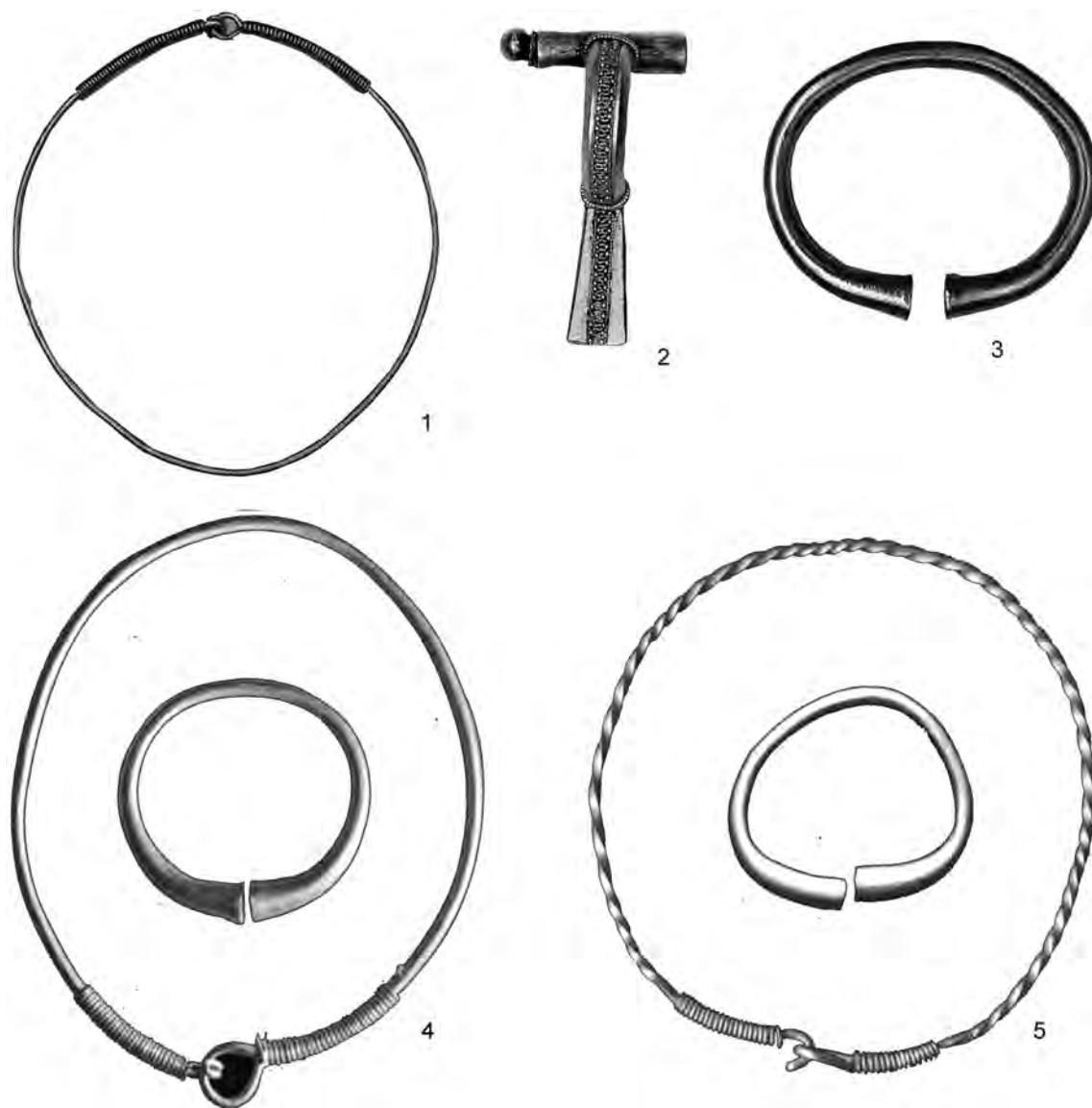

Рис. 2. Золотые предметы-инсигнии в погребениях позднеримского времени в Центральной Европе: 1–3 — Острованы/Остропатака, погр. 2 (по: L'Or des princes barbares 2000: cat. No. 4.1, 2.7); 4 — Закшув/Сакрау, погр. I (по: Quast 2009: Abb. 67, 1, 2); 5 — Закшув/Сакрау, погр. III (по: Ibid.: Abb. 67, 3, 4)

Fig. 2. Gold objects-insignia from the Central European burials of the Late Roman time: 1–3 — Ostrovany/Ostropataka, burial 2 (after: L'Or des princes barbares 2000: cat. No. 4.1, 2.7); 4 — Zakrzów/Sackrau, burial I (after: Quast 2009: Abb. 67, 1, 2); 5 — Zakrzów/Sackrau, burial III (Ibid.: Abb. 67, 3, 4)

В центральноевропейском Барбарикуме эти знаки отличия были обнаружены уже в погребальном контексте позднеримского времени, например в «княжеских» захоронениях III в. в Острованах/Остропатаке (Ostrovany / Osztrópataka) (погребение 2) на территории современной Словакии (рис. 2, 1–3), а также в Закшуве / Сакрау (Zakrzów/Sackrau) в Польше (рис. 2, 4, 5) (Prohászka 2006: Taf. 14, 1–3; Quast 2009: Abb. 67).

Браслеты из массивного золота с расширяющимися концами характерны для «княжеских» мужских захоронений, особенно в германской среде, эпохи Великого переселения народов (Werner 1980; русский перевод: Вернер 2013). Это находки в Турнэ (рис. 1, 5), Пуан (рис. 1, 2), Апахиде (рис. 1, 1), Блучине (рис. 1, 4). Именные перстни-печати (Odenweller 2022) также присутствуют в погребальном контексте «вождейских» погребений: в Турнэ,

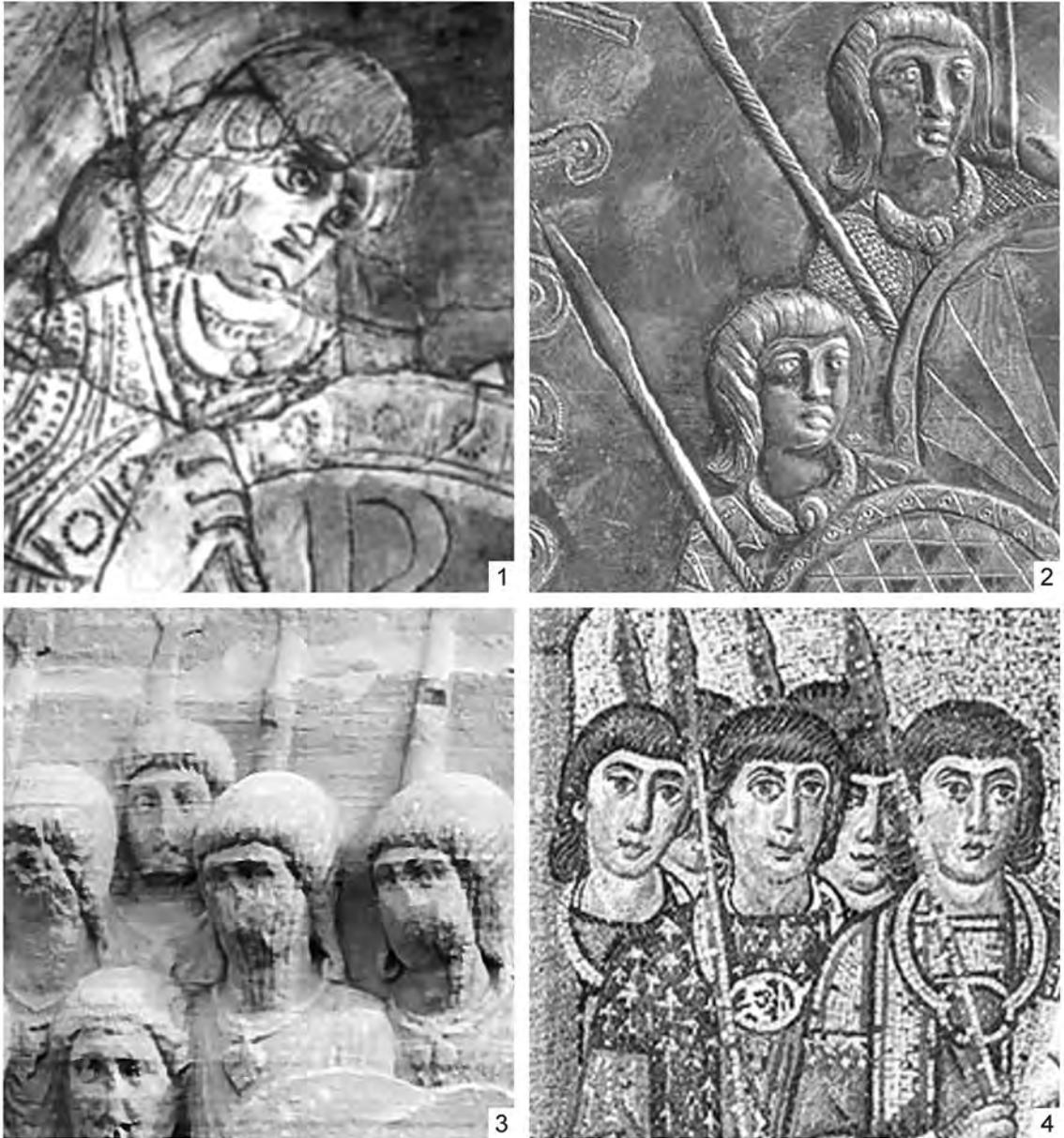

Рис. 3. Гривны императорской гвардии в позднеримской/византийской иконографии: 1 — серебряное блюдо из Керчи (из так называемого Гордиковского склепа) (по: Grabar 1966: fig. 347); 2 — серебряный миссориум Феодосия I (Королевская академия истории в Мадриде) (по: Ibid.: fig. 351); 3 — пьедестал обелиска Феодосия I в Константинополе (фото В. А. Горончаровского); 4 — мозаика в базилике Сан-Витале, Равенна (Grabar 1966: fig. 171)

Fig. 3. Praetorian Guard torcs in the Late Roman/Byzantine iconography: 1 — silver dish from Kerch (so called Gordikovsky vault) (after: Grabar 1966: fig. 347); 2 — silver missorium of Theodosius I (Royal Academy of History in Madrid) (Ibid.: fig. 351); 3 — pedestal of the obelisk of Theodosius I in Constantinople (photo by V. A. Goroncharovsky); 4 — mosaic from the Basilica of San Vitale, Ravenna (Grabar 1966: fig. 171)

с именем и портретом короля Хильдерика (рис. 1, 3); в Пуан, с именем некоего Хевы (HEVA) (рис. 1, 6); в Апахиде, с именем Омхаруса (OMAROC), возможно, гепидского короля или князя, где также встречен перстень с монограммой (рис. 1, 7, 8). Ношение перстня-печати является римским обычаем, их обнаружение в погребениях подтверждает принятие этой моды варварскими вождями, имевшими связи с Империей (Werner 1967–1968). Это же касается и золотых Т-образных фибул, которые носили высшие сановники императорской армии и администрации. Крестообразные фибулы типа Прёттель 7-Турнэ-Апахиды (Prtöttel 1988) были обнаружены в Турнэ (рис. 1, 11) и Апахиде, погребение I (рис. 1, 10), а в Блучине присутствует их имитация (рис. 1, 9). Король Хильдерик, в гробнице которого находилась такая фибула, являлся наместником провинции Бельгика II, о чем свидетельствует письмо св. Реми к Хлодвигу, сыну и наследнику Хильдерика (James 1988: 9).

В погребении Пуан был найден золотой торк (рис. 1, 12), который также является символом власти (Loskotova 2012: 196, 197). Действительно, в поздней Римской империи и впоследствии в Византии гривны являлись статусными предметами (Walter 2001; Von Rummel 2008: 55–57), типичными для императорской гвардии. Об этом свидетельствуют изображения на серебряном блюде из керченской гробницы, открытой в 1891 г. (так называемый Гордиковский склеп) (рис. 3, 1), на пьедестале обелиска Феодосия I на ипподроме в Константинополе (рис. 3, 3), на блюде с изображением того же Феодосия, хранящемся в Королевской академии истории в Мадриде (рис. 3, 2), или на мозаике времени Юстиниана I из базилики Сан-Витале в Равенне (рис. 3, 4).

Однако в иконографии поздней Империи воинские гривны украшаются либо медальоном (тип Мрав I), как керченском блюде и мозаике в Сан-Витале (рис. 3, 1, 4) (Mráv 2015: 296), или же подвеской (тип Мрав II), как на обелиске Феодосия (рис. 3, 3) или некоторых североафриканских статуях (Ibid.: 297, 298). Впрочем, те же торки с медальоном или подвеской засвидетельствованы в погребениях и на изображениях женщин и детей (Ibid.: 298, 299). С другой стороны, медальонные гривны типа Мрав I имеют параллели в Барбарикуме. Приведем в качестве примера находки из женской могилы в Клин-Яре (рис. 4, 5) на Северном Кавказе, в Большом Каменце (рис. 4, 7) на Днепровском Левобережье, или во Вроцлаве — Рендзине (Wrocław — Rędzin) (рис. 4, 6), в Польше (Мастыкова 2007: 479, рис. 7–9).

Торки, даже если они являются частью римского военного костюма, очень редко встречаются в позднеримских мужских захоронениях с оружием (Böhme 1974: 118–120). Можно упомянуть находку бронзовой гривны в Майнце-Костхайме (Mainz-Kostheim), в погребении с оружием за пределами Империи, но с типично римской ременной гарнитурой (Werner 1956: Taf. 55, 10). Отметим, что эта гривна не имеет ни медальона, ни подвески.

По моему мнению, традиция ношения гривен в составе «вождеского» убора восходит к традициям центрально- и восточноевропейского Барбарикума. Для позднеримского времени можно назвать уже упоминавшееся погребение в Острованах/Остропатаке (Prohászka 2006: Taf. 14, 2). В сарматской степи могилы вождей с золотыми гривнами известны со времен Римской империи (см., например: Istvánovits, Kulcsár 2017: fig. 102).

В Барбарикуме золотые гривны различных типов в эпоху Великого переселения народов чаще всего находят в мужских погребениях, хотя существуют и некоторые исключения (Tejral 2011: 195–199; Loskotová 2012: 192–194). Такие торки присутствуют только в привилегированных захоронениях, часто вместе с парадными мечами и богатым конским снаряжением. Для гуннского периода (последняя треть IV — первая половина V в.) можно привести следующие захоронения: Вольфсхайм (Wolfsheim) на Рейне (рис. 4, 3), Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn) на Дунае (рис. 4, 2), Бржиза (Bríza) в Чехии (рис. 4, 4), Кестхей — Цигелей (Keszthely — Ziegelei) в Западной Венгрии (Germanen... 1987: 181, Cat. III.50.a, Taf. 10; Tejral 2011: Abb. 102, 1), Обоянь — Паники на Днепровском Левобережье (Kazanski, Mastykova 2016: 85, fig. 3, 2) или Концешти (Concești) в румынской Молдове (Фурасьев, Шаблавина 2019: 122–125, ил. 97–99). Эти захоронения принадлежат оседлым

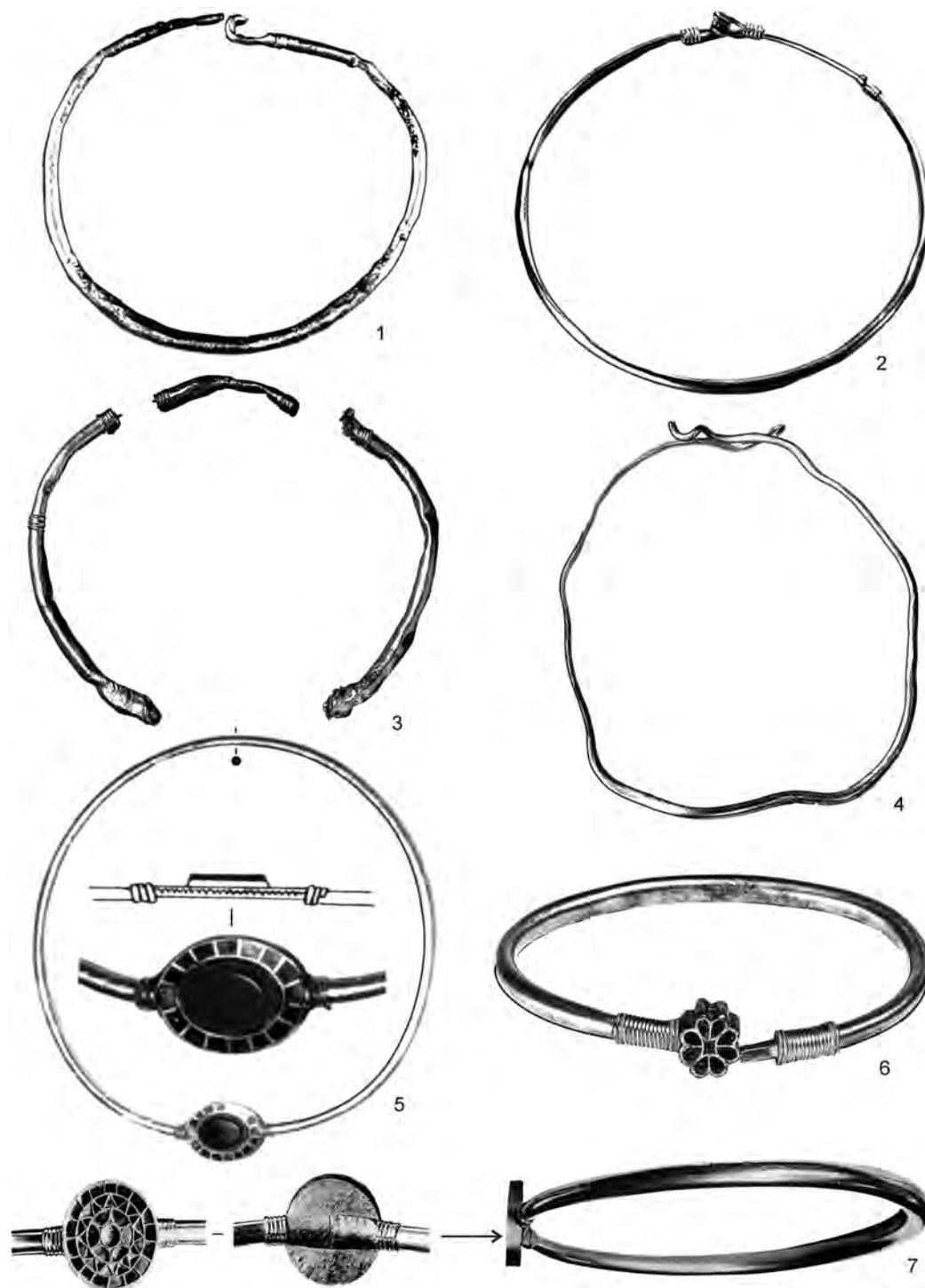

Рис. 4. Привны гуннского периода из Барбарикума: 1 — Сегед-Надьшекшош (по: Koch 2007: 59); 2 — Унтерзибенбрунн (по: L'Or des princes barbares 2000: cat. No. 9.1); 3 — Вольфсхайм (Ibid.: cat. No. 8.1); 4 — Бржиза (Ibid.: cat. No. 15.1); 5 — Клин-Яр (по: Мастыкова 2007: рис. 7); 6 — Вроцлав — Рендзин (Там же: рис. 8); 7 — Большой Каменец (Там же: рис. 9). 1-6 — золото; 7 — бронза, золото

Fig. 4. Torcs of the Hun period from Barbaricum: 1 — Szeged-Nagyszéksós (after: Koch 2007: 59); 2 — Untersiebenbrunn (after: L'Or des princes barbares 2000: cat. No. 9.1); 3 — Wolfsheim (Ibid.: cat. No. 8.1); 4 — Bržiza (Ibid.: cat. No. 15.1); 5 — Klin-Yar (after: Мастыкова 2007: рис. 7); 6 — Wrocław — Redzin (Ibid.: рис. 8); 7 — Bolshoi Kamenetz (Ibid.: рис. 9). 1-6 — gold; 7 — bronze, gold

варварам, скорее всего, германцам. Такая же атрибуция предлагается для сокровища Петросса/Петроаса (Pietroasa) в Румынии, где была обнаружена золотая гривна (Harhoiu 1998: Taf. XXI).

В то же время золотые гривны широко представлены в захоронениях гуннских вождей. Они были обнаружены на Нижнем Днепре в Новой Маячке и Алешках-Кучугурах, а также в крымском погребении Совхоз Калинина (Засецкая 1994: табл. 22, 16) и на Венгерской равнине в поминальнике в Сегеде-Надьшекшоше (Szeged-Nagyszéksós) (рис. 4, 1) (Alföldi 1932: Taf. XVII, 20). Принимая во внимание все эти открытия, можно предположить, что гривна из «вождеского» погребения в Пуан отражает традиции Центральной и Восточной Европы.

Следует отметить, что в эпоху Великого переселения народов в Барбарикуме гривны носили также женщины и дети. В качестве примеров можно привести женские захоронения в Харватах (Charváty) в Моравии (Tejral 2011: Abb. 95, 148; Loskotová 2012: fig. 3) и в Керчи — погребение 1903 г. в саду Тумковского (Засецкая 2024: № 280), а также детские захоронения 2 и 7 в керченском склепе 165, обнаруженном в 1904 г. (Там же: № 216, 233).

* * *

В заключение еще раз подчеркнем, что инсигнии варварской правящей элиты в раннемеровингское время имеют как римское (фибулы, именные перстни), так и «варварское» (браслеты, гривны) происхождение. Эта двойственность, несомненно, соответствует особому статусу вождей, с одной стороны, интегрированных в римскую иерархию, с другой — сохраняющих функции власти у своего народа. В погребении Пуан, где найден золотой торк, насколько можно судить по сохранившейся части сопровождающих вещей, не обнаружено Т-образной фибулы. Может быть, эти два предмета должны были демонстрировать два разных статуса: один, образно выражаясь, «гражданский», связанный с функциями римского чиновника (фибула), другой, вероятно, чисто военный (гривна)?

Литература

- Вернер 2013 — Вернер И. Золотой браслет короля франков Хильдерика и германские браслеты поздне-римского времени (с приложением работы Людвиг Паули) // *Stratum plus*. 2013. № 4. С. 315–348.
- Засецкая 1994 — Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в.). СПб.: Эллипс, 1994. 223 с.
- Засецкая 2024 — Засецкая И. П. Боспорский некрополь эпохи Великого переселения народов. Последняя четверть IV — начало VII века: Каталог коллекции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2024. 376 с.
- Мастыкова 2007 — Мастыкова А. В. Гривна из могильника Клин-Яр и возможности выделения привилегированных женских погребений эпохи Великого переселения народов в Центральном Предкавказье // Козенкова В. И., Малашев В. Ю. (ред.). Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сб. памяти М. П. Абрамовой. М.: ИА РАН; ТАУС, 2007. С. 472–490.
- Фурасьев, Шаблавина 2019 — Фурасьев А. Г., Шаблавина Е. А. Концешти. Княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб.: Изд-во ГЭ, 2019. 244 с.
- Alföldi 1932 — Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1932. 90 S.
- Bierbrauer 1989 — Bierbrauer V. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Mittelalters // Kmieciński J. (ed.). Peregrinatio Gothica. Archaeologia Baltica. T. 8. Łódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 1989. S. 39–106.
- Böhme 1974 — Böhme H. W. Germanische Grabfunde des 4. Bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. München: C. H. Bech'she Verlagsbuchhandlung, 1974. T. 1 — Text, 384 S., T. 2 — Tafeln, 147 Taf., 19 Fundkarten.
- Christlein 1973 — Christlein R. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 1973. Jg. 20. S. 147–180.

- Das Grab... 2015 — Quast D. (Hrsg.). Das Grab des fränkischen Königs Childerich in Tournai und die Anastasias Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus den Jahre 1655. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2015. 518 S.
- Donat 1989 — *Donat P.* Die Adelsgraber von Grossorner und Stössen und das Problem der Qualitätsgruppe D merowingerzeitlicher Grabsausstattungen // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte*. 1989. 72. S. 185–204.
- Germanen... 1987 — Menghin W., Springer T., Wamers E. (Hrsg.). Germanen, Hunnen, Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. München: Germanisches Nationalmuseum, 1987. 636 S.
- Grabar 1966 — *Grabar A.* L'Age d'Or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam. Paris: Gallimard, 1966. 416 p.
- Harhoiu 1998 — *Harhoiu R.* Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică, 1998. 268 S.
- Istvánovits, Kulcsár 2017 — *Istvánovits E., Kulcsár V.* Sarmatians. History and Archaeology of a Forgotten People. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2017. 492 p.
- James 1988 — *James E.* Chiléric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons // *Revue Archéologique de Picardie*. 1988. No. 3–4. P. 9–12.
- Kazanski, Mastykova 2016 — *Kazanski M., Mastykova A.* «Princely» finds and power centers in Eastern European Barbaricum in the Hunnic time // Geisler H. (Hrsg.). *Wandel durch Migration?* Buchenbach: Verlag Dr. Faustus, 2016. S. 85–103.
- Koch 2007 — *Koch A.* (Hrsg.). Attila und die Hunnen. Speyer; Stuttgart: Historisches Museum der Pfalz Speyer; Konrad Theiss Verlag GmbH, 2007. 392 S.
- Loskotová 2012 — *Loskotová Z.* An early 5th century skeleton grave with gold neck-ring from Charvátý (Moravia) // Ivanišević V., Kazanski M. (dir.). *The Pontic — Danubian Realm in the Period of the Great Migration*. Paris; Belgrade: Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2012. P. 189–206.
- Mráv 2015 — *Mráv Z.* Maniakion — the Golden Torc in Late Roman Army and Early Byzantine Army // Vida T. (dir.). *Romania Gothica II. The Frontier World Romans, Barbarians and Military Culture*. Budapest: Institute of Archaeological Science at the Eotvos Lorand University, 2015. P. 287–304.
- Odenweller 2022 — *Odenweller M.* Siegelringe der Merowingerzeit: Klassifizierung und Ikonographie // Auenmüller J., Moustakis N. (Hrsg.). *Gesiegelt — Versiegelt — Entsiegelt. Studien zum Siegel(n) als Kulturtechnik von der Antike bis zum frühen Mittelalter*. Münster: Zaphon, 2022. S. 273–294.
- L'Or des princes barbares 2000 — *L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C.* Paris: Réunion des musées nationaux, 2000. 224 p.
- Prohászka 2006 — *Prohászka P.* Das vandalische Königsgrab von Osztrópataka (Ostrovany, SK). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2006. 124 S.
- Prtöttel 1988 — *Prtöttel P. M.* Zur Chronologie der Zweibelknopffibeln // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 1988. Jg. 35/1. S. 347–372.
- Steuer 1987 — *Steuer H.* Helm und Ringschwert. Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger // *Studien zur Sachsenforschung*. 1987. Bd. 6. S. 190–236.
- Quast 2009 — *Quast D.* “Wanderer zwischen den Welten”. Die germanischer Prunkgräber von Stráže und Zakrzów. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2009. 64 S.
- Tejral 2011 — *Tejral J.* Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011. 466 S.
- Tejral 2020 — *Tejral J.* The Princely Grave at Blučina (Morava, CZ) and the Posthunnian Elite Warrior Burials from the Middle Danube Region // Kazanski M., Périn P. (dir.). *Autour du règne de Clovis. Les grands dans l'Europe du Haut Moyen Âge. Histoire et archéologie*. Caen: Association française d'archéologie mérovingienne, 2020. P. 252–305.
- Tihelka 1963 — *Tihelka K.* Knížecí hrob z období stáhování národů u Blučiny, okr. Brno-Venkov // *Památky archeologické*. 1963. T. 54. S. 467–498.
- Von Rummel 2008 — *Von Rummel P.* Ambrosius, Julianus Valens und die “gotische Kleidung”. Eine Schlüsselstelle historisch-archaologischer Interpretation // Brather S. (Hrsg.). *Zwischen Spätantike und Frühmittelalter*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. S. 45–64.

- Walter 2001 — *Walter C.* The Maniakion or Torc in Byzantine Tradition // *Revue des études byzantines*. 2001. T. 59. P. 179–192.
- Werner 1956 — *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. 138 S.
- Werner 1967–1968 — *Werner J.* Namensring und Siegelring aus dem gepidischen Grabfund von Apahida (Siebenbürgen) // *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. 1967–1968. Bd. 9. S. 120–123.
- Werner 1980 — *Werner J.* Der goldene Armring der Frankenkönigs Childerich und die germanische Handgelegenkrige der jüngeren Kaiserzeit // *Frühmittelalterliche Studien*. 1980. Bd. 14. S. 1–49.

TORCS — “CHIEFLY” INSIGNIA IN THE ROMAN-GERMAN WEST AND IN CENTRAL EUROPEAN BARBARICUM IN THE EARLY MEROVING TIME

M. M. Kazansky

Keywords: *Great Migration Period, Huns, “chiefly” burials, insignia, torcs*

High-status gold objects (power insignia), such as massive bracelets with broadening ends (Fig. 1, 1, 2, 4, 5), T-shaped fibulas of Roman officials (Fig. 1, 9–11), signet-rings (Fig. 1, 3, 6–8) and torcs (Fig. 1, 12) were found in a number of “chiefly” burials of the early Meroving period (second half of the V — first third of the VI c.) in the Roman-German West and Central European Barbaricum. The fibulas and signet-rings are certainly of Roman origins, while the bracelets trace back to the “Barbarian” costume traditions. The torcs have prototypes in both Roman Empire (Fig. 3) and Barbaricum (Fig. 2, 1, 4, 5; 4). However, the study of the “princely” attire of the Great Migration Period testifies to the “Barbarian” origins of these insignia.

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ХЕРСОНЕС И НАСЕЛЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА: СИСТЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ. ИСТОРИЯ И ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ¹

С. В. УШАКОВ²

Ключевые слова: *Херсонес Таврический IV–VI вв., Юго-Западный Крым, варвары, археологические материалы.*

Проблема изучения взаимоотношений позднеантичного (ранневизантийского) Херсонеса IV–VI вв. с варварской периферией нашла свое отражение в работах А. Л. Якобсона, Г. Д. Белова, А. Н. Щеглова, В. М. Зубаря, В. И. Кадеева, С. Б. Сорочана. За последние годы А. И. Айбабиным, М. М. Казанским, А. В. Мастыковой и другими авторами представлен новый археологический материал, связанный с германской традицией, а также аланами и гуннами. Имеются и не опубликованные ранее материалы из раскопок Херсонеса. Указанная проблема требует дальнейшего изучения, так как именно этот позднеантичный город стал форпостом Восточной Римской империи и ее составной частью, оказав существенное влияние на варварскую периферию, причем варвары в небольшом числе проживали и в городе.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-87-98

Проблема изучения системы взаимоотношений позднеантичного (ранневизантийского) Херсонеса IV–VI вв. с варварской периферией не нова (кратко см.: Ушаков, Матросов 2020), но к ней, во-первых, давно не обращались, во-вторых, за последние годы получен новый археологический материал. При этом письменные источники и эпиграфика до сего дня ничем существенным не пополнились.

Позднеантичный Херсонес в хронологических рамках второй половины IV — VI в. в научной литературе освещен незначительно, проблема его взаимоотношений с окрестным варварским населением разработана в малой степени. Это указывает на актуальность темы и необходимость рассмотрения историографии вопроса и основных проблем его изучения. При этом проблемы финальной стадии античной истории Северного Причерноморья в целом нашли свое отражение в литературе³. Автор настоящей статьи на одной из прошедших научных конференций «Боспорский феномен» на примере трех основных центров Северного Причерноморья — Ольвии, Херсонеса и Боспора — на археологическом материале охарактеризовал историческую ситуацию для каждого из них (Ушаков 2018).

Что касается хронологии и периодизации истории непосредственно Херсонеса Таврического, то к ним обращались многие авторы. В опубликованной несколько лет назад статье я попытался обобщить все связанные с этой проблемой материалы и представил

¹ Работа подготовлена в рамках реализации плановой темы Института археологии Крыма РАН «Варварские сообщества Крыма в раннем железном веке: эволюция и трансформация».

² Институт археологии Крыма РАН, Симферополь.

© Ушаков С. В., 2025

³ Для Боспора Киммерийского см., например, работу Н. Н. Болгова (2009).

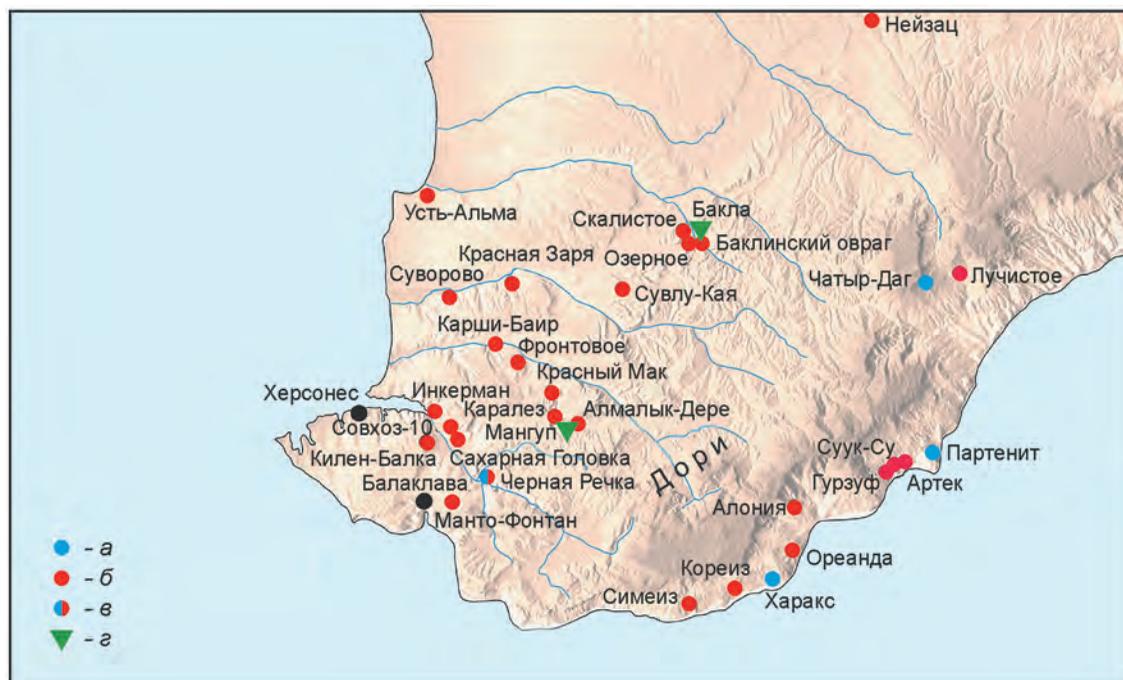

Рис. 1. Юго-Западный Крым в позднеантичную эпоху (по: Айбабин, Хайрединова 2017: рис. 2, с дополнением автора)

Fig. 1. Southwestern Crimea in the Late Antique time (after: Айбабин, Хайрединова 2017: рис. 2, modified by the author)

хронологическую шкалу Херсонеса (Ушаков 2020: рис. 1). Позднеантичный этап укладывается в два или, скорее, три хронологических периода: 1) начальный, начало / первая половина IV в.; 2) основной, примерно с середины IV до середины / последней трети VI в.; 3) завершающий, до начала (или 40-х гг.) VII в.

Именно позднеантичным (в целом) периодом заканчивается долгая, почти тысячелетняя история античного Херсонеса Таврического (как системы политической и социальной организации, экономики и культуры). Вместе с тем он и ранневизантийский период, так как с него начинается новая эпоха (и не только христианская). На самом деле это название хотя и привычное, но в определенной степени условное. Период также соответствует эпохе Великого переселения народов (или Великих миграций, как ее называют в западной научной традиции), а это не что иное, как еще один взгляд на ту же самую эпоху, только как бы с точки зрения варваров.

Еще одна важная проблема — определение территориальных границ Юго-Западного Крыма. Довольно часто в его границы не включают либо Южный берег полуострова, либо его центральную часть, либо ограничиваются Херсонесом (Херсоном) и его прилегающей территорией. К рассмотрению этого вопроса неоднократно обращался О. В. Шаров (2019), однако в итоге он присоединился к определению Юго-Западного Крыма (Ушаков 2010: 10, рис. 5, 6), восходящему к его природно-географической характеристике (Подгородецкий 1988: 156–168, рис. 8). Рассматривая все возможные варианты, следует сделать вывод, что правильнее всего говорить о Юго-Западном Крыме как регионе не только в узком значении слова, но и в расширенном, включающем Южный берег полуострова и его условную центральную часть (рис. 1).

Если определять время зарождения современного этапа в исследовании взаимоотношений позднеантичного Херсонеса и населения Юго-Западного Крыма, то нужно говорить об этом применительно к послевоенному периоду (после 1945 г.). Именно тогда развернулась масштабная деятельность археологических экспедиций, а позднее последовала и

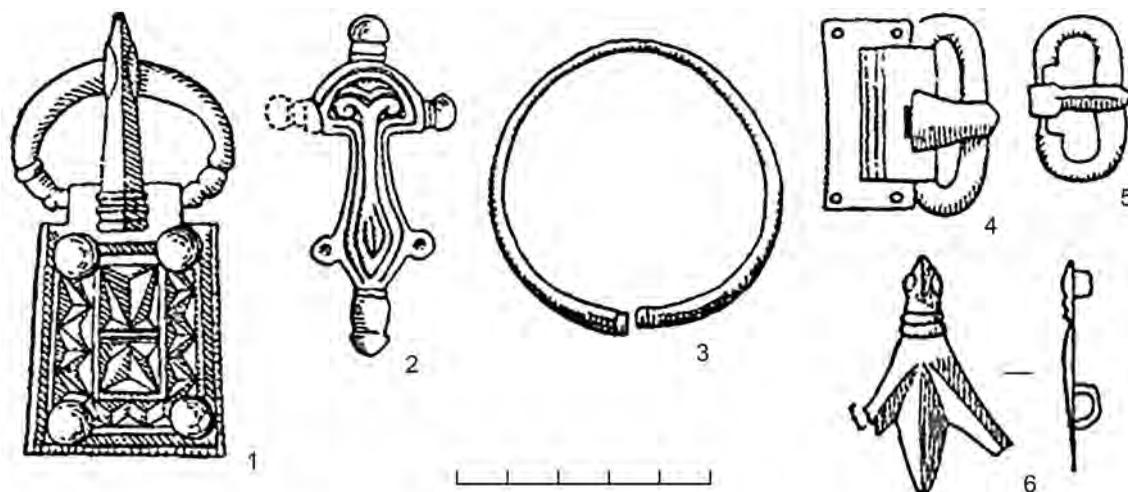

Рис. 2. Херсонес, комплекс вещей из склепа № 14 раскопок 1914 г. (по: Якобсон 1959: рис. 134): 1, 4, 5 — пряжки; 2 — фибула; 3 — браслетик; 6 — застежка. 1 — серебро; 2 — серебро с позолотой; 3–6 — бронза

Fig. 2. Chersonesus, inventory of vault No. 14, excavations of 1914 (after: Якобсон 1959: рис. 134): 1, 4, 5 — buckles; 2 — fibula; 3 — bracelet; 6 — clasp. 1 — silver; 2 — gilded silver; 3–6 — bronze

публикация материалов этих исследований. Чуть позже появились работы с систематическим изложением позднеантичной (ранневизантийской) истории и археологии региона, как, например, книга А. Л. Якобсона «Раннесредневековый Херсонес» (Якобсон 1959). В ней автор рассматривал Херсонес в IV и V–VI вв. как центр земледельческого района, где велись торговые операции, и одновременно как опорный пункт Империи, который удерживал в зависимости окрестное население и возводил крепости, в том числе на Мангупе (Там же: 20–25). Кроме того, рассматривая вещевой инвентарь из херсонесского некрополя V–VI вв., ленинградский археолог представил комплексы вещей из склепов и отдельные предметы (пряжки, фибулы, щитки, серьги, браслеты) (рис. 2–4), аналогичные находкам из погребений Юго-Западного Крыма, Боспора, Северного Кавказа (Там же: 267–274, 277–281, рис. 134–138, 141, 143, 144). При этом он отметил резкие различия в составе погребального инвентаря поселений Южной Таврики (и Северного Кавказа) и раннесредневекового Херсона, считая, что эти различия обуславливались причинами как социального, так и этнического характера (Там же: 281).

Археологи-античники вопросы взаимоотношений Херсонеса (Херсона) с варварами позднеантичного времени почти не затрагивали. Так, Г. Д. Белов только на последней странице своей книги «Херсонес Таврический» (1948) в двух строках упомянул о разрушении Херсонеса, не говоря о том, кто был виновником этого (Там же: 133). Значительно позднее А. Н. Щеглов также в обобщающей работе лишь отметил со ссылкой на В. М. Зубаря проникновение в Херсонес сармато-алан с их подбойными могилами в III–IV вв. (Щеглов 1984: 52).

Причем сам В. М. Зубарь писал об этом более подробно, в монографии (Зубарь 1982: 118) и серии статей, отмечая также отдельные элементы сарматского погребального обряда, наблюдаемого в некрополе Херсонеса, в том числе деформированные черепа (Зубарь 1987: 85), а также погребения с конем (Там же: 93). Общее количество захоронений с сарматскими чертами в городском некрополе по его подсчетам было невелико — всего 168 (по другим подсчетам — 169) из почти 2000 могил (Зубарь 1982: 118; 1987: 98). Кроме того, автор отметил наличие варварских элементов среди погребального инвентаря — антропоморфных и топоровидных подвесок из металла, указав, что датировать их точно не представляется возможным (Там же: 101–103, рис. 66–69). Согласно его представлениям, экономические контакты местного населения с Херсонесом были достаточно развиты, что

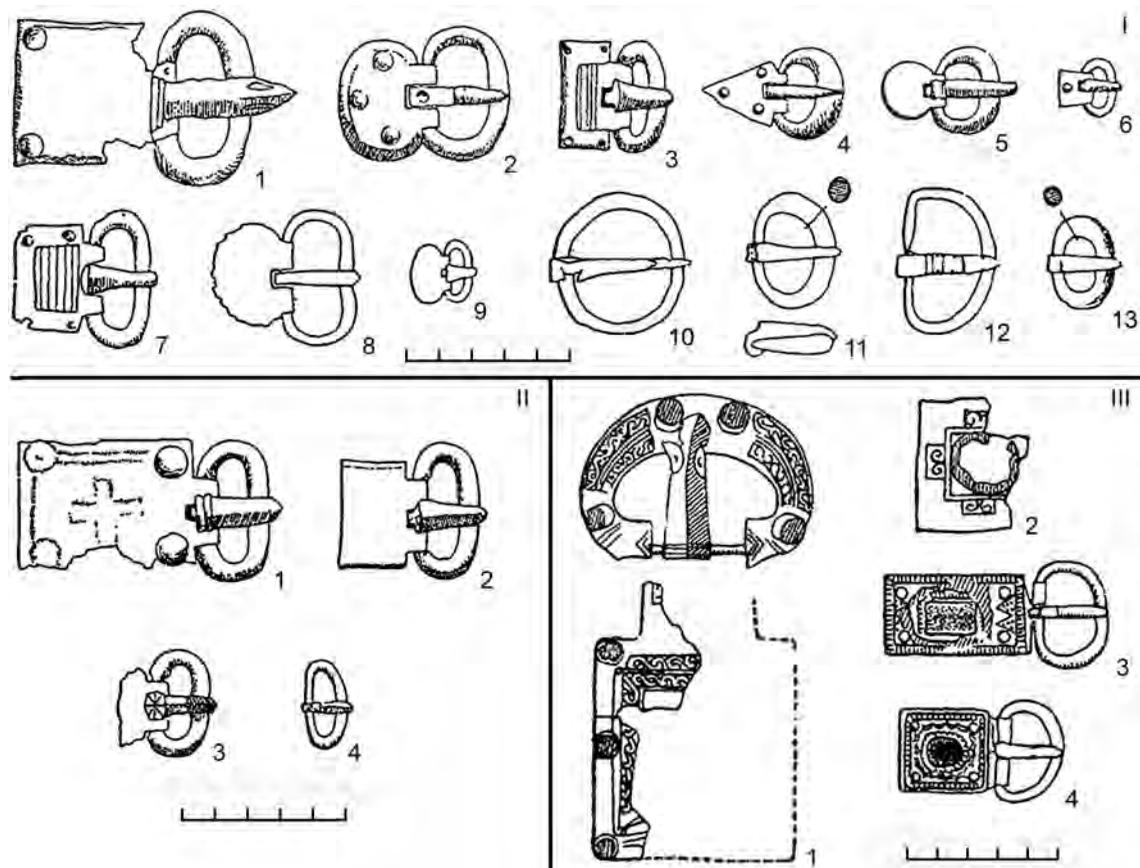

Рис. 3. Херсонес, пряжки: I (по: Якобсон 1959: рис. 135), бронза; II — комплекс из склепа А раскопок 1909 г.(?) в юго-восточном углу скотного двора (по: Там же: рис. 136), 1, 3, 4 — медь; 2 — серебро; III — пряжки (по: Там же: рис. 138), 1, 2 — бронза, 3, 4 — железо с обкладкой серебряной пластинкой и штампованным орнаментом

Fig. 3. Chersonesus, buckles: I (after: Якобсон 1959: рис. 135), bronze; II — inventory of vault A, excavations of 1909 (?), southeastern corner of the stockyard (Ibid.: рис. 136), 1, 3, 4 — copper; 2 — silver; III — buckles (Ibid.: рис. 138), 1, 2 — bronze, 3, 4 — iron encased in silver with stamped pattern

нашло выражение в интенсивности херсонесского импорта в Юго-Западном Крыму (Зубарь 1993: рис. 31, 32). А так как, по его мнению, между ними отсутствовали столкновения (по крайней мере, об этом молчат все источники) (Зубарь 2009: 203), то Херсонес, вероятно, должным образом контролировал этнически неоднородное население (Там же: 270, 271). Наличие монетных кладов позволяет (по несколько парадоксальному заключению автора) сделать вывод о мирных отношениях и после гуннского вторжения, когда жизнь в городе стабилизировалась, а также и после того, как миновала тюркская угроза (Там же: 276).

Эти и другие проблемы нашли свое отражение в книге под его редакцией «Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.» (2004), прежде всего в последнем (по хронологии) разделе. Также В. М. Зубарь, опираясь на весь тогдашний массив историографии, обращался к ним в монографии «Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху» (Зубарь 2004). Что касается некоторых частных вопросов, то, с его точки зрения, нельзя согласиться с распространенным в литературе определением варваров как федератов (Херсонес Таврический... 2004: 498, 499) из-за того, что оно отсутствует в источниках, а с VI в. у Прокопия Кесарийского появляется термин «эспонды» (εἰσπρονδοί) (Procop. De aed. 3, 13) как название варваров, заключивших союз с Империей (Зубарь 2004: 204). При этом автор присоединяется ко многим положениям, высказанным другими исследователями, например, к тому, что в результате «скифских войн» произошел отток населения

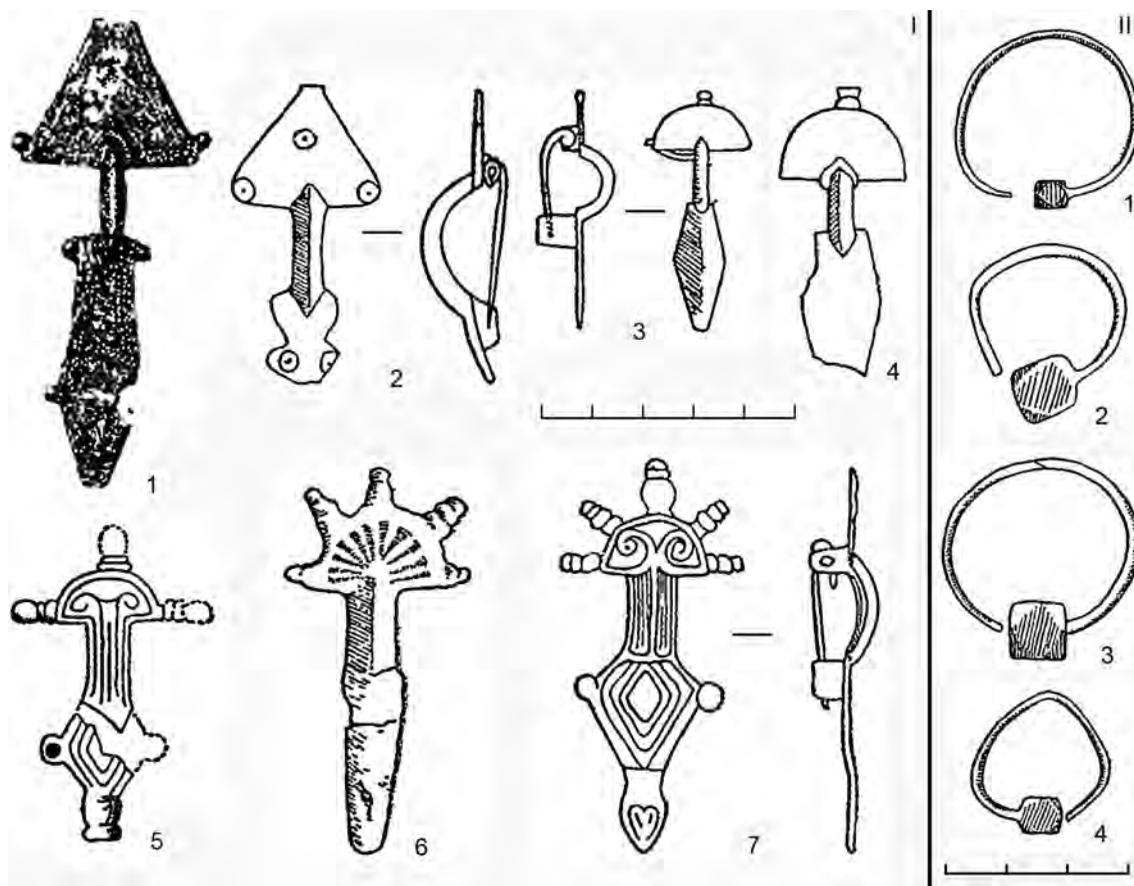

Рис. 4. Херсонес: I — фибулы (по: Якобсон 1959: рис. 137), 1-3 — бронза, 4-7 — серебро;
 II — кольца с многогранниками («медные серьги с гранчатой бусиной») (по: Там же: рис. 143)
 Fig. 4. Chersonesus: I — fibulas (after: Якобсон 1959: рис. 137), 1-3 — bronze, 4-7 — silver;
 II — rings with polyhedrons (“copper earrings with faceted beads”) (Ibid.: рис. 143)

из предгорий в горные районы, в связи с чем сократились поставки сельскохозяйственной продукции в Херсонес (Там же: 205). Несколько страниц уделяется и гуннскому нашествию (Херсонес Таврический... 2004: 517, 518), которое в начале последней четверти IV в. для античных городов (и Херсонеса в том числе) отнюдь не было катастрофическим. Гунны появились в Юго-Западном и Центральном Крыму на рубеже IV-V вв. (Зубарь 2004: 214); причем некоторые предметы кочевников (или всадников) (например, костяная подпружная пряжка) были обнаружены в городском некрополе (Зубарь и др. 1988: 160, 161, рис. 9, 6; Зубарь 2006: 81). Здесь стоит отметить, что анализ просопографии Херсонеса, проведенный ранее В. И. Кадевым, позволяет говорить о крайне незначительной доле варваров в составе его населения (4 % варварских имен из общего числа несколько более 400) (Каде-ев 1981: 87; Зубарь 1987: 99).

В. М. Зубарь и его соавторы также неоднократно обращались к рассмотрению характера и принадлежности так называемых круглых построек, обнаруженных на ближней хоре Херсонеса (Херсонес Таврический... 2004: 548, рис. 268; Зубарь 2004: 215, 216; 2006), доказывая, что некоторые из них являются каменными основаниями юрт, оставленных там гуннами, отношения с которыми у Херсонеса были вполне мирными, а гуннские миграции в Крым в целом обусловили изменения экономики Херсонеса, что выразилось в прекращении функционирования наделов на Гераклеяском полуострове (Зубарь 2004: 215, 216).

В. И. Кадеев и С. Б. Сорочан рассмотрели (по археологическим данным) и торговлю Херсонеса с местным населением Юго-Западной Таврики, куда в V-VI вв. по торговым

путям поступали амфоры, краснолаковая керамика, фибулы и другие предметы (Кадеев, Сорочан 1989: 80–89, рис. 38). Нашествие гуннов прервало эти связи.

Подробно, но отдельно представлял население Юго-Западного Крыма и Херсонеса (Херсона) в III–V вв. А. И. Айбабин в двух своих монографиях, посвященных хронологии и этнической истории Крыма (Айбабин 1990: 4–86; 1999), а также в «Археологии Крыма и Кавказа» (серийное издание 2003 г.) (Айбабин 2003а: 16–26, табл. 19, 20). Автор рассматривает варваров через призму хронологии их погребальных памятников, отмечая, что в них представлены амфоры, керамические и стеклянные сосуды из античных центров и металлическая бижутерия (Там же: 22). А. И. Айбабин также отмечает, что Херсонес (Херсон) становится главным торговым партнером Юго-Западного Крыма (страны Дори) (Айбабин 2003б: 50), ссылаясь при этом на работу А. Л. Якобсона (1959: 20, 31, 32). В городе производили большие пряжки с крестами по средиземноморским образцам, но по форме и конструкции язычка и щитка они были близки германским; подобные встречены и в Горном Крыму (Айбабин 2003б: 50, табл. 19, 8; 2010: ил. 8). В своих основных работах А. И. Айбабин собрал многочисленные примеры аналогичных находок металлической бижутерии — фибул и пряжек, обнаруженных как на варварских памятниках, так и в Херсонесе (на его некрополе и городище).

Подобные предметы варварского круга были выделены И. О. Гавритухиным при публикации находок из херсонесской цистерны П/1967 (Гавритухин 2002: рис. 1–4). На это стоит обратить внимание, так как в самом Херсонесе, как на городском некрополе, так и на городище, а также в могильниках Юго-Западного Крыма, действительно, довольно часто фиксируются вещи, связанные с варварами (прежде всего речь идет о фибулах и пряжках). М. М. Казанский выделил в Херсонесе разнообразные предметы, соотносящиеся с германской традицией черняховской культуры, района Среднего Дуная (костяные гребни, двупластинчатые, трех- и пятипальчатые фибулы, пряжки, браслеты и др.), а также с аланами и гуннами (Kazanski 1998: fig. 1–7). Он отмечает, что лица, которым принадлежали варварские предметы, были похоронены в Херсонесе по греческим обычаям, и в убранстве их гробниц присутствует немалое количество греко-римских предметов. Эти варвары могли быть частью имперских войск, дислоцированных в городе, а количество женских вещей показывает, что германских или аланских воинов сопровождали их семьи (Kazanski 1998: 343). К этим предметам М. М. Казанский и А. В. Мастыкова неоднократно обращались и позже (Казанский 2006: рис. 1, 15–19; 2, 5; 3, 9, 12, 18–20; 5, 4, 5, 6–11, 21; 6, 1–5; Казанский, Мастыкова 2017; Мастыкова 2017: рис. 1) (рис. 5).

Из последних до сих пор неопубликованных металлических вещей варварского круга, обнаруженных на городище Херсонеса (некоторые происходят из городских слоев, но большинство — из заполнений цистерн и колодцев), можно упомянуть материалы из Северо-Восточного района городища, где были найдены бронзовые кольцо-колт с многогранником, фрагментированные фибулы, копоушка, подвески в виде «пляшущего человечка», топорики (рис. 6).

Также следует упомянуть и керамические материалы. В могильниках Юго-Западного Крыма исследователями обнаружена целая серия амфор позднеантичного времени (напр.: Айбабин 2024: рис. 1). Автором настоящей статьи в ходе краткого предварительного обзора погребений с амфорами было учтено 43 целых или археологически целых сосудов. В результате стало ясно, что в погребальных комплексах IV в. с ингумацией использовались почти исключительно светлоглиняные узкогорлые амфоры типа F, в кремациях — амфоры мирмекийского типа (единичные находки). В V в. в погребениях появляются амфоры Зеест-95, Делакеу, V типа (по: Антонова и др. 1971: 85), реже фиксируются тарные сосуды других типов — Ягнятин и пр. В развитом VI в. амфор в погребениях практически нет. При сравнении с материалами из слоев поселений и городищ бросается в глаза крайнее однообразие амфорной тары из некрополей Юго-Западного Крыма. Вероятно, при совершении погребений варвары проводили отбор амфорной тары, отдавая предпочтение поступавшей, вероятно, из Херсонеса (Ушаков 2017).

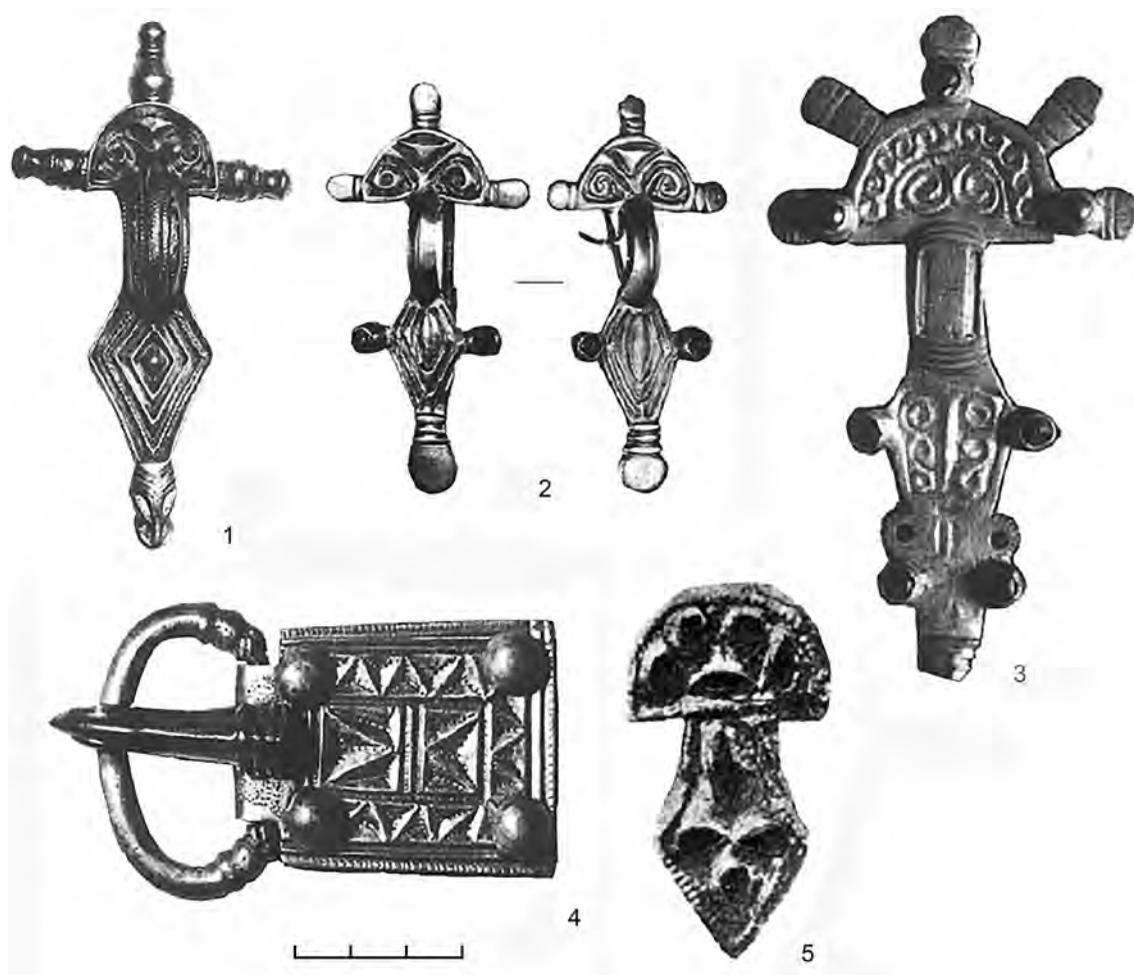

Рис. 5. Херсонес, вещи восточногерманской традиции (по: Мастыкова 2017: рис. 1):
1, 3 — Херсонесский музей; 2 — погр. 3, 1974 г.; 4 — погр. 14, 1914 г.; 5 — погр. 2266, 1907 г.
1, 4 — серебро; 2, 3 — серебро, альмандин; 5 — бронза, серебро, альмандин

Fig. 5. Chersonesus, things of the East German tradition (after: Мастыкова 2017: рис. 1):
1, 3 — Chersonesus Museum; 2 — burial 3, 1974; 4 — burial 14, 1914; 5 — burial 2266, 1907.
1, 4 — silver; 2, 3 — silver, almandine; 5 — bronze, silver, almandine

Краснолаковая керамика в этих некрополях также встречается довольно часто. В качестве «типичного» могильника с краснолаковой керамикой можно назвать Карши-Баир близ станции Верхнесадовое (Ушаков 2024а: рис. 5). Из последних находок отмечу миски, тарелки и кувшины из могильника Фронтное-3 (Суханов и др. 2021). Позднейшие по времени комплексы занимают его юго-восточный край и датируются концом IV — началом V в. (Там же: 443). Наиболее массовой здесь является посуда понтийской позднеримской группы. Подробный каталог краснолаковых блюд IV–V вв. из раскопок городищ Крыма, а также некрополей был приведен в недавней монографии К. Домжальского (Domžalski 2021). Велика вероятность, что они поступали также из Херсонеса.

Значительно меньше фиксировалось в некрополях краснолаковой керамики из Фокеи, проблематично выделение немногочисленной африканской сигиллаты. Судя по публикациям, в варварских некрополях, вероятно, достаточно много керамики и херсонесского производства (подробнее см.: Ушаков 2019: 74, 75), что, впрочем, требует специального дополнительного рассмотрения. В целом характер краснолаковой керамики из могильников вполне сопоставим с аналогичным материалом из раскопок Херсонеса (ср.: Ушаков 2024б).

Рис. 6. Херсонесское городище, северо-восточный район: 1 — кольцо с многогранником (2011 г., базилика Крузе, кв. Пв, цистерна); 2 — топорovidная подвеска (2012 г., базилика Крузе, цистерна); 3 — фрагмент фибулы (1984 г., VI квартал, пом. 2); 4 — фибула (2015 г., квартал XCVII, пом. 22, римский слой); 5 — фрагмент фибулы (2010 г., базилика Крузе, кв. ПШв, слой 3); 6 — антропоморфная подвеска (2008 г., базилика Крузе, кв. IVв, под стенкой в римском слое); 7 — копоушка (2003 г., XCVII квартал, цистерна в центре двора). 1-3, 5-7 — бронза; 4 — железо. Публикуются впервые

Fig. 6. Chersonesus, north-eastern area: 1 — ring with a polyhedron (2011, Basilica Cruze, quarter Пв, cistern); 2 — axe-shaped pendant (2012, Basilica Cruze, cistern); 3 — fibula fragment (1984, quarter VI, room 2); 4 — fibula (2015, quarter XCVII, room 22, Roman layer); 5 — fibula fragment (2010, Basilica Cruze, quarter ПШв, layer 3); 6 — anthropomorphic pendant (2008, Basilica Cruze, quarter IVв, Roman layer, under the wall); 7 — ear pick (2003, quarter XCVII, cistern in the middle of the yard). 1-3, 5-7 — bronze; 4 — iron. Published for the first time

Особая тема, имеющая давнюю историографию, — утверждение христианства в Юго-Западном Крыму, религиозным центром которого также был Херсонес, сменивший название на Херсон не позднее V в. Он становится не просто форпостом Восточной Римской империи в регионе, но и, прежде всего, ее составной частью в качестве административной (и церковной) единицы, экономической системы и культуры. Ярким ее проявлением являются расписные христианские склепы херсонесского некрополя (Фомин 2011: 95–113; последняя публикация материалов: Туровский, Филиппенко 2024; там же приведена основная литература).

Возможно, самым ранним хронологически выявленным христианским памятником в Юго-Западном Крыму (за пределами Херсонеса и Гераклейского полуострова, но возникшего, несомненно, под его влиянием) являлся Ай-Тодорский храм. Внимание к нему привлек Ю. Ю. Шевченко. Он сделал следующий вывод: «Судя по размещению в алтарной части храма и купели-баптистерия, и ниши жертвенника, возникновение пещерного храма не выходит за рамки первой трети IV в. н. э., соответствуя существованию института диакона; а время эксплуатации его древнейших литургических устройств лежит в пределах IV–VI столетий» (Шевченко 2008: 164–166; подр.: Шевченко 2014).

В погребениях этой части полуострова довольно много предметов, на основании которых можно говорить о явном влиянии христианства. Это, например, пряжки с крестами на щитках. В некоторых из погребений они сопровождаются фибулами (Казанский 2017: 221–223, рис. 2, 3). К перечню застежек, приводимому автором, можно добавить экземпляр из погребений 2 склепа 2 могильника Карши-Баир I (район Верхнесадового) (Ушаков, Филиппенко 2001: 21, рис. 1; Ушаков 2010: рис. 72, 3). М. М. Казанский обратил внимание на следующее обстоятельство: в византийском Херсоне все погребения с пряжками с крестом являются «бесфибульными», то есть принадлежат, с его точки зрения, исключительно средиземноморской традиции. В то же время в так называемых периферийных некрополях (Лучистом, Суук-Су, возможно, Скалистом и Чуфут-Кале) такие пряжки входят также в состав «германского» костюма (Казанский 2017: рис. 5). В этом случае логичным выглядит вывод, что вещи с христианской символикой распространялись вместе с общей волной романизации/византизации материальной культуры населения этой части Барбарикума (Там же: 226).

К последним работам на указанную тему относится статья А. И. Айбабина, посвященная христианизации крымских аланов и готов (Айбабин 2024). Автор подробно рассматривает письменные источники по этому вопросу (Там же: 56–61). Он посчитал, что германцы в первой половине V в. под влиянием христианства, так же как и жители Херсона, отказались от обряда кремации и переняли у аланов обряд трупоположения в склепах (Айбабин 2015: 318). В погребениях обнаружены амфоры с надписями τρυφία («молодое вино») и εὐλογία («благословение») (Айбабин 2024: 59–61, рис. 1); есть и примеры христианской символики у готов Дори (пряжки с крестами, изображения львов, краснолаковые блюда со штампами в виде крестов) (Там же: 61–63, рис. 2–4). На плато Мангуп и в балке Каралез у его подножия обнаружены два христианских храма, откуда происходят крест, граффити и пр. (Там же: 64, 65, рис. 5, 6). Эти и другие примеры позволяют говорить о формировании здесь в более позднее время общей Херсонской епархии.

Переходя к выводам, следует предположить, что историческое время в эпоху Великого переселения народов (позднеантичное время) изменилось, плотность событий (прежде всего военно-политических) увеличилась, и жившие вблизи Херсонеса варвары уже почти стали частью Империи. Постепенно создавалось единое целостное этнокультурное пространство, захватывавшее северную часть Восточной Римской империи, куда также включался Юго-Западный Крым, да и практически вся Таврика того времени; правда, этот процесс завершился уже несколько позже, за хронологическими рамками позднеантичной эпохи.

В то же время практически все авторы до 1990-х гг., несмотря на привлекаемый ими разнообразный археологический материал, в своих работах не рассматривали Юго-Западный Крым и Херсонес как единую историко-культурную систему. При этом традиционно

все-таки признавалось, что Херсонес (Херсон) V–VI вв. являлся политическим, экономическим, церковным и культурным центром относительно большого района этой части полуострова. Историографическая ситуация стала меняться в конце XX — начале XXI в.

Накопленный материал ставит перед исследователями необходимость поиска решений ряда задач. Первая — комплексный учет всех находок варварского круга в Херсонесе (на городище и некрополе). Вторая — это же нужно сделать относительно находок амфор, краснолаковых сосудов, изделий из стекла и кости, а также других материалов из могильников в Юго-Западном Крыму, которые поступали туда из Херсонеса. Третья — провести сопоставление уточненной хронологии античных и варварских предметов и памятников разного происхождения (с долей условности называемых германскими, аланскими и гуннскими) дальней и ближней округи с учетом новых исследований. В итоге можно будет проанализировать меняющуюся этнокультурную и этнополитическую ситуацию (называемую традиционно не совсем точно демографической) во всем этом регионе Древней Таврики.

Литература

- Айбабин 1990 — *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 4–86, 175–241.
- Айбабин 1999 — *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
- Айбабин 2003а — *Айбабин А. И.* Крым в VI–VIII веках (под властью Византийской империи) // Макарова Т. И., Плетнёва С. А. (отв. ред.). Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М.: Наука, 2003. Гл. 1. С. 10–26.
- Айбабин 2003б — *Айбабин А. И.* Крым в середине III — начале VI века (период миграций) // Там же. Гл. 2. С. 27–52.
- Айбабин 2010 — *Айбабин А. И.* Ранневизантийский Херсонес — Херсон // Византия в контексте мировой культуры: материалы конф., посв. памяти А. В. Банк (1906–1984). СПб.: Изд-во ГЭ, 2010. С. 353–370 (Тр. Гос. Эрмитажа. Т. 51).
- Айбабин 2015 — *Айбабин А. И.* О локализации области Дори // МАИЭТ. 2015. Вып. 20. С. 311–332.
- Айбабин 2024 — *Айбабин А. И.* Христианизация готов и алан в Юго-Западном Крыму в IV–VI вв. // *Stratum plus*. 2024. № 4. С. 55–71.
- Айбабин, Хайрединова 2017 — *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Крымские готы страны Дори (середина III — VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 367 с.
- Антонова и др. 1971 — *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Сб. ст. по истории древнего мира и средних веков. Свердловск, 1971. Вып. 7. С. 81–101 (Ученые записки Уральского ГУ. № 112).
- Белов 1948 — *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Л.: Изд-во ГЭ, 1948. 147 с.
- Болгов 2009 — *Болгов Н. Н.* Поздняя античность: история и культура. Белгород: Изд-во Белгородского ГУ, 2009. 88 с.
- Гавритухин 2002 — *Гавритухин И. О.* Фибулы и ременные гарнитур из цистерны П-1967 в Херсонесе // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 217–228.
- Зубарь 1982 — *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.
- Зубарь 1987 — *Зубарь В. М.* Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры (по материалам некрополя) // Высотская Т. Н. (отв. ред.) и др. Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. — VII в. н. э.: Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 1987. С. 78–105.
- Зубарь 1993 — *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев: Наукова думка, 1993. 140 с.
- Зубарь 2004 — *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев: Шлях, 2004. 312 с.

- Зубарь 2006 — *Зубарь В. М.* Об интерпретации остатков круглых построек на Гераклеяском полуострове // ПИФК. 2006. Вып. 16/1. С. 65–87.
- Зубарь 2009 — *Зубарь В. М.* Из истории экономического развития Херсонеса-Херсона во второй половине I в. до н. э. — VI в. н. э. // Зинько В. Н. (отв. ред.). БИ. 2009. Вып. 21. С. 226–295.
- Зубарь и др. 1988 — *Зубарь В. М., Рыжов С. Г., Шевченко А. В.* Новый погребальный комплекс Западного некрополя Херсонеса Таврического // Анохин В. А. (отв. ред.). Античные древности Северного Причерноморья: Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 1988. С. 148–165.
- Кадеев 1981 — *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища школа; Изд-во при Харьковском ун-те, 1981. 143 с.
- Кадеев, Сорочан 1989 — *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков: Вища школа; Изд-во при Харьковском ГУ, 1989. 134 с.
- Казанский 2006 — *Казанский М. М.* Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху великого переселения народов // Терпиловский Р. В. (гл. ред.). Готы и Рим: Сб. науч. ст. Киев: Изд. дом «Стилос», 2006. С. 26–41.
- Казанский 2017 — *Казанский М. М.* Большие «готские» пряжки с изображением креста у населения Юго-Западного Крыма (вторая половина VI — первая половина VII вв.): о происхождении убора // Мусин А. Е. (отв. ред.), Щеглова О. А. (ред.-сост.). В камне и в бронзе. Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2017. С. 221–226 (Тр. ИИМК РАН. Т. 48).
- Казанский, Мастыкова 2017 — *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Варвары в городе: погребения германцев в городских некрополях Северного Иллирикума в ранневизантийское время // Вестник Волгоградского ГУ. Серия 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». 2017. Т. 22, № 5. С. 227–238.
- Мастыкова 2017 — *Мастыкова А. В.* Женский костюм германского происхождения в погребальном контексте ранневизантийских городов Северного Причерноморья (V–VI вв.) // Там же. С. 20–33.
- Подгородецкий 1988 — *Подгородецкий П. Д.* Крым: природа. Симферополь: Таврия, 1988. 192 с.
- Суханов и др. 2021 — *Суханов Е. В., Гавритухин И. О., Нессель В. А.* Краснолаковая керамика второй половины III — начала V в. из могильника Фронтное 3 // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 441–456.
- Туровский, Филипченко 2024 — *Туровский Е. Я., Филипченко А. А.* Херсонесские склепы с живописной росписью. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2024. 120 с.
- Ушаков 2010 — *Ушаков С. В.* Варвары горной Таврики на рубеже эпох: этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III — середина VI в. н. э.). Опыт реконструкции. Донецк, 2010. 180 с. (Археологический альманах. № 23).
- Ушаков 2017 — *Ушаков С. В.* Амфоры в могильниках Юго-Западного Крыма IV–VI вв. // Сазанов А. В. (ред.). Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России»: Тез. докл. и сообщ. Второй МНК (Севастополь, 19–22 сентября 2017 г.). Севастополь: б. и., 2017. С. 72–74.
- Ушаков 2018 — *Ушаков С. В.* О хронологии позднеантичного Причерноморья: Ольвия, Херсонес и Боспор (археологический аспект) // Зуев В. Ю., Хршановский В. А. (ред.-сост.). Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Мат-лы междунар. конф. СПб.: Изд.-полиграф. центр С.-Петербургского ГУ промышленных технологий и дизайна, 2018. Ч. 2. С. 121–127.
- Ушаков 2019 — *Ушаков С. В.* Позднеантичный Херсонес и варвары Юго-Западного Крыма (по материалам краснолаковой керамики) // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах: Материалы V МНК «Археологические источники и культурогенез». СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 74–77.
- Ушаков 2020 — *Ушаков С. В.* О периодизации и хронологии истории Херсонеса Таврического в до-римскую эпоху и позднеантичный период // Ученые записки Крымского фед. ун-та им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2020. Серия «Исторические науки». Т. 6 (72), № 3. С. 127–148.
- Ушаков 2024a — *Ушаков С. В.* Могильник Карши-Баир в Юго-Западном Крыму (итоги изучения и общая характеристика) // Поволжская археология. 2024. № 2 (48). С. 191–204.
- Ушаков 2024b — *Ушаков С. В.* О характере краснолаковой позднеантичной керамики из раскопок в Северо-Восточном районе Херсонеса // Коваленко А. Н. (отв. ред.). Причерноморье в античное

- и раннесредневековое время. Вып. 3: Сб. науч. тр., посв. памяти проф. В. П. Копылова. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного фед. ун-та, 2024. С. 300–320.
- Ушаков, Матросов 2020 — *Ушаков С. В., Матросов М. А.* Херсонес и Юго-Западный Крым в позднеантичную эпоху: основные итоги и проблемы исследования // Деревянко А. П., Макаров Н. А., Мочалов О. Д. (отв. ред.). Тр. VI (XXII) Всероссийский археологический съезд в Самаре. В 3 т. Т. 2. Самара: Изд-во Самарского гос. социально-педагогического ун-та, 2020. С. 22–23.
- Ушаков, Филиппенко 2001 — *Ушаков С. В., Филиппенко А. А.* Об аланах-христианах в Юго-Западном Крыму (по материалам могильника Карши-Баир) // Бабинов Ю. А. (гл. ред.). Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Сб. науч. тр. по материалам III Крымской междунар. конф. по религиоведению (Севастополь, май 2011 г.). Севастополь: Вебер, 2001. С. 20–24, 216–219.
- Фомин 2011 — *Фомин М. В.* Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков: Коллегиум, 2011. 290 с.
- Херсонес Таврический... 2004 — Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Очерки истории и культуры / Зубарь В. М. (отв. секр.). Харьков: Майдан, 2004. 732 с.
- Шаров 2019 — *Шаров О. В.* Юго-Западный Крым в позднеантичную эпоху: от «готских» походов до «гуннского» нашествия // Шпырко О. А., Хапаев В. В., Рубцова С. И. и др. (ред.). Причерноморье: история, политика, география, культура (Севастополь, 2–4 октября 2019 г.). Сб. материалов XVII МНК «Лазаревские чтения». Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. С. 22–26.
- Шевченко 2008 — *Шевченко Ю. Ю.* Ближневосточные образцы раннесредневекового пещерно-храмового строительства юга Восточной Европы // Бернштам Т. А., Терюков А. И. (отв. ред.). Христианство в регионах мира: Сб. ст. Вып. 2. СПб.: Наука, 2008. С. 151–207.
- Шевченко 2014 — *Шевченко Ю. Ю.* Первый пещерный христианский храм Восточной Европы эпохи первых готских походов III в. н. э. (по материалам пещерного монастыря Чилтер-Коба в Крыму) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. № 6. С. 390–416.
- Щеглов 1984 — *Щеглов А. Н.* Херсонесское государство и Харакс // Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т., Долгоруков В. С. (отв. ред.). Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. Гл. 4. С. 45–57 (Археология СССР).
- Якобсон 1959 — *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 365 с. (МИА. № 63).
- Domżański 2021 — *Domżański K.* Pontic Red Slip Ware: Typology, Chronology and Distribution of a Major Group of Late Roman Fine Pottery in the Black Sea Region. Warsaw, 2021. 221 p. (Bibliotheca Antiqua. Vol. 25).
- Kazanski 1998 — *Kazanski M.* Les Barbares à Chersonèse (Ve–VIe s.) // Balard M. et al. (eds.). Εἰς ψυχία. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. Paris: Publications de la Sorbonne, 1998. Vol. 2. P. 329–344.

LATE ANTIQUE CHERSONESUS AND THE POPULATION OF SOUTHWESTERN CRIMEA: A SYSTEM OF RELATIONSHIPS. HISTORIOGRAPHY AND PERSPECTIVES

S. V. Ushakov

Keywords: *Tauric Chersonesus, IV–VI cc., Southwestern Crimea, barbarians, archaeological materials*

The problem of the study of the web of relationships between the Late Antique (Early Byzantine) Chersonesus of the IV–VI cc. and its barbarian periphery has not yet received consistent treatment in historiography. The works by A. L. Jacobson, G. D. Belov, A. N. Shcheglov, V. M. Zubar', V. I. Kadeev, S. B. Sorochan elucidate some aspects of the subject. In the last few years A. I. Aibabin, M. M. Kazansky, A. V. Mastykova and other researchers presented newly obtained archaeological materials related to the Germanic tradition as well as Alans and Huns. In addition, there are unpublished early materials from the excavations at Chersonesus. The problem Chersonesus–barbarians calls for further study, because this Late Antique city became a part of the East Roman Empire and its outpost that greatly affected the barbarian periphery.

ПУТИ РЕЦЕПЦИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РУСИ: ПОПЫТКИ ОСМЫСЛЕНИЯ (ОТ РАБОТ Н. П. КОНДАКОВА ДО НАШИХ ДНЕЙ)¹

А. А. РОМЕНСКИЙ²

Ключевые слова: Русь, Византия, рецепция культуры, «корсунские древности», князь Владимир Святославич, византийское наследие на Руси.

Статья посвящена исследованию особенностей рецепции византийской культуры на Руси, значению Таврики и Херсона как контактной зоны в процессе аккультурации. Освещается поливариантность механизмов культурного взаимодействия в условиях гетерогенности и самой византийской, и древнерусской культуры. Культурная интеракция Византии и Руси может быть охарактеризована как диалог двух сторон. Отмечены особенности усвоения византийского наследия на Руси, а также сакрализация византийской материальной и духовной культуры, что объясняет отношение к «корсунским» артефактам как к части идеологического дискурса. Вместе с тем русская культура изначально осмысливается как самостоятельная. На примере сюжета о совещании с епископами по вопросу реформы права, внедрения церковного суда прослеживается отношение князя Владимира Святославича к византийскому наследию. Анализируется репрезентация образа князя-крестителя на его монетах. Указаны не получившие развития на Руси элементы византийской традиции. Творческая интерпретация наследия византийской культуры продолжалась на протяжении всей истории русско-византийских отношений.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-99-106

Признанный классик отечественной археологии и искусствоведения Н. П. Кондаков обоснованно критиковал распространенное в XIX в. мнение об ограниченности и примитивности древнерусского искусства, подчеркивая, что преемственность художественных форм византийского искусства в русском не означала слепого повторения и одностороннего заимствования: «передача от одного предшественника к другому преемнику совершалась тоже по своим особливым законам», в рамках которых приобретенное художественное наследие часто получало новый смысл в иной среде (Кондаков 1899: 3). Одним из первых исследователь отметил самостоятельность ряда художественных традиций Древней Руси, а также близость киевских артефактов «с предметами... добываемыми в раскопках Херсонеса»; по его мнению, именно через Крым (а также Кавказ и Поволжье) Русь усваивала «изделия греко-восточной промышленности», поступавшие из Малой Азии и Сирии

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002).

² Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастопольский государственный университет, Севастополь.

© Роменский А. А., 2025

(Кондаков 1899: 12). Особое внимание «архистратиг русской археологии» (Лидов 2024: 51) уделял «корсунским древностям» и их значению в контексте культурной преемственности Византии и Руси (Толстой, Кондаков 1897: 27, 31–34). Последующие разыскания многократно увеличили источниковую базу исследования и наметили новые его аспекты, но вопрос о путях и особенностях рецепции византийской культуры в ее материальном и духовном проявлении на Руси по-прежнему остается актуальным. Целесообразно проследить, как изменялись со временем взгляды специалистов на проблему восприятия византийских культурных парадигм Русью и роль Херсона и Таврики в передаче этого наследия обитателям северных рубежей ромейской ойкумены.

Старая мысль об «истертой колее копирования и подражания», по которой шло переименование сформировавшихся в Византии образцов и артефактов (Буслаев 1908: 9), едва ли может приниматься современными исследователями. По мере накопления материала стала очевидной многовариантность механизмов культурной рецепции: «колей подражания» было несколько, они взаимно пересекались, влияли как друг на друга, так и на формирующуюся собственно русскую традицию, в рамках которой отдельные элементы старой культуры рекомбинировались, приводя к новому качеству. Процесс аккультурации имел особую специфику в «фронтирных», пограничных регионах, на территории «контактных зон» (одной из которых являлась и византийская Юго-Западная Таврика (Болгов 2002: 30, 31; Сорочан и др. 2006: 273, 274): в этом случае обмен культурными особенностями нередко видоизменялся и усложнялся с учетом влияния культур-посредниц (Мусин 2020: 492, 493). Примечательно, что именно на Руси сохранились отдельные архаические черты византийской культуры, утраченные и вытесненные в самой империи (Musin 2010: 12). Как же происходило взаимное влияние византийской и древнерусской культурных моделей?

Прежде чем представить возможные варианты ответа, следует заметить, что и византийская, и древнерусская культура, бесспорно, не были однородными. Д. С. Лихачев различал культуру византийского господствующего класса, на которую преимущественно ориентировалась верхушка древнерусского общества, и низовую, народную культуру Византии, которая в аккультурации непосредственно не участвовала (Лихачев 1952: 122, 123). В. М. Живов пишет о гуманистической и аскетической традициях в Византии, из которых лишь последняя была в какой-то мере усвоена Русью (Живов 2002: 72–77). Необходимо принимать во внимание и большое разнообразие в рамках самой византийской (как «народной», так и аристократической) культуры: помимо столичного Константинополя, собственную региональную идентичность, сочетаемую с общеимперской «ромейскостью» (Kaldellis 2022: 252–258), имели Балканы и Подунавье, Малая Азия, Сирия, армяно-византийская контактная зона в Закавказье и Таврика. Широко распространенное мнение об ориентации Руси в первую очередь на нормы и образцы Царственного города не учитывает эту гетерогенность, изначально присущую византийскому наследию.

По мнению Д. С. Лихачева, элементы византийской культуры усваивались Русью путем борьбы (Лихачев 1952: 125)³. Более точно культурная интеракция может быть охарактеризована как диалог двух сторон — передающей и принимающей (Лотман 1992: 122), которые, к тому же, иногда могли меняться местами. В рамках этого диалога периодически встречались как конфликты, так и «мирное» сотрудничество. Воспринимая те или иные концепты из Византии, Русь в итоге генерировала собственные новые смыслы, идеи и артефакты, оказывающие, в свою очередь, влияние на весь восточнохристианский мир. Пример такого обратного воздействия можно усмотреть в принятии Византией русского культа святых страстотерпцев Бориса и Глеба, несмотря на изначальное сопротивление консервативной киевской митрополии (Иванов 2020: 295, 303), или в использовании

³ Нельзя не отметить, что представления о борьбе Руси с Византией в сфере культуры несут печать своего времени, четко вписываясь в идеологическую кампанию борьбы с «космополитизмом» позднесталинской эпохи.

русских источников при конструировании поздневизантийской литературной мистификации о крещении Руси, известной как «Аноним Бандури» (впрочем, аргументы в пользу последнего тезиса должны быть дополнены) (Филипчук 2020: 493, 494).

Разумеется, в первую очередь подлежали усвоению элитарные, аристократические элементы византийской материальной и духовной культуры. Тем не менее пласт низовой, народной культуры Византии также участвовал в этом взаимодействии: так, нельзя исключить влияние распространенных среди ромеев празднеств календ и врумалий на славянские святочные колядки (Веселовский 1883: 99–103). Иногда изначально византийский контекст, получая литературную обработку в древнерусской среде и усваивая восточнославянскую терминологию, тем самым становился трудноотличимым от собственно русских реалий. По нашему мнению, именно это произошло с «Корсунским чудом свв. Козмы и Дамиана»: памятником, несомненно, отредактированным и оформленным в итоговом виде на Севере Руси, что не исключает возможности отражения в нем византийской традиции совместного проведения профессиональных и корпоративных праздников (Роменский 2022а: 152).

Важная особенность усвоения ромейского наследия Русью была замечена В. М. Живовым, показавшим, что многие византийские изначально профанные элементы (в том числе светские литературные или правовые памятники) попадали в категорию сакрального, воспринимаясь восточными славянами уже как часть Священного Предания (Живов 2002: 95–97). Если все византийское а priori имеет сакральное значение, следовательно, верно и обратное утверждение: все священные предметы и почитаемые реликвии осознаются как византийские, независимо от деталей их реального происхождения. Это наблюдение помогает найти ключ к представлениям о «корсунских древностях», включавших в себя набор артефактов, иногда не связанных не только с Таврикой и Херсоном (Корсунем), но и с Византией как таковой. «Корсунские» реликвии стали частью идеологического дискурса, сформировавшегося в позднем Средневековье (Толстая, Уханова 2000: 147, 152), «корсунское» в этом контексте отождествлялось с «византийским» и «сакральным» не в последнюю очередь потому, что длительные и разноплановые контакты Руси с Юго-Западной Таврикой действительно прослеживаются в источниках, и заимствование византийского наследия происходило в том числе через посредство Херсона-Корсуна. Значение «корсунского» пути рецепции византийской культуры, конечно, нельзя преувеличивать: количество предметов, попавших на Русь из Таврики в конце X в., было невелико. «Корсунский» импорт вначале охватывал лишь правящую верхушку — княжеский двор и высших служителей Церкви. Однако со временем количество реципиентов наследия Второго Рима на Руси существенно увеличилось (Роменский 2022б: 189–192).

Особого внимания заслуживает вопрос о том, в каком объеме на Руси знакомилась с византийской (и шире — восточнохристианской) традицией. Анализируя корпус переводной литературы, доступной восточным славянам, Томсон отметил, что он соответствует содержанию библиотеки провинциального византийского монастыря, сравнимого с монастырем Св. Иоанна на Патмосе (Thomson 2016: XI). Знание греческого языка и знакомство с текстами в оригинале было уделом очень немногих интеллектуалов, таких как Иларион или Клим Смолятич. При всем этом было бы упрощением полагать, что все византийское на Руси ассоциировалось исключительно с монашеским, аскетическим. На Руси был известен византийский героический эпос о Дигенисе Акрите («Девгениево деяние»; примечательно, что этот текст находился в утраченном Мусин-Пушкинском сборнике вместе со «Словом о полку Игореве» (Орлов 1934: 45, 46)); была доступна греческая версия популярного в Средневековье романа о Варлааме и Иоасафе, использованного (в проложной обработке) Кириллом Туровским (Лебедева 1983: 51); пользовались популярностью сказания о подвигах Александра Македонского («Александрия») и «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, образы и сюжеты которых переходили в оригинальные произведения древнерусской литературы (Орлов 1934: 6–11).

Усвоение отдельных элементов византийской культуры в сфере письменности, архитектуры, иконографии, православной литургики и других, тем не менее, не привело к осмысленной вторичности, безусловной зависимости в копировании заранее заданных образцов. Напротив, вместе с первыми плодами христианского просвещения на Руси развивается идея ее самостоятельности, особого места в мировой истории, что особенно ярко проявляется в таком замечательном памятнике, как «Слово о законе и благодати» Илариона (Majeska 2013: 350). Будущий первый митрополит-русин использует арсенал методов византийской риторики и богословия, но лишь с целью подчеркнуть значимость и равенство Руси среди других христианских народов. Для того чтобы аргументировать эту мысль, автор приводит евангельский стих о новом винограде и ветхих мехах (Мф. 9: 17, Мк. 2: 21–22, Лк. 5: 37–39); именно новообращенные народы предназначены для восприятия Благодати: «Нъ ново учение — новы мѣхы, новы языки!» (Молдован 1984: 88–91; Акентьев 2005: 136–140). Путь Руси к христианству вполне закономерен: «Вѣра бо благодѣтнаа по всеи земли прострѣся и до нашего языка рускааго доиде», а ее правитель, «каган» и «единодержец» Владимир, совершил деяние, равное апостолам, самостоятельно осознав «суету идольскихъ лъсти». Иларион подчеркивает осознанный выбор христианства своим героем, который руководствовался собственным «благим смыслом» и «остроумием»; роль «благоверной земли Греческой», пример которой был Владимиру хорошо известен, лишь вспомогательна (Молдован 1984: 92; Акентьев 2005: 142).

Два события, на наш взгляд, наиболее отчетливо иллюстрируют отношение князя-крестителя к византийскому наследию. Первое отражено в летописном рассказе о соещании Владимира с епископами по вопросам усовершенствования уголовного права: «и оумножишася [зело] разбоеве . и рѣша епѣпи Володимеру . се оумножишася разбоиници . почто не казниши ихъ . вн же речъ имъ боюса грѣха . вни же рѣша юму тѣ поставленъ юси ѿ Баѣ . на казнь злымъ . а добрымъ на милованье . достоить ти казнити разбоиника . но со испытумъ Володимеръ же отвергъ виръы нача казнити разбоиникы . и рѣша епѣпи и старци . рать многа вже вира то на вружы . и на конихъ буди . и речъ Володимеръ [такъ боуд . и живашъ Володимеръ] по устроенью втню и дѣдню» (Лаврентьевская летопись 1926: 126, 127; Ипатьевская летопись 1908: 111, 112).

Как отмечалось исследователями, этот сюжет оформлен в виде притчи, иллюстрирующей духовное преображение князя, который живет «в страсть Бжѣи» (Стефанович 2017: 192; Stefanovich 2025: 12, 13); тем не менее за литературным оформлением может скрываться неудача первой попытки правовой реформы — внедрения норм византийской «Эклоги», которая в итоге была вытеснена привычным «отним и дедним устроением» (Милов 2006: 102, 103; Петрухин 2017: 176; Флоря 2017: 187–189). Заслуживает внимания еще одна деталь, кажется, до сих пор ускользавшая от большинства комментаторов источника: к византийскому образцу восходит не только правоприменительная практика уголовных наказаний, которую реформатор попытался внедрить, но и сам обычай совещаться с епископами в делах государственного управления: воспроизводя его, Владимир тем самым уподобляется образу идеального византийского василевса — Константина Великого. Эту мысль развернуто аргументировал Иларион: первый христианский император «съ святыми отци Никеискааго Събора закон челоувѣкомъ полагааше», а Владимир «съ новыми нашими отци епископы сънимаяся чясто, съ многымъ съмѣрениемъ съвѣщаваашеся, како въ челоувѣцѣхъ сихъ ново познавшихъ Господа законъ уставити» (Молдован 1984: 96).

В отличие от реформы светского права, вполне успешно было осуществлено внедрение церковного суда, также по византийскому образцу: «разверзѣше грецькыи номоканон и обрѣтохъ в немъ... съгадавъ съ своею княгинею Анною и съ своими дѣтьми, далъ есмь ти суды церквамъ, митрополиту и всѣмъ пискупиямъ...» (Древнерусские княжеские уставы... 1976: 23; Назаренко 2020: 72, 73). Роль ромейской принцессы — сестры императоров Василия II и Константина VIII княгини Анны, с которой, согласно сведениям устава о церковных судах, совещался Владимир, — здесь подчеркнута неслучайно: о ее усилиях в деле

утверждения христианства на Руси пишет и сирийский современник Яхъя Антиохийский (Розен 1883: 24); другой свидетель и очевидец эпохи — саксонский хронист Титмар Мерзебургский — также утверждает, что князь принял христианство по настоянию супруги (*Die Chronik...* 1935: 486, 487).

Не менее интересно переосмысление образа правителя на монетах Владимира — золотниках и сребрениках, решавших актуальную задачу его политической репрезентации. В отличие от византийского иконографического образца, князь изображен сидящим на престоле; на более поздних образцах сребреников исчезает лик Христа Вседержителя, будучи заменен родовым знаком князя — трезубцем. Таким образом, князь сознательно отошел от канона, предполагавшего уподобление василевсу; для него более важным оказалось обозначение княжеского стола как инсигнии власти (Назаренко 2020: 129–134).

Примечательны не только те особенности византийской традиции, которые в той или иной мере усваивались Русью, но и те, которые не нашли применения в Восточной Европе. Так, несмотря на использование некоторых византийских источников (хроник Иоанна Малалы, Георгия Амартола, «Откровения» Псевдо-Мефодия Патарского и других), нельзя не отметить, что Начальная летопись с ее пусть и сконструированной впоследствии погодной хронологической сетью не находит аналогий в привычных жанрах византийского историописания. Анналистический метод, описание событий в их хронологической последовательности, вообще нечасто встречается в византийских исторических сочинениях. Одними из немногих исключений являются «Пасхальная хроника» и «Хронография» Феофана Исповедника, но они как раз представляют собой не типичные, а скорее уникальные произведения. Русские летописи, как правило, писались иноками в монастырских скрипториях, что также нехарактерно для византийского историописания (Mango 1988/1989: 361–365; Гимон, Гиппиус 2005: 174, 175).

Не получили развития на Руси и попытки заимствования византийских политических институтов, моделей взаимоотношения власти и общества, хотя имперская политическая идеология была здесь известна (Чичуров 1990: 135, 136; Stefanovich 2025: 12). Скупые и неполные известия источников позволили некоторым исследователям предположить, что усилия в этом направлении предпринимались как минимум дважды. Однако и планы Владимира Святославича по передаче княжеского стола младшему сыну Борису в обход старших братьев, и намерения Владимира Мономаха ограничить киевское престолонаследие потомками его старшего сына Мстислава не увенчались успехом (Назаренко 2009: 83–85, 96, 97). Принцип родового совладения Рюриковичей над всей «Русской землей» и в том, и в другом случае остался нерушимым. Авторитарные устремления политики князя Андрея Боголюбского завершились заговором и его убийством. Показательно, что ни один из русских князей домонгольского времени всерьез не притязал на титул и статус василевса, а эпизодические именованья отдельных правителей «царями» являлись, скорее, литературным шаблоном, а не отображением реалий (Porre 1989: 182, 183; Vodoff 1989: 40, 41).

Творческая интерпретация византийского наследия, его избирательная трансформация, как видится, происходили в ходе всего процесса аккультурации. Приобщившись к идеям и артефактам всей восточнохристианской общности народов (иногда неточно называемой «Византийским содружеством» (Obolensky 1971)), Русь с самого начала стремилась наполнить их собственным содержанием, благодаря чему расцветший на православном базисе «Русьский мир»⁴ в полной мере неотожествим с миром византийским.

⁴ Термин «Русьский мир» впервые упоминается в «Слове на обновление Десятиной церкви» (XII в.). (Назаренко 2013: 184), а также в «Послании епископа Симона Поликарпу» из Киево-Печерского патерика (первая четверть XIII в.) (Абрамович 1930: 102).

Литература

- Абрамович 1930 — *Абрамович Д. И.* Киево-Печерський патерик (вступл., текст, примітки). Київ: З друкарні Всеукраїнської академії наук, 1930. 26, 234 с.
- Акентьев 2005 — *Акентьев К. К.* «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Акентьев К. К. (ред.). Истоки и последствия. Византийское наследие на Руси. Сб. ст. к 70-летию чл.-кор. РАН И. П. Медведева. СПб.: Византиновроссика, 2005. С. 115–152 (Византиновроссика. Т. 3).
- Болгов 2002 — *Болгов Н. Н.* Юго-Западный Крым позднеантичного времени — контактная зона // Махлаюк А. В. (отв. ред.). Акра: Сб. научн. тр. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ГУ, 2002. С. 25–34.
- Буслаев 1908 — *Буслаев Ф. И.* Общие понятия о русской иконописи // Сочинения Ф. И. Буслаева. Т. 1: Сочинения по археологии и истории искусства. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Имп. АН, 1908. С. 1–193.
- Веселовский 1883 — *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха: VI–X. СПб.: Тип. Имп. АН, 1883. 461 с.
- Гимон, Гиппиус 2005 — *Гимон Т. В., Гиппиус А. А.* Русское летописание в свете типологических параллелей // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2005. С. 174–200.
- Древнерусские княжеские уставы... 1976 — Шапов Я. Н. (подгот.), Черепнин Л. В. (отв. ред.). Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. 240 с.
- Живов 2002 — *Живов В. М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73–115.
- Иванов 2020 — *Иванов С. А.* Несколько замечаний о византийском контексте борисоглебского культа // *Иванов С. А.* Византийская культура и агиография. М.: Изд. дом ЯСК, 2020. С. 294–304.
- Ипатьевская летопись 1908 — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись / Шахматов А. А. (ред.). СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 938 стб., 108 с.
- Кондаков 1899 — *Кондаков Н. П.* О научных задачах истории древнерусского искусства // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 132. СПб.: Тип. В. С. Балашев и Ко, 1899. С. 1–47.
- Лаврентьевская летопись 1926 — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 2-е изд. / Карский Е. Ф. (ред.). Л.: Изд-во АН СССР, 1926. VIII, 579 стб.
- Лебедева 1983 — *Лебедева И. Н.* К истории древнерусского Пролога: повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога // Лихачев Д. С. (отв. ред.). Тр. Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 37. Л.: Наука, 1983. С. 39–53.
- Лидов 2024 — *Лидов А. М.* «Архистратиг русской археологии». Кондаков и наука о византийском искусстве // Майко В. В., Яшаева Т. Ю. (ред.-сост.). Под омофором Первозванного: от апостола Андрея к Андреевскому флагу. Материалы Всерос. науч. конф., приуроченной к 350-летию учредения в России Андреевского флага. Симферополь: Изд-во тип. Ариал, 2024. С. 51–57.
- Лихачев 1952 — *Лихачев Д. С.* Возникновение русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 240 с.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. 479 с.
- Милов 2006 — *Милов Л. В.* По следам ушедших эпох. Статьи и заметки. М.: Наука, 2006. 729 с.
- Молдован 1984 — *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев: Наукова думка, 1984. 240 с.
- Мусин 2020 — *Мусин А. Е.* Парадоксы рецепции византийской культуры в Древней Руси // Рабинович Р. А., Тельнов Н. П. (ред.). «На одно крыло — серебряная, на другое — золотая...». Сб. ст. памяти С. Рябцевой. Кишинев: Stratum Plus, 2020. С. 487–498.
- Назаренко 2009 — *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 514 с.

- Назаренко 2013 — Назаренко А. В. «Слово на обновление Десятиной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель: Свято-Екатерининский мужской монастырь; Ассоциация Святой Троицы Московского патриархата (Conférence Sainte Trinité du Patriarcat de Moscou), 2013. 223 с. (Patrologia slavica. Вып. 21).
- Назаренко 2020 — Назаренко А. В. Князь Владимир Великий. Креститель, строитель, небесный охранитель Руси (опыт общедоступного научного изложения). М.: Квадрига, 2020. 169 с.
- Орлов 1934 — Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII–XVII вв. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 170 с.
- Петрухин 2017 — Петрухин В. Я. «И живяше Володимерь по устроенью отню и дѣдню». Консерватизм реформатора // Макаров Н. А., Назаренко А. В. (отв. ред.). Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. ММНК в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба. М.; Вологда: Древности Севера, 2017. С. 176–184.
- Розен 1883 — Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб.: Тип. Имп. АН, 1883. X, 0103, 447 с.
- Роменский 2022a — Роменский А. А. «Корсунское чудо Козмы и Дамиана» и реалии русско-византийских культурных связей // Зайков А. В. (ред.-сост.). История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: Материалы Всерос. науч. конф. (Севастополь, 25–29 сентября 2022 г.). Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2022. С. 151–154.
- Роменский 2022b — Роменский А. А. Корсунь и Русь: особенности рецепции культурного наследия // Херсонесский сборник. 2022. Вып. 23. С. 188–197.
- Сорочан и др. 2006 — Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь: Библикс, 2006. 832 с.
- Стефанович 2017 — Стефанович П. С. О «судебной реформе» князя Владимира // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура... М.; Вологда: Древности Севера, 2017. С. 191–203.
- Толстая, Уханова 2000 — Толстая Т. В., Уханова Е. В. «Корсунские реликвии» и крещение Руси // Лидов А. М. (ред.-сост.). Христианские реликвии в Московском Кремле. М.: Радуница, 2000. С. 147–189.
- Толстой, Кондаков 1897 — Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. V: Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб.: б. и., 1897. 168 с.
- Филипчук 2020 — Филипчук О. М. Забутий святий. Князь Володимир Великий між Сходом та Заходом. Київ: Laugus, 2020. 584 с.
- Флоря 2017 — Флоря Б. Н. Отмена вир Владимиром Святославичем // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура... М.; Вологда: Древности Севера, 2017. С. 185–190.
- Чичуров 1990 — Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М.: Наука, 1990. 176 с.
- Die Chronik... 1935 — Holtzmann R. (Hrsg.). Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre korveier Überarbeitung. Berlin, 1935. LV, 631 S. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. T. 9).
- Kaldellis 2022 — Kaldellis A. Provincial Identities in Byzantium // Stewart M. E., Parnell D. A., Whately C. (eds.). The Routledge Handbook on Identity in Byzantium. New York: Routledge, 2022. P. 248–262.
- Majeska 2013 — Majeska G. P. Byzantine Culture in Russia: Doesn't It Lose Something in Translation? // Delois O., Couderc A., Guran P. (eds.). Héritages de Byzance en Europe du Sud-Est à l'époque moderne et contemporaine. Athènes: École française d'Athènes, 2013. P. 349–358.
- Mango 1988/1989 — Mango C. The Tradition of Byzantine Chronography // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13. P. 360–372.
- Musin 2010 — Musin A. E. Russian Medieval Culture as an “Area of Preservation” of the Byzantine Civilization // Grotowski P. Ł., Skrzyniarz S. (eds.). Towards rewriting? New approaches to Byzantine Archaeology and Art. Proceedings of the Symposium on Byzantine Art and Archaeology (Cracow, Septembre 8–10, 2008). Warsaw: The Polish Society of Oriental Art; Cardinal Stefan Wyszyński University; Jagiellonian University; The Pontifical University of John Paul II in Cracow, 2010. P. 11–44.
- Obolensky 1971 — Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500–1453. New York; Washington: Praeger Publishers, 1971. 14, 445 p.

- Poppe 1989 — *Poppe A.* Words That Save the Authority. On the Title of “Grand Prince” in Kievan Rus // *Acta Poloniae Historica*. 1989. Vol. 60. P. 159–184.
- Stefanovich 2025 — *Stefanovich P. S.* The Concept of the Divine Mandate of State Power in Pre-Mongol Rus // Jusupovič A., Paroń A., Vukovich A. (eds.). *Christian Rus in the Making*. Paderborn: Brill Schöningh, 2025. P. 9–26.
- Thomson 2016 — *Thomson Fr. J.* The Reception of Byzantine Culture in Medieval Russia. New York: Routledge, 2016. 22, 390 p.
- Vodoff 1989 — *Vodoff W.* Remarques sur la valeur du terme ‘tsar’ appliqué aux princes russes avant de milieu du XVe siècle // *Vodoff W.* Princes et principautés russes (X^e — XVIIe siècles). London; New York: Routledge, 1989. P. 1–42.

**WAYS OF THE RECEPTION OF THE BYZANTIAN CULTURE IN RUS:
ATTEMPTS OF CONCEPTUALIZING
(FROM THE WORKS BY N. P. KONDAKOV TO OUR DAYS)**

A. A. Romensky

Keywords: *Rus, Byzantium, reception of culture, “Korsun antiquities”, Prince Vladimir Svyatoslavich, Byzantine legacy in Rus*

The paper is devoted to the study of particularities in the reception of the Byzantine culture in Rus and to the role Taurica and Cherson played as a contact zone in the process of acculturation. The cultural interaction between Byzantium and Rus can be characterized as a dialogue. The author notes specific traits in the adoption of the Byzantine culture in Rus, as well as sacralization of the Byzantine material and spiritual culture, which explains the perception of the “Korsun” artefacts as a part of ideological discourse. At the same time, the Russian culture has from the very beginning been conceptualized as an independent one. The subject of Vladimir’s counsel with bishops regarding the reform of law and introduction of ecclesiastical court serves as an example to trace the prince’s attitude to the Byzantine legacy. The representation of the image of Prince-Baptizer on his coins is analyzed. Pinpointed are the elements of the Byzantine tradition which did not gain traction in Rus. Creative interpretation of the Byzantine cultural legacy continued during the whole history of the Russian-Byzantine relations.

ХРИСТИАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ КРЫМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ КРЫМА РАН 2015–2024 ГОДОВ)

В. В. МАЙКО¹

Ключевые слова: *средневековая Таврика, христианская археология, основные направления изучения, итоги и перспективы, сущность понятия.*

Христианская археология как составная часть крымской медиевистики вот уже 76 лет остается в сфере основных интересов сотрудников Института археологии Крыма РАН. Ввиду наличия наибольшего количества византийских памятников на территории Крымского полуострова это неслучайно. В настоящий момент в составе нашего учреждения ежегодно работают четыре экспедиции, целенаправленно изучающие христианские древности Византии, проводятся три конференции, издаются два периодических издания, где данная проблематика является одной из основных. За последние годы специалистами института источниковая база для решения многих ключевых проблем христианской археологии значительно расширена. На наш взгляд, христианскую археологию полуострова следует рассматривать как сложную и многоплановую дисциплину, находящуюся на стыке истории, археологии, богословия и искусствоведения.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-107-114

Определение понятия и предмета христианской, церковной или библейской археологии до сего дня дискуссионно. Точки зрения полярны — от признания ее особым направлением археологической науки до выводов о том, что такое понятие излишне и христианская археология является не чем иным, как составной частью средневековой археологии Европы в целом.

Никодим Павлович Кондаков, учитывая реалии развития археологии в начале XX в., больше склонялся ко второй точке зрения, считая, что христианская археология не является исключительно частью церковной археологии и ничем не отличается от других направлений исторического познания. Будучи основоположником истории византийского искусства (Лидов 2024: 51), которое, безусловно, является искусством христианским, ученый искренне полагал, что христианская археология «должна разрабатываться по методам общей науки истории искусства...» (Кондаков 1904: 1). В настоящее время, основываясь на современных достижениях археологии, можно уверенно говорить о христианском искусстве и христианской археологии, источниковая база которых часто дублируется, но методика получения информации различна. При этом ясно и то, что общие методические приемы христианской археологии, конечно же, ничем не отличаются от других направлений археологического исследования. Понимая необъятность темы христианской археологии и чрезвычайную важность Крымского полуострова как одного из базовых для ее

¹ Институт археологии Крыма РАН, Симферополь.

© Майко В. В., 2025

развития регионов, попытаемся проанализировать те ее направления, которые разрабатываются сотрудниками Института археологии Крыма РАН на протяжении последних 10 лет.

Важнейшим картографическим и источниковедческим направлением является составление сводов христианских средневековых памятников Таврики. Определение границ объектов археологического наследия осуществляется для последующей их постановки на государственный учет. Эта работа ведется постоянно, в том числе и в рамках деятельности нашего института по охране памятников. На основании многолетних раскопочных и разведочных работ составлены карты памятников Юго-Восточного Крыма (Майко 2020г). Совместно со специалистами Крымского федерального университета аналогичная работа проведена для Юго-Западного Крыма, а конкретнее, для Мангупа и его окрестностей (Науменко и др. 2021) и Эски-Кермена (Айбабин, Хайрединова 2020). Исследователями института, а также совместно с учеными Севастопольского государственного университета представлено несколько дополняющих друг друга вариантов сводов христианских объектов Южного берега Крыма (Бочаров, Кирилко 2017; Кирилко 2020), изданных, в том числе, монографически (Турова 2023).

Традиционным, как полевым, так и кабинетным, направлением является каждодневная работа, связанная с введением в научный оборот неопубликованных материалов, переосмыслением опубликованных и, конечно же, целенаправленными раскопками выявленных разведками новых знаковых христианских объектов. Здесь следует упомянуть новую аргументированную атрибуцию результатов изучения храма Алуштинского могильника (Кирилко 2018), публикации надежно забытых раскопок 1928 г. храма на горе Св. Георгия и только кратко упоминавшихся в литературе исследований 1957 г. храма Иоанна Предтечи (Майко 2017б; 2020а).

Отдельно необходимо отметить охранные работы 2024 г. на территории некрополя Херсонеса Таврического. Здесь удалось выявить 10 склепов и пять грунтово-вырубных могил, исследованных экспедициями К. К. Косцюшко-Валюжинича, Н. И. Репникова, Р. Х. Лёпера в начале XX в. Впервые за более чем сто лет появилась возможность их точной фиксации на местности и локализации самих некрополей, а в некоторых случаях и частичного исследования обнаруженных погребальных сооружений (Матросов 2024).

Среди неизвестных ранее знаковых христианских культовых сооружений отметим храм у подножия горы Килиса-Кая (Майко 2019), два по-своему уникальных храма на городище Эски-Кермен (Айбабин, Хайрединова 2024), храмовый монастырский комплекс на горе Кильсе-Бурун (Турова 2019), храм в Массандре, раскопки которого продолжаются Н. П. Туровой.

Важнейшим направлением именно христианской археологии является анализ механизма проникновения уже сформированных христианских идеологии и культа в местную языческую среду населения Крымского полуострова. Это чрезвычайно многогранное направление, неразрывно связанное и с анализом сохранившихся письменных источников, распадается на четыре (не считая позднеантичного) хронологических периода, которые можно условно назвать гото-аланский, хазарский, печенежский и половецкий. Каждый из них имел свои особенности. Наибольшее количество источников мы имеем для гото-аланского и хазарского периодов. При таком значительном накопленном материале появляется возможность проведения сравнительного анализа этих двух процессов, отстоящих, правда, по времени один от другого минимум на 150 лет. Наиболее ярко проникновение новой идеологии фиксируется в погребальном обряде. Для гото-аланского населения Юго-Западного и Южного Крыма эти следы изучены и обобщены (Хайрединова 2021). Помимо анализа предметов личного благочестия и литургии по-новому типологизированы погребальные сооружения (склепы) и выделена группа имеющих явные христианские черты (Набоков 2022).

Для салтово-маяцкого праболгарского населения обобщение источников еще предстоит сделать. Помимо элементов погребального обряда это и разные по конструкции,

размерам и, соответственно, значимости христианские храмы, сложенные нетипичной для византийцев техникой кладки; соответствующие наборы черепицы с метками; предметы литургии (процессионные кресты, хоросы, просфорные штампы), позволяющие говорить о ее полном восприятии местным салтовским населением; предметы личного благочестия и литейные формы для их изготовления; использование христианских надгробий и раритетов более раннего времени по их прямому функциональному назначению. Все это позволяет уверенно говорить о том, что праболгарское население полуострова, оставившее салтово-маяцкую культуру, к середине IX в. полностью восприняло христианство. Именно оно и придает специфику крымскому варианту этой археологической культуры, ни в коей мере не являясь каким-либо этническим индикатором.

Важным направлением христианской археологии можно считать анализ самого храмового сооружения. На сегодня это анализ всесторонний, тесно переплетенный с предметом архитектурной археологии, анализ, предполагающий рассмотрение и архитектурных особенностей планировки церкви в целом, и отдельных ее элементов и деталей, и места в городской инфраструктуре.

Наиболее дискуссионной, связанной с реконструкцией средневековой христианской психологии, является проблема существования в средневековых городах сакральных пространств. К сожалению, достаточно полно раскопанных участков средневековых городов практически нет, и все предлагаемые выводы носят исключительно гипотетический характер. Однако, исходя из расположения храмов в портовой части средневековой Сутдеи, такая гипотеза была высказана (Майко 2020б). Кварталообразующая роль и совершенно конкретное расположение храмов при формировании исторической топографии хорошо прослеживаются и благодаря масштабным раскопкам Эски-Кермена (Айбабин, Хайрединоva 2020). Можно более уверенно говорить о сакральных монастырских пространствах, образованных целым рядом синхронных и, безусловно, связанных друг с другом христианских культовых построек. Для Юго-Восточного Крыма таковы Перчемский, Ново-Световский и Ай-Георгиевские монастырские комплексы (Майко 2017в).

Все раскопанные сооружения Юго-Восточной Таврии опубликованы и типологизированы, среди них выделена наибольшая группа одноапсидных и поставлен вопрос о времени и причинах их появления на полуострове (Майко 2020г), полностью систематизирована информация об одноапсидных храмах Мангупского городища (Иожица 2023) и Эски-Кермена (Айбабин, Хайрединоva 2020), уделено внимание и такому важному аспекту, как приведение к единообразию терминологии наименования этого наиболее часто встречаемого типа культовых сооружений средневековой Таврики (Кирилко 2019). В. П. Кирилко выделены и систематизированы нетипичные двухапсидные храмы полуострова, отдельно рассмотрены базилики Южнобережья.

В рамках этого направления идет углубленное изучение отдельных элементов христианского культового сооружения. В частности, анализируется феномен появления пятигранных апсид в середине XIII в., детально рассматриваются и такие элементы, как разнообразные варианты мощения полов построек, включая многочисленные версии мозаичного покрытия; использование резного декора; дается характеристика капителей, карнизов и других элементов убранства (Майко 2018; Кирилко 2022; 2024). Закономерным итогом анализа морфологии храма, составляющих его элементов с привлечением византийских письменных источников и сохранившихся аналогий является научная реконструкция наиболее сохранившихся христианских церквей Таврики (Иожица 2019).

Следует обратить внимание на еще два направления исследований, непосредственно связанных именно с христианской археологией. Во-первых, на изучение особенностей погребального обряда жителей Таврики второй половины X — XIII в. Речь идет о наличии или отсутствии элементов так называемого афонского погребального обряда в захоронениях жителей городских могильников и прихрамовых некрополей, находившихся в пределах оборонительных стен. Являются ли ими костницы с большим количеством

погребенных с нарушением анатомического порядка или это практическое использование элементов данного обряда при отсутствии места для кладбищ в густонаселенных городах, стесненных крепостными куртинами? Какова же причина повсеместного использования практики повторного проникновения в могилу: этническая, связанная с греческим погребальным обрядом, или это также практическое использование монастырского обряда в существовавших реалиях? На эти кардинальные вопросы все еще предстоит дать аргументированный ответ. Учеными нашего института выделены и нетипичные для того или иного региона полуострова погребения, в том числе с использованием черепицы в качестве обкладки могилы или черепицы и фрагментов пифосов, положенных в могилу в качестве христианского элемента погребального инвентаря.

С особенностями погребального обряда связано и выделение археологических критериев правильного функционального определения того или иного раскопанного культового сооружения. Речь идет, прежде всего, о постройках, изученных за пределами средневековых городов. Выводы о монастырском или каком-либо ином назначении храма должны базироваться на понимании того, что погребенные на прихрамовом некрополе в основном должны были быть служителями церкви. Интересные материалы получены в результате раскопок уже упоминавшегося храма у горы Килиса-Кая. Помимо того, что на прихрамовом некрополе отмечены не встреченные на городских некрополях Сугдеи элементы афонского погребального обряда, в составе погребального инвентаря обнаружены вещи, которые использовали исключительно священнослужители (Майко 2023).

Во-вторых, отдельно хочется выделить такое направление, как изучение фресковой живописи. Несмотря на то что оно, как никакое другое, находится на стыке с христианским искусствоведением, обратим внимание на экземпляры, которые получены в ходе проведения археологических раскопок. Монографически была обобщена источниковая база этой категории находок, связанная с росписями пещерных христианских сооружений Юго-Западного Крыма (Могаричев, Ергина 2024), собраны все известные фресковые материалы юго-восточной части полуострова (Майко 2020в). Однако в современной христианской археологии фреска может стать полноценным источником только при условии использования в ее изучении методов естественных наук, прежде всего таких как микрофотографирование стратиграфии слоев, позволяющее произвести тщательнейший анализ красящих пигментов и их элементного состава. Специалисты института совместно с коллегами из лаборатории архитектурной археологии Института археологии РАН и Научно-исследовательского центра «Курчатовский институт» уже проанализировали экземпляры из раскопок храма Килиса-Кая, Алустона и Эски-Кермена (Зубавичус, Иожица 2022). Полученные результаты еще предстоит до конца понять и осмыслить.

Традиционным направлением христианской археологии является изучение предметов христианской литургии и личного благочестия. Специалистами института за последние 10 лет в этой области проделана большая работа. В значительной степени систематизированы такие категории предметов литургии, как просфорные штампы, среди которых выделены морфологические и хронологические группы изделий (Майко 2021); собрана информация обо всех бронзовых и железных процессионных крестах Восточной Таврики (Майко 2022); четко выделены все типы процессионных и, главное, вотивных железных крестов, являющихся отличительной особенностью христианских объектов Южного берега Крыма (Турова 2021). Отметим анализ стеклянных лампад, произведенный на основании исследования главной городской базилики Эски-Кермена (Айбабин, Хайрединова 2022), а также детальный разбор сохранившихся элементов хоросов как из этого храмового сооружения, так и из других церквей Юго-Западной и Юго-Восточной Таврики.

Уверенно можно говорить о том, что сотрудники института успешно развивают ставрографию, постоянно пополняя ее новыми полученными результатами и анализом крестов, раскопанных в предшествующие годы. Это энколпионы древнерусского происхождения и XII в., малочисленные и редко встречающиеся на полуострове, и второй четверти

XIII в., которых в Крыму несравненно больше, и энколпионы Московской Руси второй половины XIV–XV в., редкие для полуострова, но которых в Восточной Таврике обнаруживается все больше и больше. Выделены и типологизированы балканские энколпионы, поставлен вопрос о причинах и времени их проникновения в Таврику. Отдельно анализируются в таком же ключе и византийские энколпионы и кресты, как с гравированным, так и с рельефным и черневым изображением. Типологизируются предметы личного благочестия, представленные разнообразными христианскими медальонами. Типология очень характерных железных нательных крестов христианских объектов Южного берега Крыма, разработанная на основе материалов раскопок на горе Иограф, дополняется артефактами христианского комплекса на горе Кильсе-Бурун (Турова 2021). И здесь наши специалисты активно применяют методы естественных наук. Таким образом проанализирована, например, чрезвычайно важная для правильного понимания характера местного производства нательных крестов литейная форма, обнаруженная в ходе раскопок Херсонеса (Хайрединова и др. 2023).

Отдельно следует остановиться на паломнических перламутровых крестах и других предметах, свидетельствующих о развитии паломнического движения на полуострове во второй половине XII — XIII в. Для средневековой Сугдеи и, частично, Херсонеса они систематизированы (Майко 2017а), для остальных регионов полуострова эту работу еще предстоит сделать.

Интересным направлением христианской археологии можно считать попытку выделить археологические источники, свидетельствующие о популярности среди населения Таврики различных периодов тех или иных святых, о частоте встречаемости их образов на предметах материальной культуры. Совершенно ясно, что абсолютизировать эти выводы нельзя, импортный или местный характер изделия имеет здесь решающее значение, но подобная выборка все же дает определенное представление. Развивая это направление далее, можно ставить вопрос о выделении критериев отнесения того или иного предмета, например, амфор или других тарных сосудов, к монастырской или церковной собственности. Однако пока это не более чем постановка вопроса.

Важнейшими археологическими источниками для реконструкции церковной истории Таврики в Средневековье являются сфрагистические материалы. Ими уже четвертое десятилетие успешно занимается Н. А. Алексеенко, являющийся одним из ведущих сфрагистов мира. В последние годы им были опубликованы работы, связанные с находками монастырских моливдовулов в Херсоне и его округе (Алексеенко 2019).

Важным для полуострова направлением христианской археологии является анализ археологических источников, связанных с историей и особенностями литургического устройства армянской григорианской и католической общин. Эта тема активно разрабатывается А. М. Байбуртским, собравшим практически все известные на сегодняшний день источники. Это, прежде всего, составление полного каталога всех известных на сегодня средневековых армянских храмов, главным основанием при этом выступают черты, позволяющие выделять их среди христианских храмов, сооруженных артелями тех же армянских зодчих, но для греческих общин. Это и типологизация предметов армянской литургии, включающая и навершия патриарших посохов, кадил и мощехранилищ в виде моделей христианских армянских храмов.

В последние годы, благодаря бурному развитию в Крыму археологии Нового времени, развивается и христианская археология полуострова периода вхождения Таврики в состав Российской империи, вплоть до середины XIX в. (Турова, Якимовская 2021). Происходит обобщение старых материалов и накопление новых путем проведения археологических исследований на Южном берегу Крыма и в Юго-Западной Таврике. Это и архивные материалы о храмах Балаклавы, и литургические предметы из раскопок Массандры, и предметы личного благочестия солдат русского гарнизона из раскопок Сугдеи.

Подводя некоторые итоги, следует заметить, что распространение христианства в средневековой Таврике было настолько широко и всеобъемлюще, что любые археологические

изыскания памятников этого периода так или иначе с ним связаны. Мы же попытались сконцентрировать внимание на тех направлениях, которые требуют от исследователей знания основ церковной истории, христианской литургии того или иного исторического периода, эволюции канонов христианских изображений. Исходя из этого, современная христианская археология представляется сейчас сложной разноплановой дисциплиной, находящейся на стыке истории, археологии, богословия и искусствоведения.

Литература

- Айбабин, Хайрединова 2020 — Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен // *Античная древность и средние века*. 2020. Т. 48. С. 310–326.
- Айбабин, Хайрединова 2022 — Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Византийские осветительные приборы из главной базилики города на плато Эски-Кермен // *Вестник Волгоградского ГУ. Серия 4: «История. Регионоведение. Международные отношения»*. 2022. Т. 27, № 6. С. 46–56.
- Айбабин, Хайрединова 2024 — Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Археологические исследования города на плато Эски-Кермен в 2023 году // *История и археология Крыма*. 2024. Вып. 22. С. 11–14.
- Алексеенко 2019 — Алексеенко Н. А. Межцерковные связи византийской Таврики: традиции и новации (находки монастырских моливдовулов в Херсоне и его округе) // *Боспорские исследования*. 2019. Вып. 38. С. 225–241.
- Бочаров, Кирилко 2017 — Бочаров С. Г., Кирилко В. П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // *Добруджа*. 2017. Кн. 32. С. 279–304.
- Зубавичус, Иожица 2022 — Зубавичус Е. Я., Иожица Д. В. Стеновая роспись монастырского комплекса у подножия г. Килиса-Кая: новые данные // Хайрединова Э. А., Яцишина Е. Б. (отв. ред.). *Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно-научными методами*. Симферополь: Антиква, 2022. С. 27–38.
- Иожица 2019 — Иожица Д. В. Новый этап изучения храма у горы Килиса-Кая (Судак): Пропорциональный анализ храма // *Родинкова В. Е. (отв. ред.). Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных: Материалы V Междунар. конф. молодых ученых*. М.: ИА РАН, 2019. С. 147–150.
- Иожица 2023 — Иожица Д. В. Наземные однефные храмы Мангупского городища // Алексеенко Н. А. (ред.). *Χερσωνος Θρακας: империя и полис: XV Международный Византийский семинар*. Симферополь: ИД «Ариал», 2023. С. 133–140.
- Кирилко 2018 — Кирилко В. П. Новое и позабытое старое о храме Алуштинского могильника // *Археология Евразийских степей*. 2018. № 4. С. 244–249.
- Кирилко 2019 — Кирилко В. П. Терминологический аспект в изучении однефных храмов средневекового Крыма // *Ткачук М. Е., Атанасов Г. Г. (ред.). В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева*. Кишинев: Библиотека Stratum, 2019. С. 427–448.
- Кирилко 2020 — Кирилко В. П. Архитектурные миграции средневекового Крыма: однефные храмы южнобережной части полуострова // *Stratum plus*. 2020. № 6. С. 129–152.
- Кирилко 2022 — Кирилко В. П. Искусствоведческие и археологические реалии резного декора из мергеля в архитектуре средневекового Крыма // *Захарова А. В., Мальцева С. В., Станюкович-Денисова Е. Ю. (отв. ред.). Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. науч. ст.* СПб.; М.: СПбГУ; МГУ, 2022. Вып. 12. С. 135–147.
- Кирилко 2024 — Кирилко В. П. Полы в средневековых храмах Южнобережного Крыма // *Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2024. Т. 2. С. 137–171.
- Кондаков 1904 — Кондаков Н. П. *Археологическое путешествие по Сирии и Палестине*. СПб.: Издание Имп. АН, 1904. 308 с.
- Лидов 2024 — Лидов А. М. «Архистратиг русской археологии». Н. П. Кондаков и наука о византийском искусстве // *Майко В. В., Яшаева Т. Ю. (ред.-сост.). Под омофором Андрея Первозванного: от Апостола Андрея к Андреевскому флагу. Материалы Всерос. науч. конф., приуроченной к 350-летию учреждения в России Андреевского флага*. Симферополь: Ариал, 2024. С. 51–57.

- Майко 2017а — *Майко В. В.* Паломнические реликвии средневековой Сугдеи и ее окрестностей // LAUREA II. Античный мир и средние века: Чтения памяти профессора В. И. Кадеева. Харьков: б. и., 2017. С. 95–100.
- Майко 2017б — *Майко В. В.* Раскопки храма монастыря Святого Георгия на горе Ай-Георгий близ Судака // Залеская В. Н., Степанова Е. В. (науч. ред.). Византия в контексте мировой культуры. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 177–189 (ТГЭ. Т. 89).
- Майко 2017в — *Майко В. В.* Христианские памятники на горе Ай-Георгий близ средневековой Сугдеи в восточном Крыму // Деревянко А. П., Тишкин А. А. (отв. ред.). Тр. V (XXI) Всерос. археологического съезда. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. С. 647–648.
- Майко 2018 — *Майко В. В.* Пятигранные апсиды христианских храмов Крыма. К вопросу о происхождении и эволюции // Археология античного и средневекового города. Сб. ст. в честь С. Г. Рыжова. Севастополь; Калининград: б. и., 2018. С. 142–148.
- Майко 2019 — *Майко В. В.* Христианский храм у подножия горы Килиса-Кая возле Судака // Залеская В. Н. и др. (ред.). Византия в контексте мировой культуры. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. С. 281–303 (ТГЭ. Т. 99).
- Майко 2020а — *Майко В. В.* Археологические исследования храма Иоанна Предтечи в Керчи 1956–1957 гг. // Майко В. В., Яшаева Т. Ю. (отв. ред.). Владимирский сборник II ММНК «III Свято-Владимирские чтения». Севастополь: Телескоп, 2020. С. 107–125.
- Майко 2020б — *Майко В. В.* Сакральные пространства средневековой Сугдеи // Майко В. В., Хайрединова Э. А., Яшаева Т. Ю. (ред.-сост.). Изучение и сохранение древних сакральных пространств в современном мире (к 1365-летию ссылки папы Мартина в Херсонес): ММНК. Симферополь: б. и., 2020. С. 41–45.
- Майко 2020в — *Майко В. В.* Фрески юго-восточного Крыма XIII–XV вв. Современное состояние источниковой базы // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте / В. Н. Зинько, Е. А. Зинько (сост.). Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Георгий Иванович, 2020. С. 229–234 (21-е Боспорские чтения).
- Майко 2020г — *Майко В. В.* Христианские храмы юго-восточного Крыма XIII–XIV вв. Попытка сравнительного анализа // Архитектурная археология. 2020. № 2. С. 157–172.
- Майко 2021 — *Майко В. В.* Керамические и каменные просфорные штампы Таврики. К вопросу о выделении стилистических групп // Вестник Волгоградского ГУ. Серия 4: «История. Регионоведение. Международные отношения». 2021. Т. 26, № 6. С. 19–30.
- Майко 2022 — *Майко В. В.* Византийские железные процессионные кресты восточной Таврики // Вестник Волгоградского ГУ. Серия 4: «История. Регионоведение. Международные отношения». 2022. Т. 27, № 6. С. 21–29.
- Майко 2023 — *Майко В. В.* Матрицы для тиснения на кожаных монашеских одеяниях из Восточного Крыма // Майко В. В., Хайрединова Э. А., Яшаева Т. Ю. (ред.-сост.). IV Свято-Владимирские чтения: Материалы Всерос. науч. конф., посв. 1035-летию Крещения Руси. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. С. 86–90.
- Матросов 2024 — *Матросов М. А.* Погребальные сооружения, обнаруженные при археологических наблюдениях на ул. Древняя в 2024 г. // История и археология Крыма. 2024. Вып. 21. С. 111–131.
- Могаричев, Ергина 2024 — *Могаричев Ю. М., Ергина А. С.* Монументальная живопись средневековой Таврики (пещерные церкви). Симферополь: Антиква, 2024. 274 с.
- Набоков 2022 — *Набоков А. И.* Склепы раннесредневековых могильников Мангупа: предварительная классификация // Ученые записки Крымского фед. ун-та им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2022. Т. 8 (74), № 3. С. 104–137.
- Науменко и др. 2021 — *Науменко В. Е., Герцен А. Г., Иожица Д. В.* Христианский Мангуп. Современная источниковая база и основные этапы истории // МАИЭТ. 2021. Вып. 26. С. 255–281.
- Турова 2019 — *Турова Н. П.* Раскопки 2018 г. храмового комплекса IX–XV вв. на г. Кильсе-Бурун (Ай-Петринская яйла) // История и археология Крыма. 2019. Вып. 11. С. 269–274.
- Турова 2021 — *Турова Н. П.* Кресты из средневекового храмового комплекса г. Кильсе-Бурун // Алексеев Н. А. (ред.). *Ἡρώωνος Θέματα: империя и полис.* XIII Междунар. Византийский семинар: МНК (Севастополь, Балаклава, 29 мая — 3 июня 2021 г.). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 275–282.

- Турова 2023 — Турова Н. П. Византийские храмы южного берега Крыма. Симферополь: Н. Орианда, 2023. 264 с.
- Турова, Якимовская 2021 — Турова Н. П., Якимовская А. Д. Христианская археология османского периода на южном берегу Крыма (по материалам новейших исследований) // Археология Евразийских степей. 2021. № 4. С. 240–257.
- Хайрединова 2021 — Хайрединова Э. А. Влияние христианства на погребальный обряд гото-алан Юго-Западного Крыма // Восточная Европа в древности и средневековье. 2021. Вып. 33. С. 298–302.
- Хайрединова и др. 2023 — Хайрединова Э. А., Антипенко А. В., Яшаева Т. Ю. Средневековая литейная форма для изготовления крестов из Херсона // Российские нанотехнологии. 2023. Т. 18, № 5. С. 653–656.

**CHRISTIAN ARCHAEOLOGY OF CRIMEA AT THE PRESENT STAGE
(AS EXEMPLIFIED BY THE WORKS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
OF CRIMEA RAS IN 2015–2024)**

V. V. Maiko

Keywords: *medieval Taurica, Christian archaeology, main directions of research, results and prospects*

It is 76 years that Christian archaeology, as a constituent part of the Crimean medieval studies, remains within the realm of the main interests of researches from the Institute of Archaeology of Crimea RAS. There is a good reason for that, because Crimea is very rich in Byzantine sites. For the time being the Institute has four expeditions purposefully studying Christian antiquities of Byzantium. In addition, the subject is regularly discussed in two our periodicals and at three conferences. Thanks to this, in the last few years the source base necessary for resolving many of the key issues in Christian archaeology has greatly expanded. In our opinion, Christian archaeology of the Crimean Peninsula should be considered a complex and multifaceted discipline situated at the nexus of historical, archaeological, theological and art studies.

НОВЫЙ РАННЕАШЕЛЬСКИЙ ПАМЯТНИК КУРТАН II-2 (АРМЕНИЯ)¹

Е. В. БЕЛЯЕВА, П. Г. КУСТ²

Ключевые слова: *ранний плейстоцен, Армения, ранний ашель, палеопочвы.*

На севере Закавказского нагорья (Лорийская котловина, Армения) недавно открыт новый раннеашельский памятник Куртан II-2. Каменные изделия залегают в двух палеопочвах, сформировавшихся в середине раннего плейстоцена, не позднее 1,5 млн л. н. Анализ палеопочв указывает на теплый гумидный климат, который реконструируется и для других раннеашельских памятников Лорийской котловины. Состав и типы орудий характерны для локальной раннеашельской традиции, выявленной ранее в рассматриваемой области. Новые материалы существенно дополняют имеющиеся данные о первоначальном заселении Южного Кавказа в раннем плейстоцене.

DOI: 10.31600/2310-6557-2025-32-115-125

Введение

Раннепалеолитические памятники, отражающие начальное заселение Евразии в раннем плейстоцене, имеют особую научную ценность. На сегодня древнейшие стоянки на территории Евразии выявлены на Ближнем Востоке и Кавказе. В Ближневосточном регионе известны олдованские памятники долины Зарка (Иордания), относимые к 2,45–1,95 млн л. н. (Scardia et al. 2019), раннеашельская стоянка Убейдия (Израиль) с возрастом около 1,6–1,2 млн л. н. (Bar-Yosef, Belmaker 2011), а также три пункта на востоке Турции, где изделия раннеашельского облика залегают в отложениях середины раннего плейстоцена, включая палеомагнитный эпизод Олдувай (1,95–1,77 млн л. н.) (Ожерельев и др. 2020).

На Кавказе памятники подобного возраста более многочисленны и расположены в разных областях этого региона (рис. 1, А). На Таманском полуострове на побережье Азовского моря обнаружена группа раннеашельских памятников, древнейшим из которых является стоянка Кермек — около 2,1 млн л. н. (Щелинский 2021). Сходный возраст имеют и наиболее ранние слои группы олдованских памятников, исследуемых в горном Дагестане (Амирханов 2016). К этому же хронологическому рубежу относят слой с мелкоорудийной индустрией на стоянке Рубас в приморской зоне Дагестана (Anoikin et al. 2023). На Южном Кавказе первым свидетельством появления там человека в середине раннего плейстоцена стала олдованская стоянка Дманиси (~1,8 млн л. н.) на севере Закавказского нагорья, на территории Грузии (Ferring et al. 2011). Неподалеку от Дманиси, но уже в пределах

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН по теме «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

² Е. В. Беляева — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; П. Г. Куст — независимый исследователь, Москва.

© Беляева Е. В., Куст П. Г., 2025

Армении за последние два десятка лет открыта группа раннеплейстоценовых памятников, индустрии которых относятся к раннему ашелю. Эти памятники выявлены в Лорийской котловине, а также к востоку и западу от нее — на левобережье верхнего течения р. Дебед и в Верхнеахурянской и Ширакской котловинах (рис. 1, Б). Палеомагнитные данные и стратиграфические корреляции разрезов отложений, дополненные серией абсолютных U-Pb датировок, показали, что наиболее древние раннеашельские памятники данной области (Карахач, Мурадово, Ягдан, Куртан II-2, Агворик и Джрадзор) отражают интервал 2,0–1,5 млн л. н. (Presnyakov et al. 2012; Trifonov et al. 2016; 2020; Беляева 2022).

Особый интерес представляют два недавно обнаруженных памятника — Ягдан и Куртан II-2, расположенные на юго-востоке Лорийской котловины (рис. 1, Б). В отличие от большинства стратифицированных раннеашельских памятников региона, где каменные изделия найдены в основном в аллювиально-пролювиальных отложениях и вряд ли залегают *in situ* (Беляева 2022: 80, 81, 84), в данных пунктах артефакты содержатся в раннеплейстоценовых палеопочвах. Это предполагает малую вероятность перемещения захороненных изделий, а также дает возможность получить больше информации об условиях формирования культурных слоев. В Ягдане обнажение палеопочв перекрыто потоком базальтов (возраст — ~2 млн л. н.), поэтому их можно было исследовать лишь посредством зачисток. В Куртане II-2 (рис. 2) такого препятствия нет, что позволило не только изучить разрез отложений, но и приступить к раскопкам. Хотя исследования Куртана II-2 только начаты, полученные результаты и материалы оказались столь значимы, что заслуживают немедленного введения в научный оборот.

Краткая характеристика памятника Куртан II-2

Данный пункт (N40°57'20.75"; E44°33'08.47"; 1266 м над уровнем моря) находится на древней террасе р. Гергер (рис. 1, Б), стекающей с Базумского хребта, на южной окраине с. Куртан, в 20 м к юго-западу от небольшого карьера Куртан II (рис. 2, Б). Отложения, вскрытые этим карьером (рис. 2, А), отчасти сходны с теми, что были ранее изучены в карьере Куртан I в 2,5 км к северо-западу (Беляева 2022). В Куртане I на базальтах с K-Ar датой $2,08 \pm 0,10$ млн л. н. залегает пемзовый песок, возраст которого, установленный SIMS U-Pb методом, составляет $1,495 \pm 0,021$ млн л. н. Для вышележащего слоя вулканогенной супеси получена ^{39}Ar - ^{40}Ar дата $1,49 \pm 0,01$ млн л. н. В одном из пунктов его перекрывает слой вулканического пепла с SIMS U-Pb датой $1,432 \pm 0,028$ млн л. н. Верхнюю часть разреза образуют три супесчано-суглинистых слоя (до 4–6 м) с признаками почвообразования. В верхах этой толщи зафиксирован переход между палеомагнитными эпохами Матуяма и Брюнес, что означает ее формирование во второй половине раннего плейстоцена и в начале среднего плейстоцена (Presnyakov et al. 2012; Trifonov et al. 2016). Раскопки данных слоев в трех пунктах карьера Куртан I принесли более 200 раннеашельских артефактов. Другим важным результатом этих работ стало обнаружение в пункте 3 еще одной палеопочвы, образовавшейся прямо на поверхности базальтовых потоков (Khokhlova et al. 2018). Судя по приведенным датировкам перекрывающих слоев, эта красновато-коричневая палеопочва, которая также содержит каменные изделия, имеет возраст не менее $1,495 \pm 0,021$ млн л. н. (Беляева 2022).

В борту расположенного неподалеку карьера Куртан II, который после открытия рядом с ним еще одного пункта получил наименование Куртан II-1 (рис. 2, Б), под современной почвой лежат супесчаные отложения мощностью до 1,5 м (рис. 2, А). Они в целом похожи на три верхних слоя в Куртане I, но содержат галечно-гравийные линзы, говорящие о периодической водной эрозии. В 2012 г. в этих отложениях были найдены 10 каменных изделий (два чоппера, три скребка, три острия, комбинированное и долотовидное орудия), а также плечевая кость южного слона (Trifonov et al. 2016; Беляева 2022). Нижнюю часть разреза образует толща пемзового песка мощностью до 2 м, который по гранулометрическому и литологическому составу близок песку в карьере Куртан I, что позволяет предполагать его

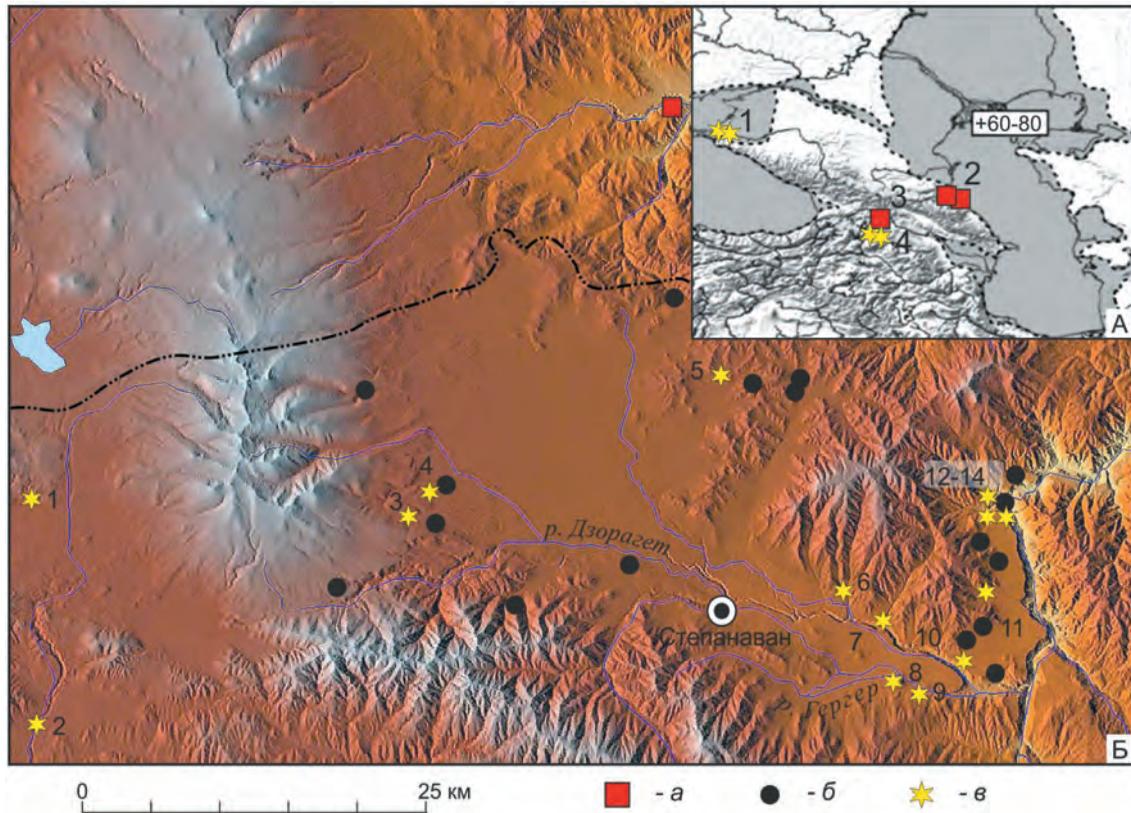

Рис. 1. А — Кавказский регион в период морских трансгрессий середины раннего плейстоцена: 1 — таманская группа раннеашельских памятников (Кермек, Богатыри и др.); 2 — дагестанская группа памятников с олдованскими индустриями (Мухкай 1–2 и др.) и микроиндустрией (Рубас, слой 5); 3 — олдованская стоянка Дманиси; 4 — лорийская группа раннеашельских памятников (Карахач, Куртан I–II и др.). Б — Лорийская котловина и соседние районы Закавказского нагорья (а — олдованская стоянка Дманиси; б — местонахождения с находками раннеашельских изделий; в — стратифицированные раннеашельские памятники): 1 — Агворик; 2 — Джраджор; 3 — Карахач; 4 — Мурадово; 5 — Лернаовит; 6 — Агорак; 7 — Ягдан; 8 — Куртан I; 9 — Куртан II (пункты 1, 2); 10 — Кармир-Ахек; 11 — Ардви; 12–14 — Агви 1–3

Fig. 1. A — Caucasian region in the period of marine transgressions of the mid-Early Pleistocene: 1 — Taman group of Early Acheulian sites (Kermek, Bogatyri etc.); 2 — Daghestan group of sites with Oldowan industries (Muhkai 1–2 etc.) and micro-industry (Rubas, bed 5); 3 — Oldowan site of Dmanisi; 4 — Lori group of Early Acheulian sites (Karakhach, Kurtan I–II etc.). B — map of the Lori depression and adjacent areas of the Transcaucasian Uplands (a — Oldowan site of Dmanisi; б — surface localities with finds of Early Acheulian artifacts; в — stratified Early Acheulian sites): 1 — Agvorik; 2 — Djradzor; 3 — Karakhach; 4 — Muradovo; 5 — Lernaovit; 6 — Agorak; 7 — Jaghdan; 8 — Kurtan I; 9 — Kurtan II (p. 1–2); 10 — Karmir-Akhek; 11 — Ardvi; 12–14 — Agvi 1–3

аналогичный возраст, т. е. около 1,5 млн л. н. В 2019 г. под этим песком в разрезе Куртан II-1 была выявлена кровля зеленовато-серой суглинистой палеопочвы (рис. 2, А).

В 2022 г. на обочине грунтовой дороги, врезанной в склон неподалеку от края карьера Куртан II, произошел размыв современной почвы, и в дорожной выемке обнажился пемзовый песок (рис. 2, Б). При зачистке обнажения, обозначенного как Куртан II пункт 2, или Куртан II-2, под залегающим *in situ* слоем песка обнаружилась та же зеленовато-серая палеопочва, что и в карьере. Однако в отличие от Куртана II-1 в Куртане II-2 оказались вскрыты и нижележащие суглинистые слои. В верхнем из них был найден обломок трубчатой кости носорога или крупной лошади (А. С. Тесаков, личное сообщение)

со следами искусственного раскалывания, а в подстилающем слое — два пика и два чоппера. В 2023 г. производилась новая зачистка разреза отложений в пункте Куртан II-2 (рис. 2, Б, В), а затем там был заложен небольшой раскоп (рис. 3, Б).

На участке зачистки были тщательно изучены отложения мощностью 1,7–1,8 м. В этом разрезе, как и в стенках раскопа, доведенного до такой же глубины, наблюдаются пять литологических слоев. Они довольно четко отграничены друг от друга и залегают с уклоном к северу, в направлении долины р. Гергер (рис. 2, В, Г; 3).

Слой 0 (мощностью до 30 см) представлен антропогенно-нарушенными отложениями, где современная почва смешана с пемзовым песком, вскрытым при прокладке дороги.

Слой 1 (до 40 см) состоит из белесоватого пемзового песка с редкими включениями гравия и гальки. В целом слой 1 имеет тонкослоистое строение, но без резкого контраста слоев по цвету. Это аллювиальные пемзовые пески, которые, как уже отмечалось, в целом аналогичны тем, что в Куртане I имеют возраст $1,495 \pm 0,021$ млн л. н. В пределах разреза Куртана II-2 в них выделены три почвенных горизонта ($1C_1$, $1C_2$, $1Ahgb$), отражающих этапы накопления слоя 1. Горизонты $1C_1$ и $1C_2$ разделены темно-серыми песчаными линзами, сформированными локальными водотоками. В низах горизонта $1C_2$ найден крупный и сильно выветренный фрагмент пемзы (рис. 3, А). Результатом водной проработки такого пемзового материала и стал, видимо, пемзовый песок. В подошве слоя 1 выявлен слабоструктурированный темный песчаный горизонт $1Ahgb$. Этот горизонт был сформирован при минерализации органического слоя, возникшего на поверхности поймы или дне озера, которые образовались на переходе к аллювиальной водной обстановке вскоре после погребения нижележащего слоя 2.

Слой 2 (до 20 см) характеризуется как тяжелый — средний суглинок зеленовато-серого цвета. Практически с самой кровли слоя в нем наблюдаются включения мелкого гравия и камней. Верхняя граница слоя 2 волнистая (рис. 3, А), с линзообразными понижениями, переход к слою 1 очень резкий. Все это подтверждает эрозионную (водную) границу слоев 1 и 2. Слой 2 подразделяется на три хорошо развитых почвенных горизонта ($2Gb_1$, $2Gb_2$, $2Gb_3$), значительно отличающихся по структуре. В верхнем горизонте на гранях структурных отдельностей сформированы скелетаны, указывающие на то, что гидроморфные условия начала отложения перекрывающих пемзовых песков чередовались с засушливыми периодами. Это приводило к усадке — набуханию при увлажнении — высыхании поверхности почвы, образованию трещин и засыпке песчаного материала. Вероятно, именно за этот короткий период и сформировался горизонт $1Ahgb$. Нижняя граница слоя 2 подчеркнута горизонтом $2Gb_3$. В нем заканчиваются крупные Fe-Mn трубки по порам, что говорит о том, что этот горизонт сформирован на геохимическом барьере. Карманный характер нижней границы слоя 2 и срезанные крупные Fe-Mn трубки по порам в верхах слоя 3 подтверждает эрозионный контакт этих слоев.

Слой 2 представляет собой делювиальные отложения с хорошо сформированной почвой, которая может быть классифицирована как Gleysol (IUSS working group WRB 2022). Такие почвы преимущественно формируются при господстве субаквальной обстановки в гидроморфных позициях. Возможно, что на этапе формирования почвы в слое 2 изучаемая территория характеризовалась заболоченностью. Учитывая, что эта территория располагается на древней террасе р. Гергер, можно предполагать, что данная почва развивалась в условиях притеррасного понижения, которое порой затапливалось водой и было непригодно для проживания.

Слой 3 (до 40 см) состоит из красновато-коричневого среднего суглинка, обогащенного мелким гравием (до 10–15 %) и отдельными более крупными обломками. Слой 3 подразделяется на три почвенных горизонта ($3Vgb$, $3Bb$, $3Cb$), отличающихся прежде всего по количеству глины во внутриведной массе. Описанные выше трубки, а также Fe-Mn покровы на гранях структурных отдельностей в верхнем горизонте слоя 3 указывают

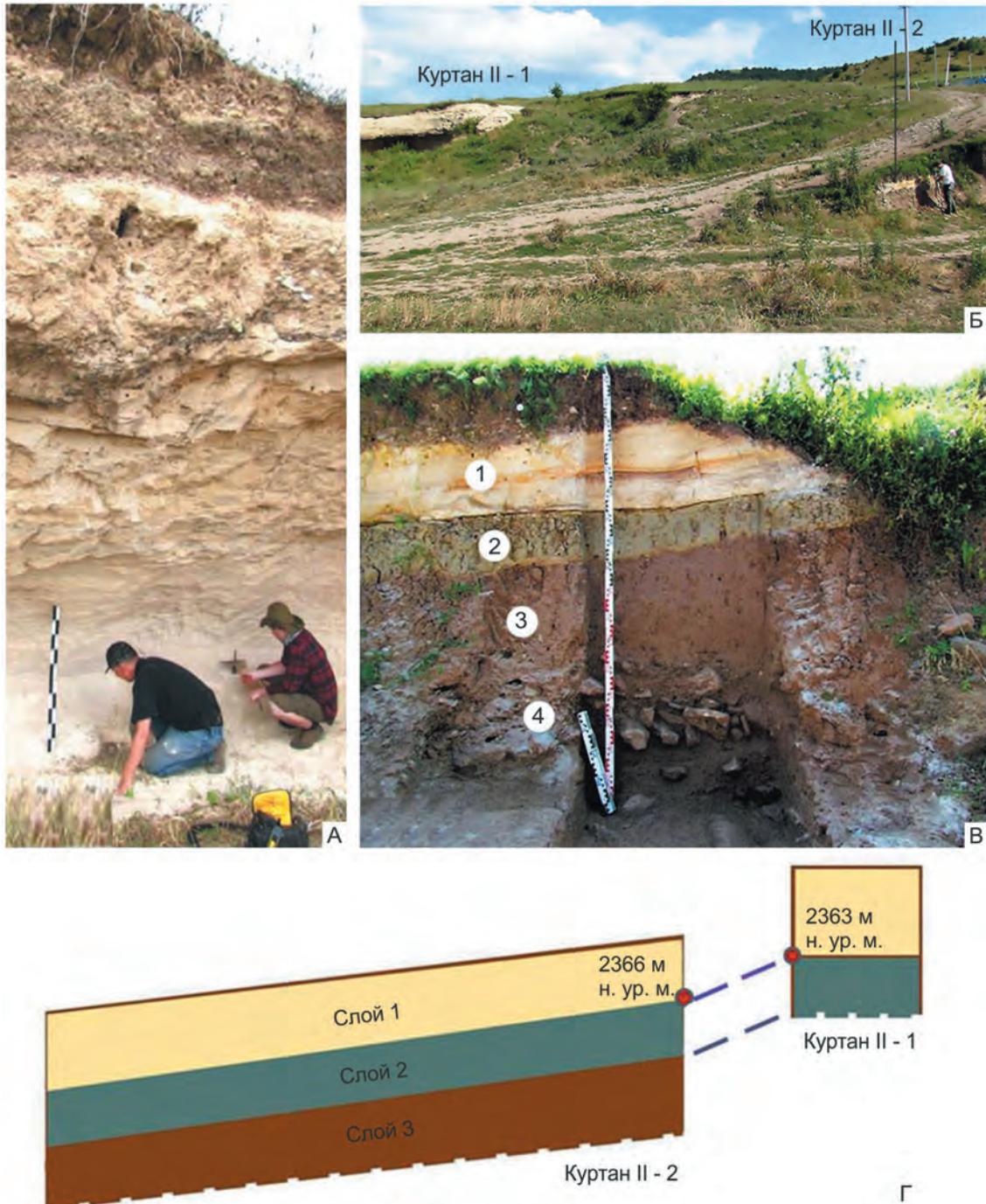

Рис. 2. Карьер Куртан II: А — разрез отложений Куртана II-1; Б — Куртан II-1 и обнажение в дорожной выемке Куртан II-2, общий вид; В — Куртан II-2, зачистка обнажения; Г — корреляция слоев в разрезах отложений Куртан II-1 и Куртан II-2

Fig. 2. A. Kurtan II quarry: A — sediment section Kurtan II-1; Б — general view of the Kurtan II quarry (Kurtan II-1) and exposure of sediments in the road cutting (Kurtan II-2); В — Kurtan II-2: cleaned exposure of sediments; Г — correlation of layers in the sediment sections of the Kurtan II-1 and Kurtan II-2

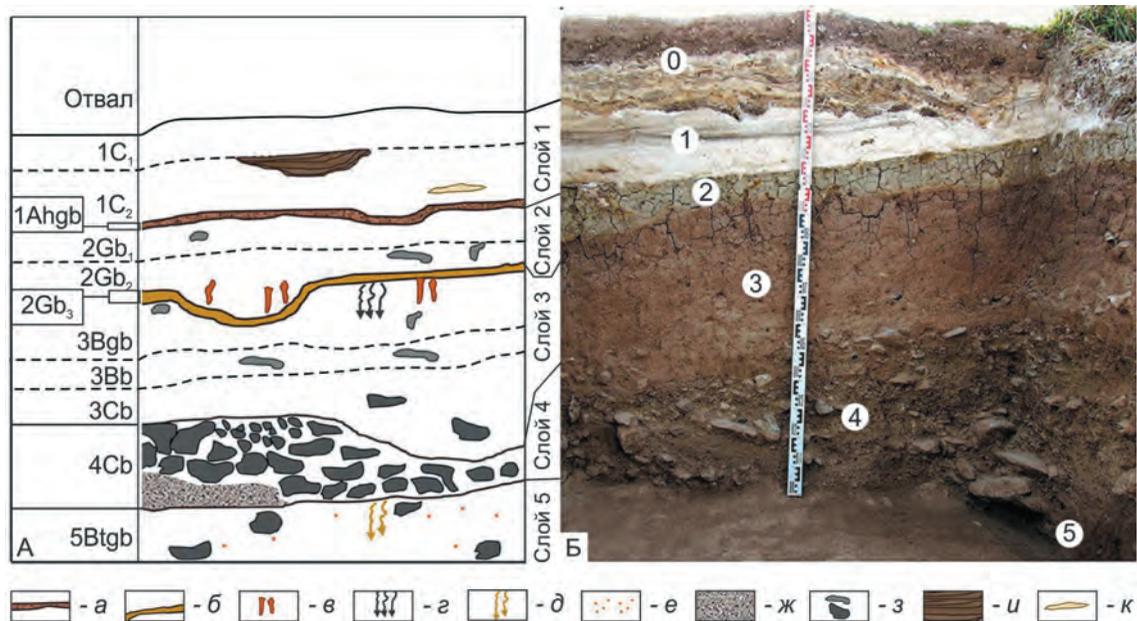

Рис. 3. Куртан II-2. А — общая литолого-стратиграфическая схема с основными признаками, характеризующими почвенные горизонты (штриховые линии — границы почвенных горизонтов, сплошные линии — границы почвенных горизонтов, наследующих геологические слои). Условные обозначения: *a* — песчаный горизонт на границе слоев 1 и 2; *б* — горизонт оглеения на эрозионном контакте слоев 2 и 3; *в* — крупные ожелезненные поры-трубки; *г* — железо-марганцевые кутаны на гранях структурных отдельностей; *д* — глинистые кутаны на гранях структурных отдельностей; *е* — железо-марганцевые нодули; *ж* — песчаная линза с резкой (эрозионной) нижней границей со слоем 5; *з* — коллювиальные обломки; *и* — темно-серые линзы; *к* — выветрелые обломки пемзы. Б — разрез отложений по восточной стенке раскопа

Fig. 3. Kurtan II-2. A — general lithological-stratigraphic scheme of the soil profile with main features characterizing the soil horizons (dashed lines — boundaries of soil horizons, solid lines — boundaries of soil horizons which follow the geological layers). Legend: *a* — sand horizon between layers 1 and 2; *б* — gleiing horizon on the erosional contact of layers 2 and 3; *в* — large ferruginous tube-shaped nodules; *г* — ferromanganese coatings on ped faces; *д* — clay coatings on ped faces; *е* — ferromanganese nodules; *ж* — sand lens with abrupt (erosional) lower boundary with layer 5; *з* — colluvial fragments; *и* — dark gray lenses; *к* — weathered pumice fragments. Б — sediment section on the eastern side of the excavation

на то, что финальные этапы развития почвы в этом слое характеризовались высоким гидроморфизмом. Слой 3 определяется как делювиальные отложения, подвергшиеся почвенной проработке, а почва классифицирована как Cambisol (IUSS working group WRB 2022). Почвообразование предположительно шло по типу метаморфического выветривания в условиях теплого гумидного климата, вероятно, тропического. Следует отметить, что на протяжении формирования этого слоя не исключена смена источника делювия, так как два его нижних горизонта отличаются не только по содержанию глины, но и по увеличенному содержанию песчаной фракции.

Слой 4 (до 40 см) неоднороден, он состоит из матрикса, который аналогичен почвенному горизонту 3Сб, но отличается большим количеством слабоокатанных и неокатанных обломков разного размера. В этом слое выделен почвенный горизонт 4Сб. В левой части профиля на глубине 155–162 см от поверхности разреза в низах слоя 4 видна линза крупного песка с ровной нижней границей, которая соответствует глубине каменистой подошвы слоя 4 (рис. 3). Эта линза, видимо, сингенетична формированию слоя 4. Слой 4 представляет собой коллювиальные отложения и имеет эрозионный контакт с нижележащим слоем 5, т. е. здесь можно видеть борт некоего водотока.

Слой 5 (вскрытая мощность до 15 см) сложен коричневым легким суглинком, переходным к супеси. В пределах этого слоя развит только горизонт 5Btgb, который по количеству крупных камней и мелкого гравия обнаруживает сходство с горизонтами 3Vgb и 3Bbc. Однако почвенные признаки в горизонте 5Btgb характеризуются также наличием глинистых кутан и мелких Fe-Mn конкреций (рис. 3, А). Данный слой идентифицирован как нижняя часть срезанного эрозией профиля Luvisol (IUSS working group WRB 2022). Формированию таких почв соответствуют теплые гумидные условия.

Таким образом, в обнажении Куртан II-2 представлен педоседимент, который сформировался в результате нескольких стадий седиментации, перемежающихся частичной эрозией материала. Палеоэкологическая обстановка менялась от склоновых условий (слои 5, 4, 3) к гидроморфным или заболоченным (слой 2) и завершается фазой, когда началось формирование аллювиальных отложений (слой 1). На всех этапах происходил снос обломочного материала с близлежащего Базумского хребта. Поскольку каменные изделия найдены только в слоях 3 и 4, можно полагать, что именно во время их формирования природная обстановка в данной местности была наиболее благоприятной для проживания древних людей.

Археологические материалы

Раскопки 2023 г. в Куртане II-2 проводились на площади 2 м²: 2 м вдоль края обнажения, примерно совпадающего с линией С-Ю, и 1 м вглубь от него. Разборка отложений велась послойно, с фиксацией находок в плане и по глубине от условного нуля, которому соответствовала наиболее высокая точка современной поверхности на данном участке. Раскоп был доведен до глубины 1,8 м от этого уровня, частично вскрыв кровлю слоя 5 (рис. 2, Б). Каменные артефакты обнаружены в слоях 3 и 4. В слое 3 количество изделий оказалось небольшим (5 экз.), что не позволяет судить об их распределении в плане и по глубине. Можно лишь констатировать, что три изделия залегали в средней части данного слоя, а два — ближе к его подошве. Хотя слой 4, как отмечено, формировался при участии водных процессов, он доставил 16 изделий без признаков окатанности, но с разной степенью выветривания. Пять находок залегали на глубинах –161/–171 см, а остальные имеют отметки –178/–184 см, что, возможно, отражает горизонты обитания, существовавшие в период приостановки водной эрозии.

Находки в слое 3 (5 экз.) включают чоппер, два пика, отщеп с ретушью и струг. В состав изделий из слоя 4 (16 экз.) входят три чоппера, четыре пика, рубило, два макроострия, макродолото, три скребла, струг и мелкое острие. Ранее, как упоминалось, при зачистке этого слоя были извлечены еще четыре орудия (два чоппера и два пика). Наличие пиков, рубила и различных мелких орудий указывает на ашельский тип индустрии. Изделия из слоев 3 и 4 в пункте 2 Куртана II не имеют различий по сырью и характеру обработки, что с учетом их малочисленности допускает общую характеристику обеих коллекций. Это 25 артефактов из риодацита, андезита и других вулканических пород. К продуктам расщепления относится лишь один небольшой полукраевой отщеп с гладкой площадкой и несколькими негативами на спинке, указывающими на одноплощадочное скалывание (рис. 4, 1). Все прочие изделия являются орудиями (24 экз.), большую часть которых составляют макроорудия длиной более 10 см (18 экз.).

Чопперы (6 экз.) изготовлены в основном из плитчатых обломков и лишь один — из крупной уплощенной гальки. Три чоппера имеют более-менее удлиненную подпрямоугольную форму (длина 11,2, 13,8 и 15,1 см) с прямым или слабовыпуклым поперечным лезвием. У двух таких чопперов лезвие было получено посредством односторонней обработки крупными сколами, а у третьего оно обработано с двух сторон. Еще двум чопперам приданы веерообразные очертания. Более крупный из них (23,3 см) отличается вытянутыми пропорциями корпуса, сформированного с помощью оббивки, и дуговидным поперечным лезвием с двусторонней обработкой (рис. 4, 8).

Форма второго менее крупного веерообразного чоппера (12,5 см) отчасти наследует очертания исходной гальки, на которой грубыми сколами было оформлено широкое слабовыпуклое лезвие (рис. 4, 4). Последний из чопперов (12,3 см) имеет трапециевидную форму, на широком крае которой серией односторонних сколов изготовлено стрельчатое лезвие. Чопперы подпрямоугольных, веерообразных и трапециевидных очертаний являются характерными для карахачской индустрии, или традиции, ранее выделенной на основе анализа коллекций других раннеашельских памятников Лорийской котловины (Беляева 2022).

Пики (8 экз.) сделаны в основном из обломков валунов, и лишь в одном случае заготовкой послужил очень массивный отщеп. Два пика являются относительно небольшими (длина — 11,4 и 12,7 см). Еще один пик имеет длину 17,2 см, а остальные можно назвать пиками-гигантолитами (22,0–25,0 см). Большинство пиков завершаются массивным острием, но в трех случаях рабочий конец представляет собой долотовидное лезвие, что часто встречается у пиков карахачской традиции. Очертания пиков в плане неодинаковы (подтреугольные, удлинненно-грушевидные, удлинненно-арковидные), но в профиль все они имеют плоско-выпуклое сечение. Высокая спинка большинства пиков сохраняет значительную часть поверхности исходной заготовки. Обработка их включает лишь крутые сколы-обрубы, формирующие края корпуса и пятку, а также сколы подтески плоской стороны и приостряющие рабочий конец. Корпус, полностью сформированный обработкой, отмечен только у одного небольшого остроконечного пика подтреугольных очертаний (рис. 4, 5).

Рубило (11,5 × 8,9 × 3,6 см), имеющее неправильную подтреугольную форму, изготовлено из плитчатого обломка (рис. 4, 6). Его утончили плоскими сколами с одной стороны, а затем серией краевых сколов был оформлен контур орудия и приострены его края.

Макроострия (2 экз.) имеют длину 10,2 и 11,8 см. Они сделаны из плитчатых обломков, которые были дополнительно утончены плоскими сколами с одной стороны, благодаря чему их толщина составляет лишь 3–4 см. Краевой оббивкой этим орудиям придана неправильная грушевидная форма, дистальная часть которой сильно заужена и образует острие.

Имеется, наконец, очень крупное *макродолото* брусковидной формы (22,8 × 9,8 × 5,4 см), оформленное на массивном и удлинненном плитчатом обломке. Один его конец был притуплен обрубом, а другой, более широкий, с помощью двусторонней оббивки крупными сколами превращен в поперечное лезвие (рис. 4, 7). Такие брусковидные макродолота являются одним из специфических типов раннеашельского инвентаря карахачской традиции (Беляева 2022).

Менее крупные орудия (6 экз.) представлены тремя *скреблами*, двумя *стругами* и *острием*. Два скребла, максимальные размеры которых достигают 8–9 см, сделаны из плитчатых обломков. Обе их стороны были частично подтесаны плоскими сколами, а слабовыпуклые лезвия оформлены разновеликой краевой ретушью. Лезвие одного скребла расположено на широком основании подтрапециевидного корпуса, а второго — на более узком. Заготовкой третьего скребла асимметричной подтреугольной формы послужил полукраевой отщеп размером около 7 см. Он имеет гладкую скошенную ударную площадку, с которой ранее были сняты два скола, негативы которых видны на спинке. Один край этого орудия представляет собой крутой естественный обушок, а второй край образован крупными и мелкими сколами, создающими слабовыпуклое извилистое лезвие. Первый из двух стругов изготовлен из массивного удлинненного обломка и по своим габаритам (9,7 × 5,5 × 5,2 см) сближается с пиками. Однако его лезвийный край, полученный односторонней оббивкой, не заужен относительно корпуса, что характерно для пиков, поэтому данное орудие было определено как струг. Второй струг имеет меньшие размеры (длина 5,6 см) и сделан из менее крупного и массивного плитчатого обломка, которому была придана форма высокой трапеции, а на ее широком основании крупными односторонними сколами оформлен режущий лезвийный край (рис. 4, 3). Последнее из этой группы орудий

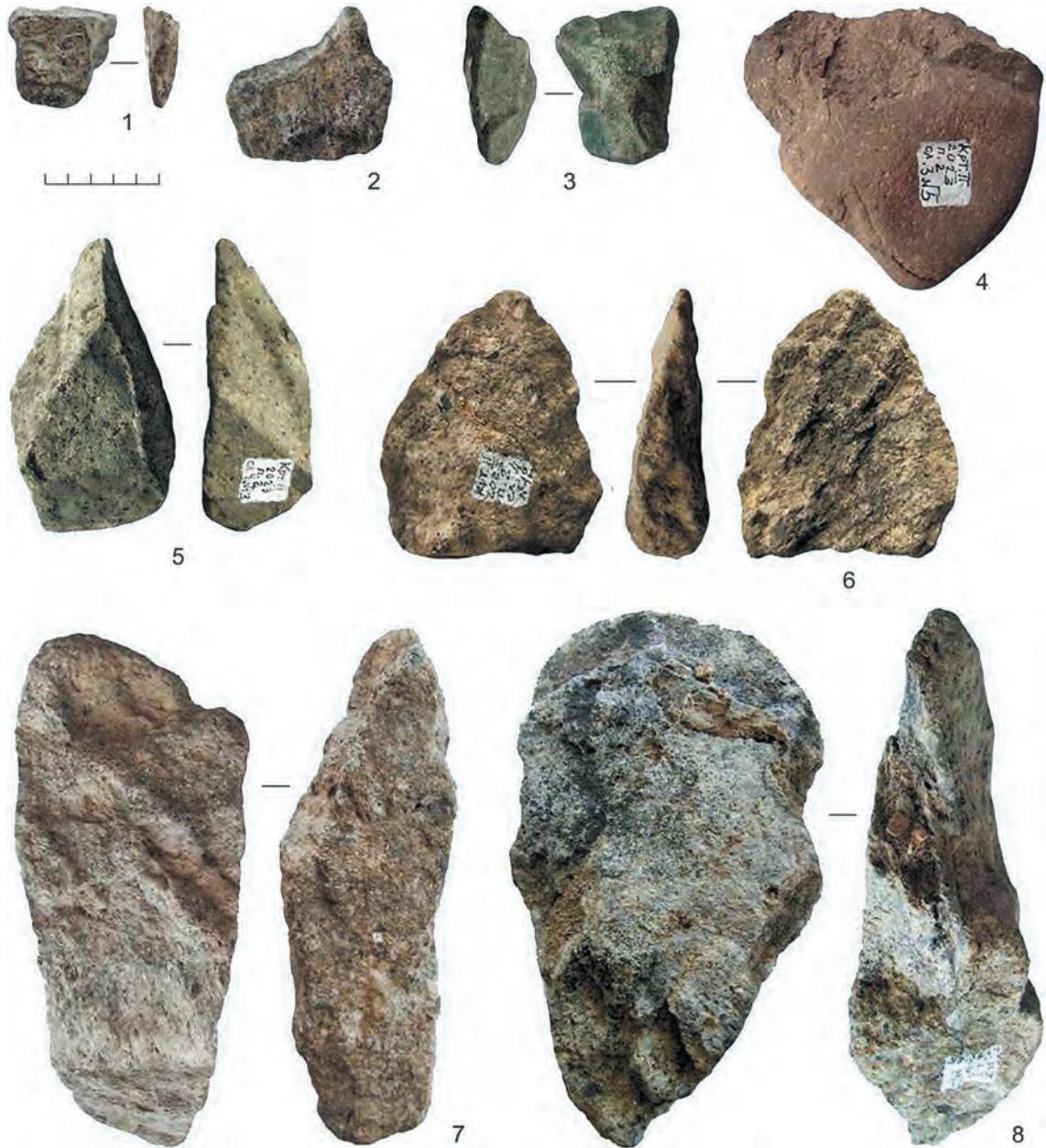

Рис. 4. Куртан II-2, раннеашельские изделия из слоев 3 и 4: 1 — отщеп; 2 — острие; 3 — струг; 4, 8 — чопперы; 5 — пик; 6 — рубило; 7 — макродолото

Fig. 4. Kurtan II-2, Early Acheulian artifacts from the layers 3-4: 1 — flake; 2 — pointed tool; 3 — push-plane; 4, 8 — choppers; 5 — pick; 6 — handaxe; 7 — macro-chisel

является небольшим асимметричным острием, заготовкой для которого послужила тонкая плитка. Острый конец данного орудия выделен с одной стороны выемкой, а с другой — вогнутым краем, полученным серией мелких сколов (рис. 4, 2). Все эти мелкие орудия также имеют аналоги в инвентаре раннеашельской карахачской традиции (Беляева 2022).

Заключение

В Лорийской котловине (Закавказское нагорье, Армения) открыт новый памятник Куртан II-2, где раннеашельские изделия залегают в палеопочвах, которые, судя по датировкам перекрывающего пемзового песка, имеют возраст не менее 1,5 млн л. н.

Анализ культуросодержащих палеопочв данного памятника позволяет говорить о том, что они формировались на берегу палеореки, в теплых и влажных условиях. Сходные субтропические или тропические природные условия реконструируются и на основании изучения палеопочв в трех других раннеашельских памятниках Лорийской котловины, относящихся к середине раннего плейстоцена: Карахач, нижний слой Куртана I и Ягдан (Khokhlova et al. 2018; Ревунова и др. 2021; Беляева 2022).

Найденные артефакты, несмотря на пока небольшое их количество, достаточно выразительны и позволяют сделать вывод, что оба культурных слоя, выявленных на сегодня в Куртане II-2, содержат артефакты одной и той же раннеашельской индустрии. Присутствующие в ней пики с долотовидным концом, веерообразные чопперы, струги и макродолото характерны для индустрии карахачского типа, которая представлена во всех прочих раннеашельских памятниках Лорийской котловины и соседствующих территорий севера Закавказского нагорья. Это еще раз подтверждает сделанное прежде заключение о том, что данная территория Закавказского нагорья еще в середине раннего плейстоцена была заселена и довольно широко освоена раннеашельскими людьми, которые благодаря благоприятным ландшафтно-климатическим условиям и обилию каменного сырья обитали здесь длительное время, развивая локальную индустриальную традицию (Беляева 2022; 2023).

Литература

- Амирханов 2016 — Амирханов Х. А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: Мавраевъ, 2016. 344 с.
- Беляева 2022 — Беляева Е. В. Ашельские памятники Закавказского нагорья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. 276 с.
- Беляева 2023 — Беляева Е. В. Заселение Закавказского нагорья в раннем–среднем ашеле // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2023. Т. 51, № 3. С. 22–29.
- Ожерельев и др. 2020 — Ожерельев Д. В., Трифонов В. Г., Челик Х., Трихунков Я. И. Новые свидетельства раннего палеолита в горных системах Восточной Анатолии и Малого Кавказа // Записки ИИМК РАН. 2020. № 22. С. 99–127.
- Ревунова и др. 2021 — Ревунова А. В., Хохлова О. С., Русаков А. В. Раннеплейстоценовые педоседименты Лорийской котловины (Армения): генезис, свойства и их палеогеографическая интерпретация // Почвоведение. 2021. № 10. С. 1167–1181.
- Щелинский 2021 — Щелинский В. Е. Ранний ашель Западного Предкавказья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. 132 с.
- Anoikin et al. 2023 — Anoikin A. A., Rybalko A. G., Kandyba A. V., Vikulova N. A., Kulakova E. P., Yanina T. A., Kazanskiy A. Yu., Kurbanov R. N. Between the Caucasus and the Caspian Sea: Human occupation of the coastal zone of the Western Caspian in the Pleistocene // Archaeological Research in Asia. 2023. 34. 100442.
- Bar-Yosef, Belmaker 2011 — Bar-Yosef O., Belmaker M. Early and Middle Pleistocene faunal and hominins dispersals through Southwestern Asia // QSR. 2011. Vol. 30. P. 1318–1337.
- IUSS working group WRB 2022 — International Union of Soil Sciences Working Group. World Reference Base for Soil Resources. International soil classification system for naming soils and creating legends for soil maps. 4th ed. Vienna: FAO printing, 2022. 236 p.
- Khokhlova et al. 2018 — Khokhlova O. S., Sedov S. N., Khokhlov A. A., Belyaeva E. V., Lyubin V. P. Signs of pedogenesis in the Early Pleistocene sediments containing tools of early hominins in the Northern Armenia and paleoclimatic reconstruction // QI. 2018. Vol. 469. P. 68–84.
- Presnyakov et al. 2012 — Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Radionov N. V., Antonov A. V., Saltykova A. K., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A. Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP-II U-Pb geochronology of zircons from volcanic ashes // Gondwana Research. 2012. Vol. 21. P. 929–938.

- Scardia et al. 2019 — *Scardia G., Parenti F., Miggins D. P., Gerdes A., Araujo A. G. M., Neves W. A.* Chronologic constraints on hominin dispersal outside Africa since 2.48 Ma from the Zarqa Valley, Jordan // QSR. 2019. Vol. 219. P. 1–19.
- Trifonov et al. 2016 — *Trifonov V. G., Lyubin V. P., Belyaeva E. V., Lebedev V. A., Trikhunkov Ya. I., Tesakov A. S., Simakova A. N., Veselovsky R. V., Latyshev A. V., Presnyakov S. L., Ivanova T. P., Ozherelyev D. V., Bachmanov D. M., Lyapunov S. M.* Stratigraphic and tectonic settings of Early Paleolithic of North-West Armenia // QI. 2016. Vol. 420. P. 178–198.
- Trifonov et al. 2020 — *Trifonov V. G., Simakova A. N., Çelik H., Tesakov A. S., Shalaeva E. A., Frolov P. D., Trikhunkov Ya. I., Zelenin E. A., Aleksandrova G. N., Bachmanov D. M., Latyshev A. V., Ozherelyev D. V., Sokolov S. A., Belyaeva E. V.* The Upper Pliocene — Quaternary geological history of the Shirak Basin (NE Turkey and NW Armenia) and estimation of the Quaternary uplift of Lesser Caucasus // QI. 2020. Vol. 546. P. 229–244.

NEW EARLY ACHEULEAN SITE KURTAN II-2 (ARMENIA)

E. V. Belyaeva, P. G. Kust

Keywords: *Early Pleistocene, Armenia, Early Acheulean, paleosols*

Early Acheulean site Kurtan II-2 has been discovered recently in the north of the Transcaucasian plateau (Lori depression, Armenia). Stone artifacts are associated with two paleosols that formed in the middle of the Early Pleistocene, not later than 1.5 mya. The analysis of the paleosols is indicative of a warm humid climate, which has been reconstructed also for the other Early Acheulean sites of the Lori depression. The composition and types of tools are typical of the local Early Acheulean tradition. New materials substantially expand our knowledge on the initial peopling of the Southern Caucasus during the Early Pleistocene.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести
АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа
АН — академия наук
БИ — Боспорские исследования
ГАН — Государственные академии наук
ГИАМЗ — Государственный историко-археологический музей-заповедник
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГУ — Государственный университет
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДБ — Древности Боспора
ИА — Институт археологии
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИВИ — Институт всеобщей истории
ИИМК — Институт истории материальной культуры
КБН — Корпус боспорских надписей
КГИАМЗ — Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына
КП — Книга поступлений
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ММНК — Материалы международной научной конференции
МНК — Международная научная конференция
НА — Научный архив
НАНУ — Національна академія наук України
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
погр. — погребение
РА/СА — Российская/Советская археология
РАН — Российская академия наук
РО — Рукописный отдел
с. — село
сб. ст. — сборник статей
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
Тр. — Труды
ФНИ — Фундаментальные научные исследования
ИНМС — Institute for the History of Material Culture
MD — Manuscript department
QI — Quarternary International
QSR — Quarternary Science Review
RAS — Russian Academy of Sciences
SA — Scientific archive

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 32**

Главный редактор: В. А. Лапшин

Корректоры: О. К. Чеботарева

Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН

Адрес издателя и редакции: Россия, 191181, Санкт-Петербург,

Дворцовая наб., 18, литер А, каб. 311

Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271

<http://www.archeo.ru>; zapiski@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-83463 от 24.06.2022,

выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ290 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 08.08.2025. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,88. Тираж 100 экз. Заказ 811.

Дата выхода из печати 10.09.2025

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)

192029, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

Тел. +7 (981) 699-6595

E-mail: 9450922@gmail.com

Цена свободная

